

1967 ИЗВѢСТІЯ
САРАПУЛЬСКАГО ЗЕМСКАГО
МУЗЕЯ.

Выпускъ IV.

-2598a
Библиотека
УГПИ
г. Ижевск

МОСКВА.

Т-во „Печатня С. П. Яковлева“, Петровка, Салтыковский пер., д. Т-ва, № 9.
1914.

Содержаніе IV выпуска

„Извѣстій Сарапульскаго Земснаго Музея“.

	Стр.
1. Общее Собраніе Членовъ Музея. Рѣчь Л. К. Круликовскаго.....	5
2. Отчетъ о дѣятельности Музея Сарапульскаго земства за 1912 г.....	10
3. Заселеніе Закамья. Историч. очеркъ свящ. Н. Н. Блинова.....	15
4. Городища. Курганы. Мѣста древнихъ поселеній въ Сарапульскомъ и Бирскомъ уѣздахъ. Раскопки. Кладоискатели. Л. А. Беркутова.....	35
5. Шиханъ на правомъ берегу р. Бѣлой. Ф. В. Стрѣльцова.....	97
6. Списки животныхъ фауны Средняго Прикамья. Л. К. Круликовскаго.....	99
7. Сказки и легенды вотяковъ. Свящ. Г. Г. Верещагина.....	107
8. Сарапульская старина. Первые параходы на р. Камѣ. Вѣщица,—легенда. Пугачевъ въ Агрызи. Свящ. Н. Н. Блинова.....	158
9. Лапти. Этнографич. очеркъ свящ. Н. Н. Блинова....	171
10. Указъ объ освященіи церкви въ с. Мазунинѣ.....	183
11. Дополненіе къ списку сочиненій С. Н. Миловскаго (Елеонскаго) и литература о немъ. Л. К. Круликовскаго.....	185

Общее собраніе членовъ музея.

Рѣчь Л. К. Круликовскаго.

Сегодня мы собрались здѣсь на скромное торжество годовщины музея Сарапульскаго земства, вступающаго въ пятый годъ своего существованія. Безъ сомнѣнія, всѣ присутствующіе были въ музеѣ и осматривали его; очень многіе, знакомые съ музеями большихъ центровъ, можетъ быть, скептически отнесутся къ нашему маленькому начинанію и къ тому, что мы, члены музея, успѣли сдѣлать за истекшее время.

На этомъ нельзя не остановиться. Да, нашъ музей малъ и бѣденъ, но—нельзя не считатьъ съ тѣми—не только ограниченными, но можно сказать,—прямо ничтожными средствами, съ которыми онъ началъ свое существованіе и живетъ по настоящее время. Только съ прошлаго года, когда при музеѣ организовалось Общество для изученія мѣстнаго края, въ его кассу стали поступать членскіе взносы, но пока еще въ незначительномъ количествѣ; до сихъ поръ, какъ и при основаніи, субсидія, ассигнуемая земскимъ собраніемъ, составляетъ не только главный, но и почти единственный источникъ его доходовъ.

Всего за три года израсходовано музеемъ около 700 рублей. Будьте же, господа, безпристрастны, пройдите по музею, оцѣните, приблизительно, все—въ немъ заключающееся—и коллекціи, и мебель. Неужели администрація музея—не только не оправдала довѣрія земства, но и не сдѣлала больше, значительно больше, чѣмъ, казалось бы, можно было сдѣлать на эти средства? Какимъ же путемъ, спросите вы, достигнуть такой результатъ? Во-первыхъ, щедрыми пожертвованіями предметовъ и книгъ частными лицами, во-вторыхъ, дружною и безкорыстною работою членовъ музея.

Сдѣлаемъ краткій обзоръ наиболѣе важныхъ и интересныхъ предметовъ, хранящихся въ настоящее время въ музеѣ. Въ художественномъ отдѣлѣ стоитъ, конечно, на первомъ мѣстѣ—неоконченная кар-

Свѣдомскаго—„Трупъ Ермака, разстрѣливаемый татарами“ эскизъ головы Мадонны, которыми мы обязаны покойному Свѣдомскому и Д. В. Шабердину. Изъ мѣстныхъ художниковъ П. П. Беркутовъ далъ музею двѣ свои картины изъ русской жизни. В. Н. Галкинъ представленъ у насъ этюдомъ лѣса. В. И. Порфирьевъ, къ сожалѣнію, только немногими рисунками. Хороши два портрета неизвѣстнаго художника приблизительно половины XIX вѣка, полученные отъ П. Д. Островскаго. Очень оригинальна столѣтняя аллегорическая картина, изображающая корабль церкви, преслѣдуемый еретиками. Трогательно-наивно изображены „Проводы рекрута“—картина, поступившая отъ Н. В. Новокшонова. Цѣлый рядъ другихъ картинъ и картинокъ, портретовъ, рисунковъ, гравюръ, фотографій и проч.,—только отчасти выставленъ для обозрѣнія публикою, но за неимѣніемъ мѣста, хранится въ папкахъ. Къ этому же отдѣлу слѣдуетъ причислить и оригинальныя картинки, шитыя шелками и бисеромъ.

За изящными искусствами слѣдуетъ археологія. Коллекція предметовъ съ Чегандинскаго городища, добытая Л. А. Беркутовымъ, особенно выдѣляется въ ряду прочихъ, по богатству составляющихъ ее предметовъ. Дальше слѣдуютъ коллекціи съ Пижемскаго и Граханскаго городищъ отъ А. А. Лебедева и М. С. Тюнина, изъ кургана у д. Юшковой отъ П. П. Беркутова съ загадочными глиняными антропоморфными фигурками, чудскіе мечи, находки у д. Исенбаевой, бусы съ сѣвернаго Кавказа, вазочки и статуетки изъ Керчи. Вообще, отдѣлъ доисторической археологіи замѣтно увеличивается и постепенно систематизируется трудами Ѳ. В. Стрѣльцова и П. П. Беркутова.

Болѣе случайный характеръ носятъ коллекціи по археологіи новой. Не имѣя средствъ покупать—какъ старинные предметы, такъ и вещи, относящіяся къ „живой старинѣ“ (характернымъ образомъ такихъ вещей могутъ, напр., служить платки, тарелки, чашки и проч. предметы обихода, появившіеся въ юбилейномъ году Отечественной войны 1812 г.; безъ сомнѣнія, всѣ эти вещи быстро выйдутъ изъ продажи и употребленія и вновь воспроизведены уже никогда не будутъ) — администрація музея довольствуется тѣмъ, что поступаетъ въ видѣ добровольныхъ пожертвованій (здѣсь нужно поблагодарить В. В. Михель). Громадныя услуги музею въ этой области

Если бы принести самые разнообразные слои населения, они были бы больше осведомлены в том, что именно является для них интересным. Как на характерный пример укажу на лубочные картинки, на хромолитографии на злобу дня: попробуйте—достаньте теперь даже картинки войны с японцами, уже не говоря про войну с Турцией в 1877—78 гг., хотя, в свое время, на рынок таких картинок было выпущено множество.

Тем не менее, и в этой области музею удалось собрать в своих стенах много интересного и ценного. Посуда, замки, кольца, серьги и другие принадлежности туалета, рабочие инструменты, наборы, различные формы, картинки, оружие всякого рода (есть между прочим, сабли польских гусар и французских конных войск 1812 года), вышивки, образцы тканей и костюмов—все это мало по малу, стекается в наши стены и постепенно заполняет витрины, шкафы и ящики. В папках же музея скопляется обильный материал для характеристики быта и жизни нашей местности в былое время—в виде афиш, объявлений, писем и проч. Есть и немногие документы XVIII века, есть и любопытные автографы, как напр., М. Е. Салтыкова-Щедрина, когда он служил в Вятке советником губернского правления.

Отдел церковной археологии, в котором выделяются деревянные старинные статуи Христа, за открытием в г. Вятке специального церковно-археологического музея, куда теперь естественно должна стекаться вся старина из храмов губернии, в своем развитии должен считаться почти законченным и в будущем может пополняться только исключительно немногочисленными предметами, которые могут поступать в наш музей от частных лиц.

К археологии же примыкает коллекция нумизматическая с собранием почтовых марок. В этой коллекции, устроенной почти исключительно трудами и пожертвованиями Э. В. Стрельцова, в истекшем году присоединился золотой 20-франковик Наполеона I (от М. В. Воронцовой), может быть, и не редкий с нумизматической точки зрения, но интересный как память о 12 г.

Почти совсем, опять таки по той же фатальной причине—отсутствию средств,—не затронут отдел этнографии. Правда, есть отдельные ценные предметы из быта вотяков, и проч., но только отдельные, не рисующие целиком какую-либо сторону жизни инород-

о края. Это очень печально, такъ какъ, на нашихъ гла-
зодцы все болѣе и болѣе сливаются съ кореннымъ населе-
и теряютъ характерныя черты своего костюма, да и вообще
1. Желательно, чтобы лица, сочувствующія цѣлямъ и задачамъ
ашего музея, по возможности, обратили свое вниманіе на это обсто-
тельство и оказали посильное содѣйствіе въ пополненіи этнографи-
ческаго отдѣла. Это тѣмъ болѣе легко что приступать къ коллекти-
рованию этнографическаго матеріала возможно послѣ очень незначи-
тельной подготовки.

Зоологическій отдѣлъ замѣтно растетъ и обогащается. Самый
цѣнный предметъ въ немъ—это, безъ сомнѣнія, чучело лося, пода-
ренное А. Н. Зылевымъ. Изъ другихъ млекопитающихся любопытны—
почти бѣлая лисица и черный заяцъ. Сильно подвинулась въ своемъ
развитіи коллекція птицъ, преимущественно хищныхъ, плавающихъ и
куриныхъ. Чучела птицъ—рѣбота Д. В. Шабердина—превосходны.
Къ сожалѣнію, мелкихъ птицъ еще очень мало. Гады и рыбы еще
бѣдны представителями въ нашихъ коллекціяхъ. Немного лучше об-
стоитъ дѣло и съ безпозвоночными; что, впрочемъ, поправить—и лег-
че, и дешевле, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ случаѣ.

По ботаникѣ музей имѣетъ, въ общемъ, уже значительные гер-
баріи нашей мѣстности, небольшую коллекцію плодовъ и сѣмянъ,
очень мало низшихъ растений и немногіе дендрологическіе образцы.
На этотъ отдѣлъ, въ будущемъ, надо будетъ обратить больше вни-
манія.

Случайный характеръ носятъ коллекціи по геологій, минералогіи
и палеонтологіи, что, быть можетъ, объясняется отсутствіемъ въ го-
родѣ специалистовъ по этимъ отдѣламъ. Только коллекція желѣзныхъ
рудъ отъ Симскихъ заводовъ не можетъ быть пройдена молчаніемъ и
содержитъ въ себѣ интересныя образцы. Кромѣ нихъ—хорошіе, цѣн-
ные экземпляры минераловъ представляютъ рѣдкое исключеніе. По
палеонтологіи особыхъ рѣдкостей нѣтъ, но все же черепа ископае-
маго носорога, кости и бивни мамонта, обломки череповъ быковъ,
окаменѣлыя раковины, отпечатки растений—останавливаютъ на себѣ
вниманіе посѣтителей. Въ общемъ, оба отдѣла не богаты. Необхо-
димо было бы собирать коллекцію почвъ, хотя бы только Сарapulь-
скаго уѣзда.

При музеѣ составляется библіотека, преимущественно была затра-
ченныя въ томъ или другомъ отношеніи къ мѣстному урессъ для
равочныхъ. Впрочемъ, путемъ пожертвованій, въ нее попада-
ли книги другого содержанія. Всего, по инвентарю, въ ней теперь съ-
считывается 800 нумеровъ. Но предметовъ много больше, потому что цѣлыя
коллекціи записаны подъ однимъ общимъ №. Можно ждать значи-
тельного обогащенія, когда будутъ разобраны старія книги земской
библіотеки, согласно постановленія земскаго собранія. Въ настоящее
время въ библіотекѣ музея самыми цѣнными книгами являются—Исто-
рія Удѣловъ, Столѣтіе Вятской губерніи, Матеріалы по археологій
восточныхъ губерній Россіи, Записки Уральск. Общест. Любител.
Естествознанія, Этнографическія работы Н. Е. Ончукова, труды Д. К.
Зеленина, работы о. Н. Блинова, изданія Департ. Земледѣлія и проч.

Трудно сказать, что либо опредѣленное о будущемъ музея. Нѣтъ
рѣшительно никакихъ основаній думать, что онъ пошелъ бы къ упадку,
но ему грозитъ опасность остановиться на точкѣ замерзанія въ своемъ
ростѣ, если не будутъ изысканы большія средства, какъ для его под-
держанія, такъ и для дальнѣйшаго развитія. Въ особенности же же-
лательнымъ является скорѣйшее пріобрѣтеніе собственнаго помѣще-
нія—гдѣ бы можно было начать устраиваться разъ—на всегда, безъ
опасенія, что придется покинуть занятое мѣсто, сложить подъ спудъ
имѣющіяся коллекціи и ждать лучшихъ временъ. Кромѣ того, въ на-
стоящемъ помѣщеніи уже и теперь стало настолько тѣсно, что нѣтъ
возможности выставить массы предметовъ, имѣющихъ, однако, общій
интересъ, и любопытныхъ не только для спеціалистовъ.

Въ заключеніе—пожелаемъ музею развитія и процвѣтанія на бу-
дущее время, на пользу мѣстнаго края. Vivat crescat, floreat! Отъ
души поблагодаримъ тѣхъ, кто уже съ нами и намъ помогаетъ, и
будемъ просить другихъ, еще далекихъ отъ насъ, примкнуть къ на-
шему дѣлу. Въ единеніи—сила.

Л. Круликовскій.

О Т Ч Е Т Ъ

о дѣятельности музея Сарапульскаго Уѣзднаго Земства

съ 1-го января 1912 г. по 1-е января 1913 г.

Въ теченіе отчетнаго года музей находился все въ тѣхъ же двухъ комнатахъ полуподвального этажа женской гимназіи, уступленныхъ бесплатно во временное пользованіе Попечительнымъ ея Совѣтомъ. Музей же въ настоящее время настолько выросъ, что эти двѣ комнаты для него рѣшительно малы, и многія вещи приходится не выставлять, а прятать отъ публики и хранить подъ спудомъ. Такъ, лежитъ свернутымъ украшеніе художественнаго отдѣла картина П. П. Свѣдомскаго „Ермакъ“, спрятаны богатыя коллекціи старинныхъ набоекъ, минераловъ и др.

Вполнѣ понятно, что мечтой каждаго интересующагося музеемъ, мечтой пока невыполнимой, является вопросъ о собственномъ зданіи, приуроченномъ къ нуждамъ музея.

Не говоря уже о томъ, что у музея нѣтъ крупной суммы на постройку собственнаго зданія, у него нѣтъ даже средствъ для повседневнаго существованія. Въ отчетномъ году весь его бюджетъ достигъ лишь 320 руб. 90 к. Эта сумма составила изъ ассигнованія Сарапульской земской управы въ 200 руб., пожертвованія почетнаго члена музея И. И. Бодалева въ 100 руб., членскихъ взносовъ отъ дѣйствительныхъ членовъ 18 руб. и отъ продажи извѣстій музея 2 р. 90 к. Расходъ же былъ слѣдующій: покрытіе дефицита 1911 г.—19 руб. 74 коп., производство раскопокъ лѣтомъ 1912 г.—100 руб., на пріобрѣтеніе предметовъ для музея—32 руб. 65 коп., на обстановку (витрины, проводка электрическаго освѣщенія и пр.)—105 р. 85 к., мелкіе расходы — 33 руб. Весь же расходъ выразился въ 291 руб. 22 коп. Такимъ образомъ, хотя отъ 1912 г. и осталось около тридцати рублей, но нельзя не обратить

на ту ничтожную сумму в 32 руб., которая была затрачена на приобретение различных, представляющих интерес для музея, предметов.

Озабоченный увеличением средств, Совет музея вошел с ходатайством в прошлое очередное Сарапульское земское собрание об увеличении ассигновки на 1913 г. и в Вятское губернское собрание и Министерство Земледелия и Государственных Имуществ о денежной помощи музею.

Сарапульское земское собрание увеличило ассигновку до 400 р., а Вятское губернское собрание ассигновало пособие на 1913 год в 200 руб., Министерство же в ассигновке отказало, за неимением средств для этой цели. Таким образом, весь рост музея, обрисованный в речи хранителя музея Л. К. Круликовского, произнесенной в годичном собрании членов музея нынешней весной, следует приписать исключительно пожертвованиям частных лиц. Такое положение, конечно, нельзя признать нормальным. Благодаря отсутствию денежных средств в музей не попадает масса ценных и интересных для данного края вещей.

В отчетном году, как и в предыдущие годы, музей был открыт для обозрѣнія публикой по воскресным дням с 1 до 3 часов. Регистрація посѣтителей попрежнему велась крайне неточно, — расписывались в книгѣ посѣтителей лишь желающие, однако, за отчетный год в книгѣ оказалось 1922 подписи. По мѣсяцам онѣ распредѣляются слѣдующимъ образомъ: январь—91, февраль—48, мартъ—169, апрѣль—334, май—73, июнь—34, июль—33, августъ—54, сентябрь—116, октябрь—297, ноябрь—302, декабрь—371. Наибольшее число записей в день было 2 декабря—131.

Лѣтніе мѣсяца музей былъ закрытъ, и осматривали его лишь прїѣзжіе. Если мы сравним девять послѣднихъ мѣсяцевъ, в которые было зарегистрировано 1614 человекъ, съ соответствующими мѣсяцами 1911 г. (первые 3 мѣсяца 1911 г. музей былъ закрытъ по случаю скарлатины в городѣ), когда было зарегистрировано 1228 человекъ, то получимъ увеличеніе посѣщеній в 1912 г. на 31,5%.

Этотъ ростъ музея и симпатій къ нему нельзя не поставить въ связь съ тѣмъ, что 3-го января Сарапульскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ былъ утвержденъ уставъ музея и 26 февраля Советъ музея, ставшій во главѣ его, получилъ свою организацію.

Прежде всего опредѣлилась цѣль музея, и онъ, благодаря этому, перестаетъ быть какой-то безсистемной кунсткамерой, а ставитъ опредѣленные задачи: „охраненіе предметовъ мѣстной старины, собраніе и изученіе свѣдѣній о мѣстной природѣ, жителяхъ, народномъ хозяйствѣ, исторіи, естественной исторіи и археологіи восточной части Вятской губерніи и Прикамья и, преслѣдуя общеобразовательныя цѣли, знакомить населеніе съ мѣстнымъ краемъ вообще, съ памятниками старины и произведениями изящныхъ искусствъ“.

Такимъ образомъ, музей становится уже ученымъ и просвѣтительнымъ учрежденіемъ и, благодаря своей широкой программѣ, ему удалось сразу объединить около 49 лицъ, интересующихся въ томъ или другомъ отношеніи мѣстнымъ краемъ. Членами учредителями являются: П. П. Беркутовъ, Л. К. Круликовскій, Н. Н. Мусерскій, Н. Е. Ончуковъ, Ф. В. Стрѣльцовъ, М. С. Тюнинъ. Почетнымъ членомъ состоитъ И. И. Бодалевъ; дѣйствительными: священникъ А. А. Делекторскій, Н. П. Зворыгинъ, Г. Н. Кириллинъ, И. К. Комаровъ, П. И. Красильниковъ, А. И. Мицкевичъ, А. А. Свѣшниковъ, П. М. Чемеленко, В. А. Широкинъ, Н. А. Блиновъ, М. В. Воронцова и П. Г. Котковъ; членами-сотрудниками: В. Ф. Бердниковъ, Л. А. Беркутовъ, о. Н. Н. Блиновъ, о. Г. Г. Верещагинъ, А. М. Добринскій, Д. К. Зеленинъ, В. А. Ивановскій, А. П. Ильинскій, П. И. Кротовъ, Г. Н. Кутуковъ, А. С. Лебедевъ, Н. А. Орловъ, М. Д. Русалевъ, А. А. Спицынъ, Н. Н. Фофановъ, Д. В. Шабердинъ; членами по выбору земскаго собранія: свящ. В. Г. Ананьинъ, Д. П. Бехтеревъ, И. А. Бѣлослудцевъ, Г. М. Гайнуллинъ, К. М. Дробининъ, В. Г. Котковъ, В. П. Ленъковъ.

Во главѣ музея стоитъ Совѣтъ музея, въ который входятъ всѣ члены-учредители, почетные и члены, избираемые земскимъ собраніемъ на 3 года въ числѣ 6 человекъ, и 6 членовъ, избираемыхъ ежегодно общимъ собраніемъ изъ числа членовъ-сотрудниковъ и дѣйствительныхъ. Въ отчетномъ году такими лицами были: свящ. Н. Н. Блиновъ, В. А. Ивановскій, Н. А. Орловъ, Г. Н. Кириллинъ, М. Д. Русалевъ и П. К. Комаровъ. Совѣтъ уже изъ своей среды избираетъ своихъ должностныхъ лицъ срокомъ на 1 годъ. Въ 1912 г. были избраны: председателемъ Совѣта М. С. Тюнинъ, товарищемъ председателя Н. А. Орловъ, хранителемъ музея Л. К. Круликовскій, казначеемъ В. Г. Ананьинъ, секретаремъ М. Д. Русалевъ.

Такимъ образомъ, вмѣсто прежней организаціи, во главѣ которой стояла земская управа съ членами-учредителями, музей пріобрѣлъ новую, совершенно автономную, находящуюся, такъ сказать, лишь подъ протекторатомъ земства. Результаты этого не замедлили сказаться. Вополнѣ понятно, что земская управа, поглощенная болѣе важными вопросами, могла удѣлять лишь незначительную часть своего времени музею и засѣданій ея съ членами-учредителями и лицами, избранными земскимъ собраніемъ, было лишь 3—4 въ годъ. Въ отчетномъ же году было 9 засѣданій Совѣтъ музея, 1 общее собраніе членовъ музея и 1 совѣщаніе членовъ Совѣта музея.

На общемъ собраніи членовъ музея были избраны поименованныя выше лица въ Совѣтъ музея.

Въ отчетномъ году поступило въ музей книгъ и брошюръ—215, предметовъ по этнографіи—23, исторіи и археологіи—132, доисторич. археологіи—79, церковной археологіи—26, минералогіи—145, палеонтологіи—7, нумизматики—263, естествознанію—243, фотографіи и документовъ—184, а всего 1317 номеровъ.

По примѣру прошлыхъ лѣтъ былъ изданъ 3-й выпускъ „Извѣстій“ музея.

Предсѣдатель Совѣта *М. Тюнинъ*.

Секретарь Совѣта *Ө. Стрѣльцовъ*.

ЗАСЕЛЕНІЕ ЗАКАМЪЯ.

ИСТОРИЧ. ОЧЕРКЪ

Свящ. Н. Н. Блинова.

ЗАСЕЛЕНИЕ ЗАКАМЬЯ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ.

Мѣстность, занимаемая нынѣ Осинскимъ уѣздомъ, составляетъ незначительную часть, такъ называемой, Югорской земли. В. К. Иоаннъ III Васильевичъ въ 1471, 1483 и 1489 г. посылалъ войска противъ Югры и покорилъ ее; но Югорскій народъ бѣжалъ въ Сибирь и смѣшался съ жившими тамъ племенами; остались на мѣстахъ своихъ только башкиры. Кто были югры и когда они исчезли изъ Европы, неизвѣстно. Башкиры же явились въ приуральскій край въ началѣ IX вѣка. Они принадлежатъ къ монгольскому племени (къ народамъ Урало-Алтайской семьи). Извѣстно, что въ X вѣкѣ лишь нѣкоторые изъ башкирскихъ родовъ поднялись на степенъ идолопоклонства, прочіе же роды еще нѣ вышли изъ состоянія фетишизма. Магометанство проникло въ Башкирію въ началѣ XIV вѣка, при Узбекѣ (1312—1340 г.) и быстро распространилось. Батый, опустошившій Россію (1236 г.), волжскую Болгарію и другія земли, встрѣтивъ въ башкирахъ соплеменниковъ, не тронулъ ихъ владѣнія и въ отличіе отъ другихъ народовъ далъ имъ тамги, названія волостей и разныя преимущества. Но позднѣе башкиры жившіе, по горамъ и въ лѣсахъ Урала, платили татарамъ—князьямъ сибирскимъ, ясакъ звѣринными шкурами (также какъ занимавшіе мѣстности по р. Бѣлой и Икѣ царямъ казанскимъ и проч.). Съ теченіемъ времени башкирами окончательно завладѣли Ногайскіе мелкіе князья, вассалы и данники, сначала Золотой Орды, а потомъ царства казанскаго. Незадолго до покорѣнія Казани Иоанномъ Грознымъ между ногайскими ханами возникла междоусобная война, вслѣдствіе которой ногаи и значительная часть башкиръ переселилась за Яикъ и на Кубань. Узнавъ о паденіи Казани, оставшіеся на своихъ мѣстахъ, башкиры отправили зимою на лыжахъ ходатаевъ въ Москву къ Иоанну Грозному съ просьбой о принятіи башкирскаго народа въ русское подданство, Иоаннъ Грозный, согласившись на это, въ 1557 г. даровалъ башкирамъ грамоту на владѣніе землею, обѣщалъ за себя и за своихъ наслѣдниковъ охранять права башкиръ и защищать отъ захватовъ земель и набѣ-

говъ киргизъ и сибиряковъ и обложили башкиръ ясакомъ (медомъ, звѣринными шкурами и деньгами—25 к. съ юрты). Многіе изъ башкиръ получили лично, на правахъ собственности, тогда еще никѣмъ не занятія земли и были освобождены царемъ отъ ясака (тарханная грамоты). Ясакъ вносили башкиры въ Казань, но въ 1573 г. они просили царя построить имъ городъ на ихъ землѣ и прислать для обороны отъ набѣговъ войско. Затѣмъ башкиры были раздѣлены на волости и четыре „дороги“: *Осинскую*, Сибирскую, Казанскую и Ногайскую. Каждая волость названа по имени старшинъ. Съ 1584 года въ башкирскій край являются переселенцы, какъ принужденники за ясакъ татары, мордва, чуваша, черемиса и вотяки—изъ бывшаго царства казанскаго и русскіе—изъ нынѣшнихъ Казанской, Симбирской и Пермской губерній. Русскіе по своимъ просьбамъ стали получать пустопорожнія земли подъ именемъ „дикихъ полей“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ начинаются захваты башкирскихъ земель. Вся мѣстность, заселенная башкирами составляла, такъ называемый, Уфимскій уѣздъ, въ который входили нынѣшняя Уфимская губернія, Троицкій, Верхнеуральскій и Челябинскій уѣзды Оренбургской губерніи и *Осинскій* уѣздъ. Вѣроятно вскорѣ послѣ покоренія Казани, на такъ называемомъ, Осинскомъ городищѣ заведена была Ново-Никольская слобода, названная этимъ именемъ въ честь Николая Чудотворца, образъ котораго Іоаннъ IV прислалъ новопоселенцамъ. Въ 1595 году эта слобода получаетъ значеніе пригородка; по грамотѣ Царя Феодора Іоанновича (за приписью дьяка Андрея Щелкалова), въ этомъ году дозволено было въ Ново-Николаевской слободѣ поселиться выходцамъ изъ Калуги, Устюга, Усоля, Кайгорода, въ числѣ 84 человекъ. Переселенцы освобождены отъ подати на пять лѣтъ; а для посылки за казенными дѣлами въ слободу опредѣлено 9 человекъ ярыжныхъ или разсыльныхъ. Слобода служила защитою русскимъ поселенцамъ и содержала въ повиновеніи башкирцевъ, жившихъ по р. Тулвѣ. Въ 1596 году была перепись Дворцовой Осинской Никольской слободы съ ея *деревнями*, жителями, дворами и землями, по коей, между прочимъ, значится въ селѣ Рождественскомъ (Горы—тожь) всего 26 дворовъ и въ нихъ 51 человекъ жителей. Къ приходу села Горь причислено *восемь* деревень: Пьянкова, Драчева, Пещеры, Картанева, Пизьма Усть-Тулвинская, Поляны, и Богомякова. Всего въ 9-ти селеніяхъ 74 двора жилые и 30 пустыхъ, въ жилыхъ 262 мужскихъ души. Въ Осинской

слободѣ существовалъ Спасо-Преображенскій монастырь. По переписной книгѣ того 7104 (1596) г. значится въ Казанскомъ уѣздѣ, на Осинскомъ городищѣ въ Ново-Никольской слободѣ 46 дворовъ, а въ нихъ людей 81 человекъ и онымъ опредѣленной пашенной земли, зарослей и сѣнныхъ покосовъ и всякихъ угодій и протчаго въ Осинской слободѣ, съ Казанскую сторону, въ книгахъ описано — за рѣкою Камою лѣсу пашеннаго, раменья и бору Пермскаго и Вятскаго уѣзду на шесть дней, да въ Осинской слободѣ рыбныя ловли и хмѣль борть; по Камѣ рѣкѣ и по другимъ рѣчкамъ — по Тулвѣ и въ Очерѣ, въ *Сарапулѣ* и Сивѣ ловятъ рыбу изъ оброковъ и Пермячи ихъ хмѣль берутъ отъ Осы внизъ Камою рѣкою до Бѣлыя-Волошки: вверхъ отъ Осы до рѣчки Ласвы; въ Осинскомъ же уѣздѣ бортныя угодья *хозятъ* Тулвинскіе башкирцы... кунной ясакъ они платятъ въ казну въ Казань по указу по пяти кунницъ съ человекъ и одною бортнаго угожею владѣли дѣды и отцы ихъ по Тулвѣ и Бардѣ къ Ашану и по Таныпу рѣчкамъ по обѣ стороны и до вершины.

Въ 1605 г. въ Осинскомъ монастырѣ былъ строителемъ Арсеній (сп. іерарх. и наст. мон. росс. церк. П. Строевъ). Изъ Осинскаго Преображенскаго монастыря монастырскіе служители переведены въ с. Дубровское (въ 75 вер. отъ Осы) (Распр. Христ. вѣры въ пред. Пермск. г. арх. Монар.), и частью въ „Монастырь“ ниже села Сыйгатки на правомъ берегу р. Камы.

Фактъ заселенія Осинской Ново-Никольской слободы освѣщается въ томъ смыслѣ, какъ здѣсь приведено, согласно пермскимъ изслѣдователямъ старины. Уфимскіе изслѣдователи даютъ другое объясненіе. Такъ, напримѣръ, въ статьѣ г. Игнатъева о бывшихъ монастыряхъ въ Уфимской губерніи (помѣщенной во II части памятной книжки Уфимской губерніи 1873 г.), говорится, что въ числѣ раззоренныхъ монастырей въ этой губерніи былъ „Преображенскій мужской, находившійся близъ рѣки Камы, на Осинскомъ городищѣ, близъ села *Березовки*, Бирскаго уѣзда, въ старину называемаго Новоникольскою и Никольскою слободой. Мѣстность эта принадлежала вотчникамъ башкирамъ *Осинской дороги*, *Гаина тожъ*, которые еще до русскаго владычества устроили здѣсь что-то вродѣ городка, но потомъ его перенесли конечно туда, гдѣ теперь г. Оса (?)... При Иоаннѣ Грозномъ на Осинское городище пришли земледѣльцы изъ великороссіянъ, а самое мѣсто, въ пустѣ лежащее и уже ничье, тогда досталось Сав-

вину Сторожевскому монастырю и Царь, укрѣпивъ за поселенцами земли и рыбныя ловли, въ знакъ особой милости, прислалъ икону св. Николая Чудотворца и слобода стала называться Никольскою*) до переименованія ее потомъ по рѣкѣ, впадающей въ р. Каму, *селомъ Березовскимъ*. Въ церкви с. Березовки хранится копія съ писцевой книги 1596 г., составленной по наказу Казанскаго воеводы князя Ивана Воротынскаго на земли жителей Никольской слободы и на освобожденіе отъ податей на 6 лѣтъ, упоминается, что здѣсь въ 2 верстахъ за р. Камой стоитъ часовня чернаго попа, священноиннока Іоны Пошехонца и старца Арсенія Мезенца и что строятъ они здѣсь монастырь въ честь Преображенія Господня и св. Зосимы и Саватія Соловецкихъ Чудотворцевъ.

Неправильность толкованій уфимскихъ изслѣдователей и жителей села Березовки относительно времени его заселенія выясняется текстомъ самой писцевой записи. Въ ней говорится между прочимъ Въ Казанскомъ уѣздѣ, вверхъ рѣки Камы, съ напольныя стороны, на Осинскомъ городищѣ *Новая* Никольская слобода, а въ ней Божія милосердія храмъ Великаго Чудотворца Николы, поставленъ *новой* клетцой, въ церкви царскихъ дверей и образовъ и книгъ и сосудовъ, нѣкотораго церковнаго строенія и поща нѣтъ, а подъ церковь мѣсто и подъ дворы поцу и дьячку и подъ кѣльи, вдоль и поперехъ, пятидесяти сажень.... сѣна на *Тулвѣ рѣкѣ* и около церковныя пашни триста копень.... всего двѣнадцать дворовъ слободчиковъ и людей въ нихъ двадцать пять человекъ; пашни имъ пахать четыре выти счетью еси; на льготѣ въ сотомъ году на пять лѣтъ Ноября съ 18 числа до ста шестаго году Ноября по 18 число (т. е. съ 1593 по 1598 г.)**).

Достаточно одного упоминанія о сѣнныхъ покосахъ на Тулвѣ рѣкѣ для полнаго убѣжденія въ томъ, что въ документѣ идетъ рѣчь о мѣстности занимаемой нынѣ городомъ Осой***). О спокойствіи и безопасности новопоселенцевъ русскихъ въ прикамскихъ мѣстностяхъ

*) Перм. губ. Вѣдом. 1841 г. №№ 14 и 15. Город. Пост. Росс. Имп. т. III Минист. Внутр. Дѣлъ, стр. 662. Икона св. Николая прославлена многими чудесами, известна подъ именемъ „Березовской“. Преданіе говоритъ, что она найдена по р. Камѣ на душлѣ дуба; и это все могло быть, но потомъ св. икона могла быть принесена въ Москву и потомъ подарена Новоникольской или Никольской слободѣ. (Изъ памят. книж. Уфим. губ. 1873 г.). Съ этою иконою Березовское духовенство посѣщаетъ города, села и деревни въ теченіе 5½ мѣсяцевъ въ Уфимской губерніи и два мѣсяца въ Сарапульскомъ уѣздѣ, Вятской губ.

**) Текстъ документа вполнѣ: стр. 118—119 Перм. лѣтопись.

***) Смол. еще Истор. о родословіи Строгановыхъ, стр. 69.

В началѣ XVII вѣка можно судить по слѣдующему описанію, сдѣланному въ 1761 году въ исторіи о родословіи г.г. Строгановыхъ: въ 1616 г. нечаяно взбунтовались казанскіе татары, къ нимъ прислали чуваша, черемиса, вотяки и башкирцы. Собравшись великимъ войскомъ, учинили на Казань нападеніе и держали оную нѣсколько времени въ осадѣ, а прочіе измѣнники пошли по рѣкѣ Камѣ и стоящіе по ней пригородки Сарапуль и Осу такожъ держали въ осадѣ, а въ окрестныхъ мѣстахъ тѣхъ пригородковъ многихъ людей побили и въ полонъ побрали; села и деревни, опустоша, выжгли; тогда Строгановы... собравъ множество своихъ и наемныхъ людей къ тѣмъ осаднымъ мѣстамъ вскорости отправили и пригородки Осу и Сарапуль, по многочисленнымъ ошибкамъ съ неприятелемъ отъ осады высвободили и множество притомъ татаръ и черемисъ и прочихъ бунтовщиковъ побили и въ полонъ побрали, а прочихъ разогнали. Вслѣдъ за тѣмъ учинено было отъ Строгановыхъ на жилища сихъ бунтовщиковъ нападеніе, гдѣ множество не только мужскаго полу, но и женска, безпощадно порублено и въ полонъ побрано....

Объ инородцахъ, обитавшихъ въ Осинскомъ уѣздѣ встрѣчаются въ актахъ упоминанія тоже въ XVI вѣкѣ. Въ 1570 году, по повелѣнію Царя Ивана Васильевича, надъ рѣками Яйвою и Сылвою поставлены острожки и нарядъ скорострѣльный устроены, и пушечки и затинныя пищали и людей пушкарей, и затинщиковъ, и пищальниковъ и воротниковъ—для перехода сибирскихъ и ногайскихъ людей, чтобы имъ къ государевымъ пермскимъ городамъ пути не было для утѣсненія сылвенскихъ и *иренскихъ* татаръ и проч. Вѣроятно къ числу такихъ острожковъ принадлежалъ Кунгурскій острогъ, находившійся въ сѣверовосточной части нынѣшняго Осинскаго уѣзда на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь село Степановское (въ 96 верстахъ отъ г. Осы). Въ 1602 году первоначальные владѣльцы этихъ мѣстъ—иренскіе татары съ башкирцами-бунтовщиками взяли этотъ острогъ и раззорили, жителей перебили и лишь немногіе успѣли спастись въ лѣсахъ и пещерахъ по берегамъ рѣкъ Ирены и Сылвы. Въ слѣдующемъ году, по просьбѣ жителей, спасшихся отъ раззоренія, по повелѣнію Царя Алексѣя Михайловича, Кунгурскій острожекъ перенесенъ на другое болѣе удобное мѣсто, то самое, которое занимаетъ нынѣ гор. Кунгуръ.

Въ 1609 г. между прочими и иренскіе вогуличи и остяки, вмѣстѣ съ пермичами шли на защиту Вятки отъ бунтовщиковъ. Въ 1621 г.

Царь Михаилъ Феодоровичъ грамотою въ Пермь Великую предписалъ разобрать жалобу сылвенскихъ и *иренскихъ* татаръ и остяковъ въ томъ, что они при Царѣ Иоаннѣ Васильевичѣ платили ясаку въ Пермь по „четыре сорока кунницъ“, а при Царѣ Борисѣ отписаны ясакомъ къ Верхотурью и платили по „одиннадцати сороковъ“ съ великою нуждою и терпѣли великія стѣсненія особенно отъ людей Строгановыхъ, которые согнали ихъ съ старыхъ, искони вѣчныхъ вотчинъ и проч. (Акт. арх. эсп. III т. № 118)*.

Въ 1644 году въ Государевой (Царя Михаила Феодоровича) грамотѣ значится, что „въ 1641 году были челомъ Государю Соликамскаго Вознесенскаго монастыря келарь-старецъ Кирило съ братією, чтобы ихъ пожаловати велѣти пустую землю по обѣ стороны рѣчки Кунгура, (рѣчка Кунгурка впадаетъ въ р. Ирень именно въ 6 верстахъ отъ села Степановскаго, на границѣ Осинскаго уѣзда съ Кунгурскимъ), съ устья вверхъ по шти верстѣ, а въ гору отъ Кунгура (рѣчки) по обѣ стороны по пяти верстѣ, да отъ Степанова городища, по Ирени внизъ по лѣвой сторонѣ на 6 верстѣ, а отъ Ирени въ гору на 4 версты и съ пашенными землями и сѣнными покосы и съ рыбною ловлею и съ лѣсами и всякими угоды, опричь татарскихъ дѣльныхъ бортей, дати на оброкъ къ Вознесенію Христову“... И въ 1643 г. Соликамскій воевода Загрязской эти угоды отдалъ на оброкъ монастырю „и въ оброчныя книги тотъ оброкъ велѣлъ написать, а сылвенскимъ, и *иренскимъ* и *каръевскимъ* татарамъ тѣми *лишними пустыми землями*, которыя Вознесенскаго монастыря игумену съ братією отданы на оброкъ, а за ними (татарами) въ писцовыхъ книгахъ не записаны, владѣть не велѣлъ; также и Вознесенскаго мона-

*) Въ челобитной крестьянъ дворцоваго села (Сарапула) Вознесенскаго о дозволеніи везти горнымъ путемъ воеводу Петра Головина и государеву казну на Амзинскій ямъ, въ 1638 году, есть указаніе на сухопутную дорогу того времени изъ Сарапула въ Великую Пермь и въ Сибирь „на Лену“: „въ прошломъ 145 (1637) году по Твоему Государеву указу ѣхалъ мимо Сарапула для сыску въ Пермь Великую Федоръ Ивановичъ Лодыгинъ, и въ то, Государь, время Кама рѣка льдомъ была не крѣпкая и ѣхать по ней было не мочно; и мы сироты твои везли его съ Сарапула въ Казанскій уѣздъ на *Амзинской* черемисской ямъ (нынѣ дер. Музяково, на р. В. Амзѣ, Бирскаго уѣзда, въ 15 верстахъ отъ с. Березовки, жители черемиса и домовъ 6 русскихихъ), а отъ Амзинскаго яму ѣхалъ на башкирскіе волости, *Уранъ* (деревня, нынѣ Бирскаго уѣзда), да на *Гирь* на деревню *Ерексу* (Ирехту? Ирехтинская дача...), да на Верхъ Тулвинскую черемису, а съ Верхъ *Тулвы* на *Ирень* рѣку, на деревню *Карамышь* да на Федорову слободу Елисѣева, и въ Строгановыхъ *вотчину на Серегу*“ и т. д. (Дополн. къ Акт. Истор. II, 152).

стыря игумену Сергію съ братією въ ихъ татарскія вотчины и въ какія угодыя, которыя написаны за ними въ писцовыхъ книгахъ, вступатца и никакого насильства чинить не давалъ“.... Заручившись этой грамотой, русскіе крестьяне настойчиво стали заселять плодородную мѣстность какъ по теченію рѣчки Кунгурки (длина ея 30 верстъ) такъ и вверхъ по рѣкѣ Ирени; но татары не желали уступить эти земли безъ спора; почему вслѣдствіе новыхъ челобитныхъ, въ 1646 году дана грамота отъ Царя Алексѣя Михайловича, въ которой между прочимъ, говорится: „они же (игумень Сергій съ братією) *на той оброчной статѣ полонниковъ, порядя поселили* и съ тое оброчныя земли и со всякихъ угодій у Соликамской въ Нашу (Государеву) казну оброкъ платять и на устье тоя Кунгура рѣчки *часовню поставили* и нынѣ-де на тое ихъ землю оброчную и на всякія угодыя, которыя отданы имъ на оброкъ, безпереоброчно бьютъ Намъ (Государю) иренскіе татаровья, Карьевской волости, Бектерячко Карьевъ съ братьями и съ племянниками, ложно изъ оброку и изъ наддаци, **а** какъ-де та земля и сѣнные покосы и рыбныя ловли и всякія угодыя лежали впусетъ и они татаровья въ тѣ поры пустыя земли изъ оброку не били челомъ и оброку на нее не вкладывали, какъ-де *жили на устьѣ Кунгура рѣчки, казанская бѣлая черемиса* и тое-де бѣлгу черемису, по указу Отца Нашего, блаженныя памяти, Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Феодоровича всея Руси, свезли, казанскіе дѣти боярскіе и стрѣльцы на старыя ихъ житыя **въ Казанскій уѣздъ** и тѣ-де ихъ черемискія ставленныя юрты, они **купили** и купчіе на тѣ юрты у нихъ, за ихъ черемискими тамгами, взяли и нынѣ-де изгоняючи ихъ тѣ карьевскіе татаровья **пріѣзжаютъ къ нимъ** на усть Кунгура рѣчки, на тое оброчную ихъ монастырскую землю съ луками и часовню хотять разорить и смѣста ихъ сбиваютъ, **и** Божью милосердію—иконамъ поругаются, и ихъ монастырскихъ полонниковъ бьютъ и увѣчатъ; хлѣба пахать и сѣна косить и рыбы ловить и на хоромы лѣсу ронить не даютъ, и чинятся во всемъ сильны и отъ того-де татарскаго насильства и отъ обидъ они, ихъ полонники, въ конецъ погибли“.... далѣе въ грамотѣ подтверждается монастырю и татарамъ, „чтобы изъ нихъ, съ обѣихъ сторонъ, никто въ чужое ни вочто не вступался; чтобы Намъ впредь отъ нихъ челобитныхъ не было“. Въ 1646—1649 годахъ многіе изъ монастырскихъ крестьянъ жившихъ на сылвенскихъ земляхъ Воздвиженской

пустыни, были переведены по Государеву указу, воеводою Прокопьемъ Елизаровымъ на Кунгуръ и на Степаново городище—въ государево тягло. Къ этому времени также относится основаніе острожковъ Ординскаго и Мѣдянскаго (нынѣ села Осинскаго уѣзда). (Списокъ населен, мѣстъ Перм. губ. CLXX стр.). Въ царской грамотѣ отъ 17-го ноября 1688 г. Кунгурскому воеводѣ Кологривову, между прочимъ, упоминается и Степаново городище, именно: „во 162 (1654) году по Государеву указу, велено кунгурскимъ и *Степанова городища* новоселебнымъ крестьянамъ въ сибирскіе ямскіе отпуски, въ помощь, давать чердынцомъ и усольцомъ и *кайгородцомъ* по сту рублей въ годъ, и кунгурцы со 162 по 171 годъ ямскіе гоньбы не гоняли, а давали въ тое ямскую гоньбу, въ подмогъ, по любовному съ усольцы договору, по двѣсти рублей въ годъ“. Послѣдовательные, настойчивые захваты русскими земель, вблизи татарскихъ селеній раздражали и озлобляли этихъ иренскихъ татаръ противъ присельцевъ; но до поры до времени они должны были покоряться необходимости. Когда же въ приуральскомъ краѣ между наиболѣе безпокойнымъ народомъ башкирами происходило возмущеніе, начинался бунтъ, то и татары пользовались случаемъ напасть на русскихъ. Бунтъ уфимскихъ башкиръ въ 1662—1663 г. едва былъ усмиренъ, посланнымъ изъ Москвы войскомъ, подъ начальствомъ стольника и воеводы Языкова. Вѣроятно къ этому времени относится свѣдѣніе въ исторіи о родословіи Строгановыхъ (76 стр.): „во время шатостей башкирскихъ и другихъ ордь, а особливо когда измѣнили уфимскіе башкирцы, и татары учили многія раззоренія по Камѣ—пригородкахъ Уфѣ и Сарапулѣ, на Кунгурѣ, на *Степановомъ городищѣ*, держанья мѣста въ осады на малое время тогда они Строгановы Дмитрей и Федоръ, не жалѣя своихъ пожитковъ, собрали своихъ людей и крестьянъ, присвокупя и наемныхъ, тѣ осадныя мѣста—Осу и Сарапулѣ и Кунгурѣ высвободили и измѣнниковъ многихъ побили и разогнали, но тѣмъ то возмущеніе татаръ и башкировъ не утихло, а продолжалось не малое время, отъ котораго ихъ бунта въ *тѣхъ мѣстахъ была не малая опасность*; чего ради принуждены были они, Строгановы, тѣхъ своихъ ратныхъ людей и наемныхъ содержать для предосторожности, отъ бунтующихъ татаръ и башкирцовъ, на Кунгурѣ и на *Степановомъ городищѣ* во все время того бунта, многіе годы, на своемъ коштѣ“. Вслѣдъ за усмиреніемъ татаръ вновь начиналось движеніе

русскихъ вверхъ по р. Ирени, уже выше стоявшихъ на той же рѣкѣ татарскихъ селеній (Карьева и др.). Напримѣръ, образовалось село Покрово-Ясельское. По владѣнной памяти 1694 г. Кунгурскаго уѣзда села Тихановскаго крестьянамъ Васкѣ Зайкову и Дійку Шеломову предоставлено поселиться дворами и пашенными землями сѣбными покосами владѣть на проѣзжемъ мѣстѣ отъ села Тихановскаго по рѣчкѣ *Ясылу* верстѣ за десять; такъ какъ въ писцовыхъ книгахъ 13 и 132 годовъ въ Карьевѣ улусѣ рѣка Ясылъ и по той рѣчкѣ пашенные земли и сѣбные покосы за татарами и черемисою не записаны; мѣсто порозже и татарскихъ и черемисскихъ деревень не близко. Мѣстность около рѣчки Ясыла быстро заселялась, въ церковномъ архивѣ, между значительнымъ числомъ старинныхъ бумагъ, имѣются адресованныя въ село Ясылъ изъ Кунгура въ 1703 г.

Такъ заселялась русскими сѣверовосточная сторона Осинскаго уѣзда. Въ *западную* прикамскую часть уѣзда шли жители преимущественно Сарапульскаго уѣзда, который въ XVII вѣкѣ былъ обширнѣе, чѣмъ теперь, въ него входили часть нынѣшняго Охтинскаго уѣзда. Въ Сайгатской волости у одного крестьянина сохранилась челобитная отъ 1673 г. Въ ней между прочимъ значится: Царю Государю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу бьетъ челомъ сирота твой ясачный крестьянинъ Арской дороги починка Волховки (нынѣ дер. Ольховка, на лѣвомъ берегу р. Камы въ 5 верстахъ отъ села Сайгатки, внизъ по теченію) Митька Рычковъ, въ прошломъ Государь 175-мъ (1667) году билъ я челомъ тебѣ Великому Государю и подавалъ челобитную въ Казани, чтобъ мнѣ поселиться вновь на вольный ясакъ въ вотчинѣ своей по рѣчкѣ Сайгаткѣ и по Кичкинѣ да по Вольховкѣ рѣчкѣ и по твоему Великаго Государя указу и по моему челобитію прислана въ Сарапулъ къ приказному человѣку къ Андрею Нормадскому память—велѣно мнѣ сиротѣ твоему поселитца изъ Сарапульскаго уѣзду вновь на ясакъ по рѣчкамъ Сайгаткѣ и по Вольховкѣ и я сирота твой изъ Сарапульскаго уѣзду изъ деревни Сивы на ясакъ въ вотчину свою выѣхалъ, а въ тяглѣ въ Сарапульскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Сивѣ остались братья мои родные“... и проч. „а мы сироты твои живемъ на ясакѣ и платимъ въ твою Великаго Государя казну вотской ясакъ хлѣбной и денежной, да мыжь сироты твои платимъ въ твою Великаго Государя казну вотчиннаго оброку по три рубля по ти тридцатинѣ на годъ и всякія твои Великаго Государя доходы платимъ съ ясака съ вотяками вмѣстѣ“....

Выше было упомянуто, что служители Преображенскаго монастыря изъ Осинской слободы были переведены въ село Осинскую Дуброву. Сохранилась копия съ владѣнной записи 1703 г. на землю, принадлежащую нынѣ Аманѣевскому обществу (въ 8 верстахъ отъ села Дубровы). Въ ней значится: „лѣта 703, марта въ день, билъ челомъ Великому Государю Царю и Великому Князю Петру Алексѣевичу, ана Уфѣ въ приказной избѣ стольнику и воеводѣ Ефиму Панкратьеву Зыбину, да съ приписью подъячему Ивану Петрову, Никифоръ Глумовъ подалъ челобитную, а въ челобитной написано: въ прошлыхъ-де годахъ отецъ его жилъ въ Осинскомъ монастырѣ въ дьячкахъ. А послѣ смерти отца своего жилъ онъ повольно до 199 (1691) года тоя монастырскія вотчины въ селѣ Дубровѣ, а въ 199 году, по челобитью его игуменъ Исаа съ братією изъ того села его отпустилъ, съ тѣмъ и отпускную челобитную за своею рукою, а казначеевою подписью ему далъ и та отпускная на Уфѣ въ приказной избѣ въ книги записана въ прошломъ же семействѣ году отдали ему Уфимскаго уѣзду Осинской дороги Уранской волости башкирцы Карманъ Бекбабовъ съ товарищи, въ вотчинѣ своей поселиться по Пизю Черной рѣкѣ четырьмя дворами пашенными землями и сѣнными покосы и чернымъ лѣсомъ“ и проч. „а ясаку помогать ему изъ насъ Карману съ товарищи, съ тое земли и съ сѣнныхъ покосовъ и за угоды и за мѣльничныя моста, на годъ по три рубля по всегодно и никому и дѣтямъ ихъ и родственникамъ втомъ о всемъ не спорить и съ тое земли не сбывать и никакого насильства не учинять“ и проч.

Здѣсь, какъ можно заключать по смыслу договора, уже въ 12 верстахъ отъ рѣки Камы земля тогда считалась башкирскою и русскіе селились на ней по условіямъ, заключеннымъ съ башкирами, какъ вотчинниками, владѣльцами земель, пожалованныхъ имъ еще Царемъ Иоанномъ Грознымъ. Тогда какъ въ восточной части уѣзда русскіе поселенцы подвигались на югъ, вверхъ по р. Прени занимали земли юридически ничьи или государевы. Кунгурское начальство удостовѣрилось, что по писцовымъ книгамъ тѣ извѣстныя мѣста не значились ни за кѣмъ, отъ татарскихъ деревень не близко и разрѣшали поселаться на пустыхъ пахотныхъ и др. мѣстахъ. Относительно времени первоначальнаго заселенія юго-западной части уѣзда, именно мѣстности, лежащей на лѣвомъ берегу Камы, противъ города Сарапула, можно выводить заключеніе, пользуясь одной „копией съ

копін“, которая имѣется у одного изъ крестьянъ Ершовской волости. 1744 г. Сентября 18 дня. По указу Его Императорскаго Величества изъ Казанской губернской канцеляріи дана сія владѣнная выпись Казанскаго уѣзду Зворской дороги деревни Сухо-Калмашъ *ясашному черемису* Ангу Чебизеву съ товарищи, съ прошлыхъ лѣтъ съ книгъ, на бортныя ухожья и бобровыя гоны, для того сего 744 г. Сентября дня въ поданномъ въ Казанскую губер. канцелярію онаго Аита съ товарищи прошеніи написано: въ прошлыхъ-де давнихъ годахъ даны-де намъ бортныя ухожья и бобровыя гоны за Камою рѣкою въ башкирцахъ по Пельгѣ (Шольгѣ?) рѣкѣ по обѣ стороны и по Колмели (Армези?) рѣкѣ по обѣ стороны и по другимъ урочищамъ, на которую вотчину данъ былъ имъ владѣнный указъ въ прошлыхъ годахъ, и во время въ ихъ деревнѣ пожару сгорѣлъ, а именная въ Казанскомъ архивѣ онимъ бортнымъ ухожьямъ и бобровымъ гонамъ, нашли и истребовали изъ тѣхъ книгъ на оныя бортныя ухожья и бобровыя гоны владѣннаго указа; а по справкѣ въ Казанскомъ архивѣ съ оброчною книгою и Казанскаго уѣзду прошлаго 151 (1643) году бортныя ухожья и бобровыя гоны въ которомъ, между прочимъ, написано: Уржумскаго уѣзду, волости Турекъ на *черемисинѣ* на Озанѣ Остяшекъ дана Аборлошъ Шитѣя, каковое съ купленныхъ бобровыхъ гоновъ за *Камою рѣкою въ башкирцахъ* по Шелгѣ рѣкѣ на обѣ стороны до Келмели рѣчки по обѣ стороны и нижняя межа по рѣкѣ по Наливозѣ по одну сторону за башкирцемъ Эвіемъ волости и Ахбаромъ, а верхняя межа, то вотчина по болгаровскій боръ, а болгаровскимъ дворомъ вверхъ по болото межа за башкирцемъ тояжъ волости Шутбаемъ до тояжъ волости островъ на инья то рѣчки, по Камѣ рѣкѣ оброку 2 рубли 9 алтынъ полчетверти деньги пошлинъ три алтына пять денегъ, да въ оброчныя же книги прошлаго 165 (1657) году написано деревни Сухо-Калмашъ на черемисинѣ на Язловкѣ Мендыковѣ, на Семенѣ Язымовѣ бортныя луговыя за Камою рѣкою въ башкирцахъ по *Шольгѣ* рѣкѣ по обѣ стороны оброку за десять батманъ меду семь рублей двадцать девять алтынъ съ деньгою пошлинъ тринадцать алтынъ двѣ деньги“.... Такимъ образомъ, въ XVII вѣкѣ и здѣсь—вблизи р. Камы, какъ и по рѣкѣ Ирени—поселеніямъ русскихъ предшествовало занятіе земель черемисами, которые затѣмъ во второй половинѣ XVIII вѣка безслѣдно исчезаютъ изъ Осинскаго уѣзда.

Поблизости г. Осы на югъ, въ сторону башкирскихъ владѣній, мѣстность по р. Сидяхъ, Мутавлѣ, Глубокой и Елпачихѣ (впадаютъ слѣва въ р. Тулву) въ началѣ XVII столѣтія поступаетъ во владѣніе внука патріарха Ермогена Андрея Семенова Крылова, который въ 1618 году купилъ у уфимскихъ башкирцевъ пустошь подъ Осинскимъ острогомъ. Черезъ 10 лѣтъ, въ 1628 г. на эту пустошь (по р. Тулвѣ, Мутавлѣ и проч.) Андрею Крылову дана вотчинная грамота. Въ 1647 г. пустошь со всѣми угодьями перешла во владѣніе другихъ внуковъ патріарха Ермогена, племянниковъ Крылова — Петру и Прокопью Чуринымъ. Въ 1661 году вотчина перешла во владѣніе внуковъ Крылова (по женской линіи) Норманскихъ, а отъ нихъ въ 1722 г. она куплена баронами Александромъ, Николаемъ и Сергѣемъ Строгановыми. По раздѣлу 1757 г. вотчина поступила во владѣніе жены барона Александра Григор. Строганова и сестры ея баронессы Шаховской, и затѣмъ въ 1789 г. по рѣшенію Оханскаго уѣзднаго суда и Осинской нижней расправы земли противъ села Крылова на правой сторонѣ р. Тулвы, бывшія во владѣніи башкирцевъ, отданы во владѣніе княгиня *Голлицыной* и Шаховской.

Къ началу XVIII вѣка въ Осинскомъ уѣздѣ русскія поселенія находились лишь по сѣверо-западной и сѣверо-восточной окраинамъ, по р. Камѣ, отъ устья р. Тулвы до дер. Ольховки, и по р. Ирени вверхъ до рѣчки Ясыла, а также на востокъ отъ нихъ по рѣчкѣ Кунгуркѣ. По среднему теченію р. Ирени, выше р. Телесъ по р. Сыпу (впадающей въ Ирень) а также по р. Бырмѣ (впадающей въ р. Турку) и по р. Туркѣ въ нижнемъ ея теченіи жили татары. Середину уѣзда по р. Тулвѣ занимали первоначальные владѣльцы земель этого края—башкиры Осинской дороги Гаинской волости. Вблизи нынѣшней южной границы Осинскаго уѣзда, по лѣвую сторону р. Буя находились тоже башкиры Осинской дороги Иректинской (восточнѣе) и Уранской (западнѣе ближе къ р. Камѣ) волостей; въ волостяхъ на Осинской дорогѣ было башкиръ:

		Въ 1739 году.		Въ 1772 году.			
Въ Гаинской	волости	214	дворовъ	4744	души	795	двор.
„ Иректинской	„	183	„	466	„	352	„
„ Верхне-Уранской	„	572	„	1715	„	226	„
„ Нижне-Уранской	„	106	„	371	„		
„ Тазларской	„	52	„	193	„		

Всего на Осинской дорогѣ однихъ башкирцевъ въ 1739 г. (въ пяти волостяхъ) 1127 дворовъ—4489 душъ, а въ 1772 г. (въ трехъ волостяхъ) 1373 двора.

Между селеніями тульенскихъ башкирцевъ Гаинской волости и селеніями башкирцевъ Иректинской и Уранской волостей находилось въ южной части Осинскаго уѣзда обширное въ началѣ XVIII вѣка нѣкъ не занятое лѣсное пространство, гдѣ во второй половинѣ того вѣка, при постоянномъ, настойчивомъ движеніи русскихъ на востокъ отъ Камы, одни земли заняты были какъ принадлежащія казнѣ (Еланбуйская дача, перешедшая нынѣ въ разрядъ крестьянскихъ), другія земли приобрѣтены отъ башкиръ по условіямъ «на вѣчно» и «на годъ», то въ единичное владѣніе (нынѣшнія дачи заводовъ Бикбардинскаго и Никольскаго и дача, принадлежащая Котельникову, а потомъ перешедшая въ казну и наконецъ въ разрядъ крестьянскихъ), то во владѣніе крестьянскихъ обществъ. Въ сѣверной части Осинскаго уѣзда тоже находились обширныя лѣсныя незанятые мѣста, на которыхъ съ теченіемъ времени явились мѣдеплавильные заводы; въ 1731 г. *Юговской* (Юго-Кнауфской, основанный балахнинскимъ купцомъ Осокинымъ), въ 1733—1736 г. *Бымовской* (основанный Демидовымъ Акинфіемъ, сыномъ Никиты, перваго основателя заводовъ на Уралѣ), въ 1740 г. *Визярскій* (Осокинымъ), въ 1760 г. *Аннинскій* иначе Бабкинскій (устроенъ графомъ Иваномъ Гр. Чернышевымъ). Вслѣдъ за изданіемъ въ 1736 году дозволенія дворянамъ и офицерамъ приобрѣтать башкирскія земли, а въ 1745 году Государственною Бергъ-Коллегіею всѣмъ желающимъ: строить заводы и приобрѣтать башкирскія земли въ вѣчное владѣніе и брать въ короткому, устроены были внутри Осинскаго уѣзда на башкирскихъ земляхъ, между рѣками Тулою и Пренью мѣдеплавильные же заводы—въ 1745 г. *Ашанскій* (Акинфіемъ Демидовымъ), въ 1749 г. *Шермеитскій* (генераломъ Акинфомъ Глѣбовымъ), въ 1759 *Уинскій* (кунгурскимъ купцомъ Тимоеемъ Шавкуновымъ). Указомъ 1744 г., 13 марта предоставлялось при отачѣ башкирскихъ земель въ частную собственность отъ центра мѣжевать по 50 верстъ въ каждую сторону. Наконецъ, въ юго-западномъ углу Осинскаго уѣзда Демидовымъ, Павломъ Григорьевичемъ—внукомъ Акинфія, въ 1767 году устроенъ желѣзодѣлательный заводъ въ лачѣ, приобрѣтенной отъ башкирцевъ (за 120 рублей, болѣе 36000 десятинъ).

Въ 1708 г., вслѣдъ за усмирениемъ Аладаро-Кусюмовскаго башкирскаго бунта, по первому административному дѣленію, образована Казанская губернія, съ причислениемъ Уфимской провинціи, состоявшей изъ Уфы, Бирска, Мензелинска, Самары, Заинска, *Осы*, Билярска, Табынска и села Каракулина.

Въ 1719 г., при дѣленіи Россіи на 11 губерній, съ подразделениемъ на провинціи, Пермская губернія вошла въ составъ губерній Сибирской, городъ Кунгуръ составлялъ часть Вятской провинціи, а гор. Оса упраздненъ, будучи обращенъ въ пригородокъ г. Казани. Въ 1727 г. провинціи Вятская и Соликамская переданы изъ вѣдомства Сибирской губерніи въ составъ Казанской, отъ которой Уфимская провинція отчислена. Въ 1737 г. всеобщее возстаніе башкиръ (по поводу построенія г. Орска) распространилось и на южную часть Пермской губерніи. Для прекращенія замѣшательства было повелѣно раздѣлить башкиръ на разные суды и правленія, опредѣлить въ г. *Осу* особаго воеводу, учредить Красноуфимскую крѣпость и Исетскую провинцію и перевести въ Кунгуръ пермскаго воеводу съ провинціальнымъ правлениемъ. Къ Красноуфимскому приписаны ближайшія волости и деревни съ перечислениемъ его въ Уфимскую провинцію, а г. *Оса* отчисленъ къ Казанской губерніи съ припиской къ нему дворцовыхъ крестьянъ до Сарапула; ясачныхъ татаръ (выселенцевъ казанскихъ) по р. Сыпу и Уфимскаго уѣзда Ганнскую башкирскую волость (по р. Тулвѣ). Осинскому воеводѣ назначено быть подъ вѣдѣніемъ тоже Уфимской провинціи. Нѣсколько ранѣе, въ 1734 г. предписано было переписать переселенцевъ изъ русскихъ и инородцевъ, жившихъ на башкирскихъ земляхъ „изъ найма“, или „по найму по записямъ“ или „безъ записей“, но съ платою особаго тептярскаго оклада: кто они, откуда, какой вѣры, на чьихъ именно земляхъ и когда переселились: опись названа „тептярской книгой“. Слово *тептяри* впервые съ этого времени стало официальнымъ, у башкиръ же оно издавна значило „сходцы изъ разныхъ мѣстъ“—вотяки, мордва, черемисы и менчеряки. Въ Осинскомъ уѣздѣ, на югѣ за рѣкой Буемъ и нынѣ живутъ, составляя особую волость (Больше-Гондырскую), тептяри-вотяки, изычники. Въ 1743 г. Императрицею Елизаветою учреждена *Оренбургская* губернія изъ городовъ Оренбурга, Уфы, Бирска, Мензелинска, *Осы* и друг.; бывшая Уфимская провинція поручена вице-губернатору, съ пребываніемъ ему въ Уфѣ,

Оса какъ главный начальникъ края жилъ въ Оренбургѣ. Но по первому географическому атласу Россіи, изданному Императорской Академіей наукъ въ 1745 г., видно, что Оса входитъ въ Казанскую провинцію, а Красноуфимская крѣпость—въ составъ Уфимской провинціи Оренбургской губерніи. Въ 1759 г. оберъ-прокуроръ Правительствующаго Сената, генераль-маіоръ Глѣбовъ, въ силу Высочайшаго разрѣшенія, приобрѣлъ у башкиръ Ганнской волости, Уфимскаго (нынѣ Осинскаго) уѣзда, для постройки Шерментскаго мѣдно-завальнаго завода земли, съ отводомъ по указамъ Сената 2 апрѣля 1757 г. и 7 іюня по 50-ти верстѣ на всѣ стороны отъ р. Шермейки. Въ 1764 г. монастырскіе крестьяне отобраны въ казну, въ вѣдѣніе Коллежій Экономіи. Города *Оса*, *Уфа*, *Бирскъ*, *Табьскъ* причислены къ духовнымъ дѣламъ къ Вяткѣ. Въ 1765 г. 25 мая изданъ указъ о государственномъ генеральномъ межеваніи. Въ 1767 году вызваны въ Москву депутаты отъ всѣхъ сословій, въ томъ числѣ и отъ башкиръ въ комиссію для составленія новаго уложенія.

Въ концѣ 1773 года начался и въ 1774 г. продолжался Пугачевскій бунтъ. Башкирцы, два столѣтія отстаивавшіе свои права на земли, признанныя за ними царемъ Иваномъ IV, и между тѣмъ все болѣе и болѣе стѣсняемые захватами угодій русскими переселенцами, отчужденіемъ лѣсовъ во владѣніе заводовъ „безденежно и на вѣчно“, построеніемъ укрѣпленныхъ городовъ и проч., воспользовались представившимся случаемъ отплатить русскимъ поселенцамъ грабежами, буйствомъ, насиліемъ. За башкирами слѣдовали татары и многіе русскіе. Мирные граждане вообще и въ частности въ Осинскомъ уѣздѣ были поставлены между двухъ крайностей—погибать отъ злодѣевъ или передаваться на ихнюю сторону. Пугачевъ, въ возмутительныхъ листкахъ къ крѣпостнымъ и заводскимъ людямъ, именемъ Петра III обѣщаль вѣчную вольность за преданность ему и неминуемую гибель за сопротивленіе его волѣ. Шайка башкирцевъ, бунтовщиковъ, повлиялась въ подъ-Кунгурскомъ краѣ, въ сѣверо-восточной части Осинскаго уѣзда. Здѣсь сохранились лишь немногія воспоминанія. Одинъ старикъ (въ Судинской вол.) увѣренно объяснилъ намъ что „мужъ Екатерины Петръ Федоровичъ въ Сибири набралъ войско и шелъ въ Россію, но въ Казани его кончили. По этому мѣсту Пугачъ войско проводилъ мимоходомъ. Въ Ордѣ (село Ординское) его побѣдили; обратно его оттуда погнали и, Боже мой!“ На Шермятскомъ за-

водѣ мучительно преданъ смерти самъ владѣлецъ Яковлевъ, привязанный къ лошадиному хвосту.

9 апрѣля 1774 г. часть шайки Пугачева была разбита въ Сайгаткѣ управляющимъ Ижевскимъ заводомъ Альшевымъ; оставшіеся мятежники подѣ начальствомъ Волкова удалились къ Ножовкѣ (Рождественскіе заводы). 9-го апрѣля люди Строганова и Лазарева съ 1300 человекъ подступили изъ Бѣляевки къ Осѣ. Командиромъ былъ Батмановъ и съ нимъ находились управитель Аннинскаго завода Бершонъ, управитель Юговскаго завода Федоровъ. Жители Осы явились съ повинною о предательствѣ Пугачеву и войско вступило въ г. Осу. Татары ушли изъ Осы къ селу Крылову, гдѣ 10 апрѣля произошла стычка и войско двинулось на Елпачиху и Бичурину. Еще ранѣе 7 апрѣля была также стычка у села Гамиць. 10 апрѣля была отряжена часть команды къ дер. Усть-Тунтору для поимки бунтовщиковъ; но они не были пойманы и по случаю распутицы войско возвратилось въ Осу, истребивъ татарскія деревни; всего въ одиннадцати деревняхъ сожжено 800 дворовъ. Въ числѣ осинскихъ возмутителей оказались попъ и дьяконъ, которые вмѣстѣ съ прочими отправлены для суда надъ ними. 9 мая осинскихъ бунтовщиковъ насчитывалось 1150 человекъ съ атаманомъ Степаномъ Кузнецовымъ и Димитріемъ Юсуповымъ, которые находились вмѣстѣ съ мятежными башкирами. Изъ нихъ нѣкоторые явились сами, а другихъ ловили и, или наказывали нагайками, или отсылали для суда въ Юговской заводъ. 26 мая Тонинцевъ, описатель событій, ходилъ вверхъ по р. Тулвѣ для усмиренія башкиръ и имѣлъ стычки у с. Крылова.

Въ юнѣ, послѣ того какъ Пугачевъ былъ разбитъ Михельсономъ (5-го юня), толпы мятежниковъ, состоявшія изъ уральскихъ казаковъ, башкиръ, бѣглыхъ крестьянъ и мастеровыхъ, обложили пригородъ Осу, защищаемый особымъ отрядомъ солдатъ подѣ начальствомъ майора Скрипицына и прапорщика Минѣева. Отпоръ былъ отчаянный. Во время приступа осажденные стрѣляли съ бойницъ безъ утомки, залили съ навалѣсовъ горячую смолу, спускали на мятежниковъ бревна и вообще показали примѣрную стойкость; и подѣ конецъ осинцы, потерявъ надежду на избавленіе, рѣшились покориться злодѣямъ. 20 юня, когда пугачевская вольница готовилась къ новому приступу, открылись ворота крѣпости. Жители, военная команда и офицеры, при званіи колоколовъ, вышли къ бунтовщикамъ, прося о милосердіи.

—резь нѣсколько дней, по доносу Минѣева, Скрипицынъ былъ удавленъ, а самъ Минѣевъ сдѣлался преданнымъ слугою мятежниковъ и управлялъ ихъ движеніями до паденія Казани. Съ уничтоженіемъ **пайки** Пугачева, мѣстность около Осы представляла страшный безпорядокъ. Небольшіе военные отряды не выходили отсюда, усмиряя непокорныхъ силою оружія, при чемъ нѣкоторыя селенія преданы огню. Перм. губ. Вѣд. 1841 г. №№ 14 и 15. Источн. и пос. для изуч. Перм. края стр. 60—61).

Въ 1781 г. было открыто Пермское намѣстничество, въ составъ котораго вошелъ и Осипскій уѣздъ. Онъ занималъ 17045 кв. верстъ; въ немъ было заводовъ, слободъ и селъ съ церквами 20, помѣщичьихъ деревень 7, казенныхъ 238, изъ нихъ 66 иновѣрческихъ. Жителей 25395, въ томъ числѣ 4656 иновѣрцевъ. По теченію рѣки Камы находились села Дубовское, Сайгатка и заводъ Комбарскій, по р. Тулвѣ—село Крылово, на востокъ отъ города село Горы и заводы Билярскій, Аннинскій, Бымовскій, Юговской, Шерментскій, Ашапскій и Уинскій, по р. Ирени находились слободы Троицкая и Степановская, села Тихановское, Ясылское, Судинское, Мѣдянское, Ключевское и слобода Ильинская. Въ 1784 г. открыто въ Уфѣ магометанское собраніе для управленія, подъ предсѣдательствомъ муфтія, духовными дѣлами всѣхъ магометанъ—башкиръ, татаръ и друг. Въ 1797 г. башкиры просили Императора Павла I о генеральномъ размежеваніи ихъ земель. Генеральное межеваніе, согласно волѣ Екатерины II, начато въ 1798 году, башкиры и мещеряки въ томъ же 1798 г. сдѣланы *военнымъ сословіемъ* съ раздѣленіемъ на кантоны, подъ начальствомъ Оренбургскаго военнаго губернатора, и тѣмъ положено начало башкирскаго войска и лишь въ 1865 г. башкиры и ихъ тестьи переданы вѣдѣнію мировыхъ посредниковъ и губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, въ 1869 г. послѣдовалъ указъ объ уничтоженіи бывшей въ Оренбургѣ комиссіи для надѣленія землею башкиръ и ихъ приищениковъ и о передачѣ дѣлъ ея въ губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, а отъ нихъ посредникамъ.

Сб. Пермск. Зем.
1898 г.
№ 34.

Н. Блиновъ.

Развѣдки и раскопки, произведенныя Л. А. Беркутовымъ

по порученію Сарапульскаго земскаго Музея

въ 1910 году.

Вступленіе.

Кама, съ незапамятныхъ временъ привлекала жителей на свои берега. Правый нагорный берегъ, болѣе выгодный въ стратегическомъ отношеніи, являлся удобнымъ для поселеній. Высокіе, окруженные глубокими оврагами, мысы удобны, какъ наблюдательные пункты и какъ естественныя укрѣпленія. На многихъ изъ этихъ высокихъ мысовъ, можно найти признаки культуры. Здѣсь можно найти иногда довольно высокій, хорошо сохранившійся валъ, два вала, три вала, кургано-видную насыпь, иногда маленькій курганчикъ, иногда просто полузасыпающуюся яму. Это все болѣе рѣзко бросающіеся въ глаза наружные признаки. Стоитъ только попристальнѣе всмотрѣться въ самую почву, обратитъ вниманіе на составъ ея, какъ стануть попадаться въ ней слѣды золы, угля, кости и зубы животныхъ, черепки глиняной битой посуды; посчастливится, такъ попадется **какая-либо** вещь или изъ глины, или изъ металла и т. д. Если всматриваться внимательнѣе въ характеръ находокъ, рисунокъ и структуру черепковъ, сличая эти находки съ находками другихъ городищъ и мѣстностей, придется заключить, что эти вещи не принадлежатъ одной культурѣ и одной народности, что эти народности жили, быть можетъ, не въ одно время. Не надо думать, что вся культура только и сосредоточивалась на этихъ мысахъ, въ однихъ только городищахъ. Есть кромѣ городищъ и другія мѣстности, указывающія на то, что тутъ кипѣла жизнь ключемъ: встрѣчаются, напримѣръ, большія поля, почти сплошь засѣяныя черепками глиняной посуды.

Сарапульскій уѣздъ, расположенный на правомъ берегу Камы, богатъ городищами и древними поселеніями; многіе изъ этихъ памятниковъ старины еще не изслѣдованы, иные даже не внесены и въ литературу. Особенно богата ими южная часть уѣзда, примыкающая къ Елабужскому, расположенная противъ устья Бѣлой. Она являлась когда-то мѣстностью густо населенной.

Нѣкоторые памятники старины средняго Прикамья были изслѣдованы мною по порученію Сарапульскаго земскаго музея въ 1910, 1911, 1912 и 1913 гг.

Чегандинскія городища.

Чегандинскія городища ранѣе были обслѣдованы Спицинымъ и описаны имъ. Описаніе этихъ городищъ я здѣсь воспроизвожу цѣликомъ и только присоединяю свои наблюденія.

„Нѣсколько ниже с. Чеганды находится нѣсколько ущелій. Самое большое изъ нихъ то, которое носитъ названіе „Малой Чеганды“ и находится въ 2½ верстахъ отъ села. Оно представляетъ собою очень красивый глубокій и широкій, полный выступовъ и мысовъ, далеко тянущійся въ глубь, оврагъ. Почти на всѣхъ мысахъ можно найти черепки, свидѣтельствующіе, что ущелье было густо заселено, чему, между прочимъ, конечно, способствовала и близость его къ устью рѣки Бѣлой. Двѣ весьма значительныя площадки съ зольнымъ слоемъ и черепками идутъ тотчасъ отъ берега по правой сторонѣ оврага, между берегомъ рѣки и двумя павшими въ него небольшими овражками. Такъ какъ берегъ Камы дѣлаетъ здѣсь длинный и отлогій скатъ къ оврагу, то описываемая мѣстность находится ниже другихъ, окружающихъ оврагъ мысовъ и неудобна для укрѣпленій, почему мы при всѣхъ стараніяхъ не нашли на ней ни валовъ, ни рововъ. Площадка въ настоящее время засѣвается льномъ и готовится подъ пашню“.

Площадка только что описаннаго Спицинымъ мыса носитъ названіе „Поляна“; на ней крестьянами находились вещи: топоры, бусы, бронзовые треугольнички, черепки. Въ 1912 году найдена крестьяниномъ древняя соха, находящаяся теперь въ Сарапульскомъ музеѣ.

При развѣдкахъ въ 1913 году мною были найдены черепки съ дырочно-вдавленнымъ орнаментомъ, аналогичные черепкамъ нижеописаннаго главнаго Чегандинскаго городища, известковая терка и кости животныхъ.

„Въ самой глубинѣ оврага, на одномъ изъ находящихся тутъ близко другъ отъ друга мысовъ, расположено огромное городище, укрѣпленное двумя валами (рис. 16). Въ длину оно имѣетъ до 145 сажень, въ ширину 30 или нѣсколько болѣе. Площадь ровная, но слегка покатая, нынѣ распаивается. По всей площадкѣ идетъ мас-

сивный зольный слой, до трех четвертей въ толщину, чѣмъ городище рѣзко отличается отъ всѣхъ другихъ городищъ Сарапульской группы. Главный валъ 30 сажень длиною, до 2-хъ саж. высоты, нѣсколько лугообразенъ, крутъ, имѣеть острый гребень и только самая середина его съ тылу настолько поката, что на ней посѣянъ ленъ. Онъ поросъ кустарникомъ и потому хорошо сохранился. Ровъ широкъ и мало замѣтенъ; прилегающая ко рву часть площадки также представляетъ похожую на ровъ выемку, сажень 5 ширины. Второй валъ расположенъ нѣсколько ниже половины площадки (на разстояніи болѣе 80 сажень отъ перваго); валъ этотъ и проходящій вдоль его ровъ, вслѣдствіе распаханья, въ настоящее время едва замѣтны. Кромѣ валовъ городище съ обѣихъ сторонъ защищено весьма глубокими и крутыми оврагами и въ общемъ представляетъ очень удобное для обороны укрѣпленіе. Городище помѣщается такъ глубоко внутри ущелья, что даже съ высоты его видъ не обширенъ: видны только дальніе извивы р. Бѣлой, да клочекъ Камы, зато весь оврагъ отсюда, какъ на ладони“.

Здѣсь у Спицына приведено описаніе главнаго городища и сказано, что оно расположено на одномъ изъ двухъ, находящихся тутъ близко другъ къ другу, мысовъ. Наблюденія показали, что не двухъ, а трехъ, и что всѣ три мыса были укрѣплены, и что только на среднемъ сооруженія были грандіознѣе и мало пострадали отъ сохи. Мысы почти всѣ одинаковой длины, и ихъ тыловые валы идутъ по одной кривой съ первымъ тыловымъ валомъ средняго, главнаго городища. Длина средней площадки отъ носа до середины тыловаго вала 156 сажень, ширина площадки въ самомъ широкомъ мѣстѣ $46\frac{1}{2}$ сажень, въ среднемъ около 30 сажень. Длина главнаго вала $36\frac{1}{2}$ сажень, высота 7 аршинъ. Отъ середины перваго до середины втораго вала 95 сажень. Длина втораго вала 21 саж., высота лѣвой части пять четвертей, правой части, распаханной, — двѣ четверти. Сохраненію перваго вала способствовало то обстоятельство, что онъ глинобитный.

Расположено городище на востокъ.

На днѣ оврага Малой Чеганды мы натолкнулись на небольшую распаханную полянку, на которой были найдены черепки, кости и клыкъ кабана *). Культурный пластъ около 3 вершковъ на срединѣ и 6 верш. къ сторонамъ.

*) Крестьяниномъ Перескоковымъ былъ найденъ въ 1909 г. здѣсь черепъ человека. Можно полагать, что здѣсь есть погребенья.

Развѣдки, произведенныя мною при содѣйствіи учителя П. И. Кротова, на главномъ городищѣ показали, что культурный пластъ достигаетъ на вершинѣ городища 6—7 верш., на бокахъ городища 16—17 верш. и по склонамъ его 24 вершк. Нами была найдена масса черепковъ: все городище сплошь было устѣяно ими. Преобладающимъ орнаментомъ былъ дырочно-вдавленный, затѣмъ масса безъ всякаго рисунка, за нимъ угловой орнаментъ и только одинъ черепокъ съ веревочнымъ. Развѣдки продолжались и на слѣдующій день, когда у насъ нашлись еще помощники: крестьянинъ Д. А. Двинскихъ, Д. Кореневъ и студентъ геологъ М. П. Перескоковъ. Послѣдніе дѣятельно помогали при нивелировкѣ и обмѣркѣ городища.

Покончивъ развѣдки на этомъ городищѣ, мы перешли на сосѣдніе два мыса (по правую и лѣвую сторону); здѣсь попадались тоже черепки и кости различныхъ животныхъ только гораздо въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ на среднемъ мысу. Покончивъ съ обследованіемъ всѣхъ мысовъ и дна оврага Малой Чеганды, я еще разъ тщательно осмотрѣлъ средній мысъ. На немъ больше всего черепковъ, по поверхности, было саженьхъ въ 7—10 отъ середины перваго вала. Здѣсь и были произведены раскопки.

Раскопки велись траншеей въ 5 аршинъ шириной сначала съ востока на западъ къ валу городища, затѣмъ съ юга на сѣверъ. Первая траншея прошла по углубленію около вала. Оказалось, что здѣсь была глубокая яма или овражекъ, въ который смывало вещи и кости съ вершины городища. Глубина траншеи въ этомъ мѣстѣ достигала 7 аршинъ; въ разрѣзъ ея попали 19 различныхъ слоевъ, при чемъ наблюденія показали, что на глубинѣ 6 аршинъ черепки попадались не аналогичные, находимымъ въ верхнихъ слояхъ:

Найдены были: 1) Черепки красной, крѣпкой глины, съ крупной примѣсью раковины, съ краевымъ, дырочно-вдавленнымъ и дырочно-сквознымъ орнаментомъ, тщательной обработки.

2) Черепки сѣрой глины, съ примѣсью битой раковины, грубой работы, съ прямымъ дномъ, и толстые, тоже съ примѣсью раковины, съ дырочно-вдавленнымъ орнаментомъ и безъ орнамента.

- 3) Черепки черной глины, съ примѣсью раковины, крѣпкіе, грубой работы, съ угольно-вдавленнымъ рисункомъ; такіе же съ полоской около верхняго края, дырочнымъ орнаментомъ, съ орнаментомъ краевымъ.
- 4) Черепки сѣрой глины, съ примѣсью раковины, отъ сосудовъ съ сильно отогнутымъ краемъ, съ дырочнымъ орнаментомъ.
- 5) Черепки черной глины отъ сосудовъ малыхъ и среднихъ размѣровъ, тщательной работы, съ лопаточно-вдавленнымъ рисункомъ.
- 6) Черепки черной глины отъ сосудовъ малыхъ размѣровъ, съ дырочнымъ рисункомъ и по краю, причемъ дырочки идутъ правильно четырьмя рядами, а по краю идетъ краевой рисунокъ.
- 7) Сѣрой глины, съ примѣсью раковины, съ чеканнымъ, идущимъ рядами, рисункомъ; сосуды, судя по фрагментамъ, были въ звѣѣ до 8 вершковъ въ діаметрѣ.
- 8) Найдень сосудъ черной глины, съ примѣсью раковины, около 2 вер. въ діаметрѣ, съ прямымъ дномъ, грубой работы.

Орнаментъ на сосудахъ Чегандинскаго городища очень разнообразенъ. а) Дырочно-вдавленный: дырочки крупныя или мелкія идутъ въ одну, въ три, и въ четыре линіи; дырочки раскиданы въ безпорядкѣ или же расположены симметрично по всему сосуду; дырочки идутъ по линіямъ перпендикулярнымъ.

б) Овально-вдавленный: овалы расположены въ рядъ въ 3 ряда, а также по самому краю.

в) Ногтевой.

г) Лопаточно-вдавленный, мелкій и крупный.

д) Чеканный: насѣчкой въ крестикъ и двойными квадратиками.

е) Краевой, мелкій и крупный.

ж) Съ веревочнымъ орнаментомъ только одинъ.

- 9) Кости и зубы животных: свињи, кабана, лошади, быка, оленя, лося, косули, бобра, куницы, волка и медвѣдя.
- 10) Кости рыбъ: осетра, жереха, бѣлуги.
- 11) Стекло: 1 бусинка.
- 12) Бронза: 2 мѣдн. подвѣски пьяноборской культуры,
1 висячное кольцо,
1 кольцо,
1 слитокъ, палочкой, вершка въ 3 длиной и въ палецъ толщиной.
1 свѣтильникъ—съ ушками (пріобрѣтенъ отъ крестьянина).
- 13) Камень: 1 кремневый ножичекъ,
12 пестовъ-колотушекъ (изъ голышей),
3 оселка—бруска.
2 бруска изъ песчаника,
1 колотушка изъ песчаника,
1 жерновъ известковый (пріобрѣтенъ отъ крестьянина).
- 14) Желѣзо: 5 обломковъ ножей,
1 ушко отъ ведра.
- 15) Глина: 14 напяслицъ,
3 обломка отъ напяслицъ,
1 обломокъ отъ напяслица съ орнаментомъ,
2 амулета,
1 кружокъ въ 2 вершка въ діаметръ, съ дырочкой,
1 глинянная трубочка,
1 ушко отъ сосуда изъ сѣрой глины, съ примѣсью крупно-битой раковины.
- 16) Кость: 7 обломковъ костяныхъ наконечниковъ стрѣлъ,
8 кост. наконечниковъ стрѣлъ,
1 шило,
4 обломка шильевъ,
1 ножъ для сдиранья шкуръ,

- 5 бабокъ съ дырочками,
- 1 косточка съ двумя дырочками,
- 1 обломокъ удочки.
- 5 задѣлокъ стрѣлъ,
- 1 трубчатая птичья кость съ дырочкой,
- 1 обломокъ задѣлки копья,
- 1 обломокъ кости съ орнаментомъ,
- 1 обломокъ кости съ насѣчкой,
- 2 задѣлки неопредѣленныхъ вещей.
- 1 обломокъ рога косули съ слѣдами ножа.

17) Раковины: Упю.

Битая галька, обожженная глина и песчанкиъ покрывали сплошь весь скатъ вала со стороны поля.

Сказанье о Чагандинскихъ городищахъ въ оврагѣ
„Малая Чеганда“.

На правомъ берегу рѣки Камы, въ 1½ верстахъ вверхъ отъ сѣль Бѣлой, разрѣзаетъ берегъ глубокой, длинный, полный мысовъ оврагъ. Три самыхъ дальнихъ отъ берега мыса носятъ названье мысовъ съ перекопами.¹⁾

Это ничто иное, какъ остатки древняго сооруженія,—городища.

Мысы расположены рядомъ. На среднемъ сооруженія довольно значительны²⁾, площадка мыса раздѣлена двумя параллельными валами. Правый и лѣвый мысы имѣютъ по одному валу, незначительной высоты.

Народъ приписываетъ этимъ невѣдомымъ сооруженіямъ много легендъ. Сооруженія эти онъ считаетъ постройкой легендарнаго народа—чуди или чудаковъ.

Въ селѣ Чегандѣ жилъ бывалый человѣкъ, знакомый съ разными чертовщинами и старинными сказаніями. Не мало зналъ онъ легендъ и о городищахъ, и о пещерахъ, и о кладахъ. Одну изъ легендъ, слышанную изъ устъ этого сказателя Протаса Морогова, я и воспроизвожу на память.

¹⁾ Валами.

²⁾ Валъ достигаетъ 7 аршинъ высоты, 10 саж. ширины и 36½ саж. длины.

Давнымъ давно жили въ этихъ краяхъ люди-чудаки. Росту были они высоченнаго, силы непомѣрной. Прозывались чудаки бѣлоглазыми (видимо, глаза у нихъ были свѣтло-сѣрые или голубые, догадывался рассказчикъ). Пришли чудаки и на эти мысы. Пришли они со стараго пепелища послѣ набѣга на нихъ. Принесли они съ собой несмѣтныхъ богатства и пригнали громадныхъ стада скота. Было чудаковъ пятеро: три брата, мать и бѣлокурая сестра красавица.

Понравились имъ три крутыхъ мыса, и рѣшили они на нихъ поселиться.

Поселились три брата великана со своей старухой матерью-вѣщуньей и бѣлокурой красавицей сестрой сначала на среднемъ мысѣ, поросшемъ по бокамъ высокими сосновымъ лѣсомъ, построили шалаши и загородъ для скота. Но недолго они жили вмѣстѣ. Не были они похожи между собой ни по характеру, ни по виду. Обратились за совѣтомъ братья къ старухѣ-вѣщуньѣ матери: какъ поступить, какъ раздѣлиться.

Посмотрѣла вѣщунья на сыновей-великановъ и сказала, что пусть каждый поселится тамъ, куда больше лежитъ его сердце.

Младшій братъ, бѣлокурый, безусый юноша, съ большими задумчивыми глазами, въ которыхъ отражалась бирюза неба и его чистая, любящая природу, душа, сказалъ: „Я люблю, матушка и братья, пахать, отдайте мнѣ лѣвый мысъ, на немъ я устроюсь, тамъ такая прелестная роща, а какъ весной сладко поютъ соловьи“...

Съ трепетаньемъ сердца ждалъ юноша отвѣта. Молча поклонились ему братья, а мать обратилась къ нему со словами: „Ты здоровъ, любишь природу, любишь работать,—воздѣлывать хлѣбъ, если нравится тебѣ лѣвый мысъ, возьми его, братья уступаютъ“.

„Я былъ вмѣстѣ съ отцомъ, когда онъ въ послѣдній разъ взмахнулъ мечемъ въ Каменномъ Логу; онъ раненый завѣщалъ мнѣ свои доспѣхи, лукъ и колчанъ со стрѣлами. Я люблю охоту и скотоводство. Отдайте мнѣ средній мысъ. Я буду защищать мать и сестру, которыя будутъ жить со мной, и ваши, братья, владѣнія“.

Такъ говорилъ средній братъ. На широкой его груди висѣло ожерелье изъ медвѣжьихъ и кабаньихъ клыковъ. Рыжіе волосы спускались на могучія плечи; рыжая борода густо покрывала нижнюю часть лица, а изъ подъ густыхъ темныхъ бровей сверкали маленькіе зеленоватые глаза. Младшій братъ поклонился, а старшій только кив-

головой, и легкая усмѣшка пробѣжала по его губамъ. «Такъ ты держи насъ подь защиту», сказала мать. «Мы будемъ жить въ твоей жилищѣ. Любишь ты охоту, какъ и твой отецъ; ты безъ промаха стрѣляешь; твоя стрѣла пронзила сердце врага, убившаго твоего отца; ты вводишь страхъ на всѣхъ сосѣдей и они не смѣютъ тронуть твою и тѣмъ болѣе твое жилище. Но знай, что если ты берешь всѣхъ подь защиту, то не долженъ обижать ни сестры, ни братьевъ, ни меня. Поклянись». Рыжій поклялся. „Держи клятву, не бѣги боги покарають тебя“.

Очередь дошла до старшаго.

Онъ стоялъ высокій, черный, весь въ черномъ. Длинная черная рубаха закрывала всю грудь. Длинные черные прямые волосы были оплетены зеленымъ обручемъ. Худое, изможденное лицо оживляли большіе глаза, смотряшіе изъ-подъ нависшихъ длинныхъ бровей. Эти глаза напоминали глаза старухи-вѣщуньи матери, въ нихъ было что-то властное, что-то внушающее страхъ. „Мнѣ остался правый. Если его возьму“, сказалъ онъ голосомъ не восторженнаго юноши, младшаго брата, не грубымъ, какъ у средняго: это былъ голосъ, отражающій въ себѣ увѣренность и спокойствіе. „Ты берешь правый?“ переспросила мать, и всѣ поклонились.

Разселились братья.

Была весна. Далеко-далеко летѣли звуки пѣсни съ лѣваго мыса: кто воспѣвалъ природу юноша, идя за сохой. Звуки лились и сливались съ птичьимъ пѣніемъ. Вся березовая заросль пѣла на тысячу голосовъ.

Бѣлокурая красавица сестра съ длинными распущенными, унизанными цвѣтами, волосами, какъ какая-то богиня, сидѣла на бугоркѣ и слушала пѣсни брата и пѣнье птицъ. По вечерамъ она слушала звѣсть съ братомъ пѣнье соловьевъ, а иногда и запѣвала сама. Все замолкало, все прислушивалось къ неземнымъ звукамъ пѣсни красавицы. Звуки доносились до праваго мыса. Черный братъ выходилъ послушать пѣнье сестры. Мать слушала пѣсни дочери. Только одинъ рыжій братъ не любилъ ея пѣсень: въ нихъ не было мести, не было жажды крови, ни ненависти, а была только одна любовь, чистая любовь. Онъ старался прекратить ненавистныя ему пѣсни. Какъ громъ гремѣлъ его голосъ; онъ отзывалъ сестру домой. Пѣснь прекращалась, но еще долго молчала природа, заколдованная пѣньемъ бѣло-

курой красавицы. Не нравилось рыжему, что сестра больше стремится къ бѣлокурому брату, старался всегда задерживать ее, но боялся матери, и сестра всегда видѣлась съ любимымъ братомъ.

Рыжий братъ отъ нападеній дикихъ звѣрей сдѣлалъ два земляныхъ вала. Цѣлые дни ходилъ онъ по лѣсу, а вечерами стоялъ на носу мыса съ лукомъ въ рукахъ и билъ пролетающихъ лебедей и гусей.

Правый мысъ, занятый чернымъ братомъ, казался мертвымъ. только одна землянка да тропинка указывали, что здѣсь есть обитатель. Рано утромъ молча выходилъ черный братъ, спускался въ оврагъ и молча собиралъ растенія. Подъ вечеръ онъ приходилъ домой съ пучками травъ, а у дверей его землянки его встрѣчала мать. Молча заходили они въ землянку и плотно притворяли дверь, чтобы ничто живое не услышало ихъ разговора. Мать передавала сыну свои знанья. Далеко за полночь отворялась дверь и старуха-вѣщунья улетала къ рыжему сыну на средній мысъ.

Ни сестра, ни братья не знали ни о свиданіяхъ матери съ чернымъ братомъ, ни о его занятіяхъ, рѣдко видѣли его, развѣ только сестра, собиравшая цвѣты, встрѣчала его, идущимъ къ пещерамъ, что ниже по Камѣ. Она никогда не заговаривала съ нимъ, боясь его загадочной задумчивости. Бѣлокурая красавица говорила съ бѣлокурымъ братомъ о немъ, но тотъ зналъ о своемъ старшемъ братѣ еще меньше, чѣмъ сама она. Бѣлокурый почти никуда не выходилъ со своего мыса, развѣ только къ матери старухѣ, да и то рѣдко, къ черному онъ совсѣмъ не ходилъ. У этого днемъ была полная тишина.

Изъ птицъ только совы селились на правомъ мысѣ, и ихъ зловѣщіе крики пугали въ сумеркахъ бѣлокурую красавицу, заслушавшуюся своего любимаго брата на лѣвомъ мысѣ.

Умерла мать. Всѣ братья собрались на ея похороны. Надъ гробомъ матери плакалъ бѣлокурый сынъ, и его плачъ выливался въ мелодичныя, полныя тоски, хватающія за душу, звуки.

Плакала бѣлокурая красавица. Она осталась теперь одна **беззащитная**: нѣтъ матери, и некому заступиться за нее **передъ рыжимъ** братомъ.

Младшаго она не могла считать защитникомъ, зная его слабость и неумѣніе владѣть оружіемъ. Старшій молчаливъ, да и какое ему дѣло до нея. При каждомъ взглядѣ на рыжаго, у нея **вздрагивало**

серше: она знала, что рыжий убьет бблокураго брата изъ-за ревности. Плакала бблокурая красавица и слезы, какъ ручьи, текли изъ ея чудныхъ глазъ. Рыжий братъ ревѣлъ, какъ умирающій дикій звѣрь. Только чернѣй братъ стоялъ весь чернѣй, во всемъ черномъ и смотрѣлъ на трупъ матери. Казалось, что онъ не жалѣлъ ея.

Похоронили мать.

Не пѣлись пѣсни бблокуруму, тяжелое чувство давило сердце. Бблокурой красавицѣ нельзя было повидаться съ ея любимымъ братомъ. Только тогда, когда далеко уходилъ на охоту рыжий, она перешликала съ бблокурымъ. Но какъ-то это услыхалъ рыжий, схватилъ колчанъ и лукъ и намѣревался убить или прогнать бблокураго. Видѣлъ бблокурѣй, испугался, побѣжалъ на Каму, бросился въ ея реку и поплылъ. Натянулъ рыжий лукъ, да раздумалъ, — жалъ стало курѣль: „Все равно утонетъ въ многоводной Камѣ“. Но бблокурѣй благополучно переплылъ черезъ рѣку и поселился на ближайшемъ берегу (курѣль¹⁾). Видѣла это сестра, и ей еще стало тяжелѣй. Рыжий посмѣялся надъ ней и сказалъ, что вмѣсто пѣсенъ она можетъ растирать муку на ручной мельницѣ и свободно ходить по берегу, такъ какъ никто, кромѣ его и чернаго брата, не смѣетъ итти противъ него, да и нѣтъ у него оружія.

Грустно стало красавицѣ. Она замѣчала на себѣ кровавые слезы и взгляды рыжаго брата, и опять рѣкой катились слезы изъ ея прекрасныхъ глазъ. Днемъ, въ отсутствіе брата, она уходила на высокую гору на берегу надъ пещерами, а оттуда хорошо былъ виденъ текуръ (пиханъ). Она махала рукой, и бблокурѣй братъ отвѣчалъ ей гѣмъ же. Слова не долетали до нея, и она начинала плакать горячими слезами; слезки капали на песокъ и такъ были горячи, что песокъ спекался²⁾. Разъ такъ сидѣла и плакала бблокурая красавица, и вдругъ услышала, что кто-то подошелъ и бережно положилъ ей руку на плечо. Обернулась, а передъ ней стоитъ чернѣй братъ. Нѣжно обнялъ онъ ее и сталъ уговаривать не плакать, а рассказать, въ чемъ дѣло. Быть можетъ онъ и поможетъ ей въ ея горѣ-несчастьѣ.

Дѣвушка не знала, что сказать, и снова заплакала. „Беззащитна я, и ты не можешь мнѣ помочь убѣжать отъ рыжаго брата: рыжий убьетъ тебя“. „Только убѣжать отъ рыжаго. Это очень про-

¹⁾ Пиханъ, холмъ.

²⁾ И посейчасъ находятъ крестьяне надъ пещерами спекшіяся слезки.

сто, дитя“. „Какъ ты это сдѣлаешь? Вѣдь у тебя нѣтъ лодки, а лодка рыжаго спрятана имъ далеко отъ берега, и у тебя не хватитъ силъ даже стащить ее въ воду“. Черный братъ улыбнулся,—сестра не знала, что онъ колдунъ и многое можетъ сдѣлать.

„Рыжий, если увидить, что ты тащишь лодку, то пуститъ тебѣ въ сердце стрѣлу“. Надвигались сумерки, поднялся туманъ надъ Камой. Въ лѣсу закричали совы. Темная ночь опустила свой покровъ, а сестра все хотѣла убѣдить чернаго, что нельзя убѣжать отъ рыжаго.

Бѣлокурая красавица вздрогнула: вдали пронесся гулъ. „Братъ меня ищетъ, я боюсь, далеко бѣжать, кругомъ дикіе звѣри и злые духи, если найдетъ онъ, убьетъ насъ; нѣтъ, только тебя братъ... спасайся“. „Не бойся“, сказалъ черный, взявъ ее на руки, и она прижалась къ нему.

Черный братъ полетѣлъ; вмигъ они были около землянки чернаго, зашли въ нее. Совы и летучія мыши летали въ землянкѣ; по стѣнамъ висѣли пучки травъ; стояли горшечки съ какими-то снадобьями. Жутко было красавицѣ у чернаго брата колдуна. Братъ старался успокоить ее и сказалъ: „Ложись, сестрица, спать; утро вечера мудренѣе“. Утромъ онъ подаль горшечекъ съ какой-то жидкостью и сказалъ, что когда она выпьетъ, выйдя на носъ мыса, то обратится въ лебедь-бѣлую и полетитъ къ брату на текуръ, за Каму, а тамъ, искупавшись въ ключѣ, что подлѣ текура, снова будетъ дѣвушкой. Рыжий братъ всю ночь искалъ сестру и только утромъ увидѣлъ: летитъ надъ его головой бѣлая лебедь и кричитъ: „Прощай рыжий братъ“, и летитъ дальше на текуръ къ бѣлокурому брату. Догадался рыжий, что не лебедь бѣлая, а его сестрица улетаетъ, разсердился и пустилъ стрѣлу, но промахнулся и, сколько ни пускалъ стрѣлъ, не одной не ранилъ бѣлую лебедь; а она окатилась за Камой водой ключевой и обратилась опять въ бѣлокурую красавицу. Заревѣлъ отъ злости рыжий, бросился на землю, катаясь, рвалъ на себѣ волосы. Немного успокоившись, онъ всталъ и увидѣлъ сжотрѣвшаго на него съ укоризною чернаго брата. Въ гнѣвъ бросился онъ на брата, а тотъ спокойно стоитъ. Вытащилъ рыжий послѣднюю стрѣлу изъ колчана и пустилъ въ брата. Стрѣла упала назадъ въ колчанъ рыжаго великана. Долго рыжий пускалъ одну и ту же стрѣлу, но она снова возвращалась къ нему. Стоитъ черный и только грустно улыбается. Взвылъ рыжий, хотѣлъ сколоть копьемъ, да только едва коснулся

как копы сломаюсь, и не могъ онъ больше держать руко-
Тѣло рыжаго великана стало обростать шерстью, и сталъ онъ
вращаться въ волка, большого рыжаго волка. Злость его беретъ
больше и больше, присѣлъ онъ и завылъ; воетъ, а ему вторятъ
бывшіе враги, волки. Воетъ великанъ волкъ, и смотритъ на чер-
брата, и боится на него броситься. Надоѣло старшему брату
слушать вой, повернулся онъ и ушелъ въ свою землянку, а рыжій
великанъ волкъ побѣжалъ въ пещеры, гдѣ были запрятаны его не-
сметныя богатства и сталъ жить тамъ.

Цѣлыя ночи слышился вой волка-великана. Этотъ вой всеялъ
страхъ на всю окружающую природу. Недолго жилъ на правомъ мысѣ
черный братъ, перелетѣлъ за Каму и поселился на дальнемъ шиханѣ.

Донинѣ текурь, гдѣ жили бѣлокурые братъ и сестра. носятъ
названіе „Бѣлой горы“, а гдѣ поселился черный братъ-колдунъ, —
„Черной горы“. Посейчасъ находятъ много стрѣлъ на среднемъ мысу
и по дну оврага и приписываютъ ихъ рыжему великану, стрѣлявшему
въ бѣлую лебедку. Посейчасъ видятъ бабы и искатели кладовъ ры-
жаго волка, охраняющаго входъ въ пещеры у „Крутинскаго лога“,
напротивъ устья Бѣлой, гдѣ сокрыты несметныя богатства братьевъ-
чужаковъ.

Легенда о бѣльскихъ шиханахъ.

А вотъ еще разсказъ, слышанный мной отъ черемисина дер.
Быргынды Емельяна. „Ходятъ у насъ разсказы, отъ стариковъ еще
сказали про эти два большіе холма, что за Камой, на берегу Бѣлой.
Шелъ тутъ богатырь изъ-за Урала, на немъ были лапти. Время было
лѣтнее, ну, и насорились лапти. Сѣлъ великанъ-богатырь на Бѣлой
на горку, вытряхнулъ одинъ лапоть по одну сторону, — стала гора;*)
вытряхнулъ другой по другую сторону, и стала другая гора.
Зовутъ эти горы черемисы Кель-мень-чикъ, по-русски, змѣвникъ, такъ
какъ тамъ водится много змѣй“.

Городище „Подъ Клименомъ“.

Городище „Подъ Клименомъ“, или „Архіерейская Релка“ распо-
ложено на высокомъ и узкомъ, съ крутыми скатами мысу, обращен-
номъ къ рѣчкѣ Ямашѣ, верстахъ въ 3-хъ отъ деревни Быргынды и

*) Бѣльскій шиханъ.

5-ти отъ Чеганды. Линія оси мыса отклоняется къ сѣверу на 37° (Рис. 13).

Длина городища 45 саж. (отъ вала до носа мыса). Ширина площадки доходитъ до 15 саж. Валъ насыпанъ въ самомъ узкомъ мѣстѣ и уже распаханъ; высота его достигаетъ теперь только 1¹/₂ аршина. Передъ валомъ виденъ полузасыпанный, полураспаханный ровъ. Длина вала 11 саж. 1 арш., ширина около 2-хъ сажень. Культурный слой не толстъ. Найдены черепки сѣрой глины съ примѣсью битой раковины.

Городище „Наменный Логъ“.

Ниже на 1 версту по рѣчкѣ Ямашѣ отъ городища „Подъ Клименомъ“, на высокомъ мысѣ, обращенномъ къ рѣчкѣ и окруженномъ двумя глубокими оврагами, одинъ изъ которыхъ носитъ названье „Наменный Логъ“, расположено городище того же названья. (Рис. 23).

Городище большое: въ длину 110 саж., въ ширину въ одномъ мѣстѣ достигаетъ 24 сажень.

Со стороны поля городище защищено двумя валами. Раньше съ всѣхъ сторонъ площадки городища окаймлялъ окружный валъ, теперь въ большей своей части распаханый; на носовой части городища онъ сохранился на протяженіи 63 сажень. Этотъ валъ въ 2 сажени шириной и около 1—1¹/₂ аршинъ высотой. Главный валъ высотой до 7 аршинъ, поросъ лѣсомъ, хорошо сохранился, загибается кончикомъ и переходитъ въ окружной. Длина главнаго вала 11 сажень, ширина 10 + 6 = 16 сажень. Длина загнутыхъ сохранившихся концовъ—праваго 13 сажень, лѣваго 20 сажень. За этимъ валомъ, съ стороны поля другой валъ, 12 сажень длиною, 11 ширины и 2 аршинъ высоты. Между валами ровъ. Съ правой стороны городища около втораго вала отъ мыса идетъ узкій спускъ въ Каменный Логъ и по нему идетъ тропинка. Площадь городища довольно ровная, только у главнаго вала съ правой стороны большое котлообразное углубленіе.

Культурный слой толстъ: по краямъ площадки у окружнаго вала до 20 вершковъ и 8 вершковъ на серединѣ; по за главному валу. во рву слой толщиной около 8 вершковъ. Найдены: 1) черепки че-

и глины съ примѣсю талька и съ примѣсю крупно-битой раковины.

2) Красноватой глины, съ примѣсю раковины. Орнаментъ рельефно-вдавленный, чеканный, веревочный и краевой.

3) Обломки жернововъ изъ известника и терокъ.

4) Обломки каменныхъ пестовъ.

5) Кости: свиньи, лошади, быка, медвѣдя, бобра.

Крестьянами находились различныя вещи: стрѣлы бронзовыя и стѣяныя, бляхи.

Удалось приобрести кольцо бронзовое съ надписью Иванъ Шевяковъ, бронзовую оправу отъ ларчика, бронзовый наконечникъ стрѣлы Пьяноборскаго типа.

Въ 1911 году удалось найти желѣзный ножичекъ, бронзовую палашку, какъ бы подошву отъ сапога; черепки красной крѣпкой глины, желѣзные примѣси, отъ сосудовъ татарскаго типа.

„К а р а в а й“.

Ниже „Каменнаго Лога“, въ $\frac{1}{2}$ верстѣ по берегу Ямаши есть кургановидный мысъ, носящій названіе „Каравай“. (Рис. 18).

Крестьяне думаютъ, что это курганъ.

Издали мысъ походитъ на каравай хлѣба, украшенный зеленью. Длина площадки, занимаемая караваемъ, 50 сажень, ширина 40 саж. Культурный слой незначителенъ, находокъ нѣтъ.

„П л о с к о е м ѣ с т о“.

Верстахъ въ 6—7 отъ Чеганды по теченію рѣки Камы и въ $\frac{1}{2}$ версты отъ ея берега, мѣстность носить названіе „Плоское мѣсто“. Это ничто иное, какъ плоская возвышенность, разрѣзанная на двѣ части оврагомъ, носящимъ названіе „Плоскаго лога“. По всему пространству—площади въ 3—4 кв. версты—разбросаны черепки и различныя вещи, какъ глиняныя, такъ и металлическія. Въ населеніи Чеганды и сейчасъ живо преданіе, что когда-то здѣсь жили татары, но были вытѣснены русскими и, переселившись за Каму, основали деревню Чирюково. Много было найдено черепковъ. Крестьянами были находимы пряслица глиняныя съ гранеными краями, мѣдныя привѣски. Одна такая привѣска приобретена Сарапульскимъ музеемъ.

„Надъ амбарами“.

Мѣстность „Надъ амбарами“ граничитъ съ „Плоскимъ мѣстомъ“ и расположена на высокомъ берегу Камы (ближе къ Чегандѣ). Сѣверная ея часть до „Холоднаго, или Крутинскаго Лога“ носитъ названье „Надъ печками“. (Печками именуются) Чегандинско-Бѣльскія пещеры“.

Въ этой мѣстности можно предполагать сарматскій могильникъ, такъ какъ на это указываютъ находки: мечъ и мѣдная съ ручкой литая римская кастрюлька (котелокъ). Кастрюлька и мечъ у Филиппа Ильича Банникова въ дер. Марьевкѣ, Оскынской вол. (близъ Клепинскаго завода) Уфимской губ., Бирскаго уѣзда.

„Озеро на западяхъ“.

Озеро расположено на высокомъ мѣстѣ, между сползшими громадами земли. Крестьяне-старики говорятъ, что на этомъ озерѣ жили разбойники, и что раньше здѣсь были видны слѣды землянки. Указываютъ это озерко очень неточно, гдѣ-то по берегу Камы, около „Плоскаго мѣста“.

„ЗА МОРЯМИ“.

Верстахъ въ 3 отъ берега Камы, за мѣстностью „Надъ амбарами“ есть мѣсто подъ названьемъ „За морями“. Крестьянами были найдены черепки, пряслица и др. вещи.

„Пещера“ (по выше устья „Плоскаго лога“).

На берегу Камы, верстахъ въ 7 ниже по теченію отъ с. Чеганды есть маленькая пещерка, видимо искусственнаго происхожденія. На днѣ пещеры лежитъ слой ила въ 1 арш. толщины. Длина пещеры 1 саж., ширина 2 аршина. Изъ пещеры вытекаетъ источникъ. Входъ въ пещеру заросъ травой, что совсѣмъ скрываетъ ее отъ глазъ наблюдателя.

Пещеры Чегандинскія.

Ниже устья Бѣлой, на правомъ берегу Камы были пещеры. Свѣдѣнія о этихъ пещерахъ получены отъ стариковъ рыбаковъ. Пещеры были съ длинными корридорами. Засыпались послѣ обвала, бывшаго назадъ тому лѣтъ 20.

Пещера „Синяго мыса“

Эта пещера находилась выше оврага „Малая Чеганда“, въ обрывѣ „Синяго мыса“. Сейчасъ отъ нея сохранились только одни воспоминанія.

Древнее поселеніе около городища „подъ Клименомъ“.

На право отъ мыса, гдѣ находится городище „Подъ Клименомъ“, на мысу и прилегающей площадкѣ поля, судя по массѣ разбросанныхъ черепковъ и костей, было древнее поселеніе.

Нами найдены: 1) дно тигля;

2) 2 осколка омулетовъ;

3) а) черепки черной глины, съ примѣсью битой раковины, гладкіе съ поверхности, тщательной работы, безъ орнамента и съ ногтевымъ орнаментомъ;

б) черепки сѣрой, крѣпкой глины, съ раковинной примѣсью, съ ногтевымъ орнаментомъ;

в) желтой глины, съ раковинной примѣсью, безъ орнамента, но тонкой работы;

г) черной крѣпкой, съ раковинной примѣсью, глины, съ дырочнымъ орнаментомъ:

д) черной, съ поверхности желтоватой, съ раковинной примѣсью, глины, съ очень сложнымъ рисункомъ (дырочно-веревочный и ногтевой по краю):

4) обломокъ известковаго жернова;

5) кости животныхъ;

6) 2 колотушки голыша.

II.

РАСКОПКИ,

произведенныя Л. А. Беркутовымъ

по порученію Сарапульскаго земскаго Музея

въ 1911 году ¹⁾.

Городище „Чупиха“.

Выше Сарапула, за дачей Корековцевой, на очень высокомъ берегу Камы, на мысу лежитъ городище. Съ правой стороны идетъ крутой, неприступный берегъ Камы, съ лѣвой — крутой глубокой оврагъ, по которому бѣжитъ ключъ Чупиха. Городище того же названія обращено противъ теченія Камы (рис. 2) Площадка городища довольно большая: 50 сажень по правой сторонѣ и 37 по лѣвой. по которой проходить сохранившійся еще окружной валъ. Со стороны поля городище защищено тремя валами и двумя рвами межъ ними. Третій самый высокій, ближайшій къ площадкѣ, валъ загибается ко-
кошникомъ и съ лѣвой стороны переходитъ въ окружной, который тянется по всему краю площадки. Остальные тыловые идутъ парал-

¹⁾ Мазунинскій могильникъ, городище „Кладовая Веретей“ и Сухаревское описаны въ 3-мъ выпускѣ «Извѣстій Сарапул. зем. Музея».

относительно третьему. Расстояние между третьимъ и вторымъ 10 сажень, между вторымъ и первымъ—12 сажень.

Первый валъ размытъ: правая сторона совсѣмъ незамѣтна, въ некоторыхъ же нѣкоторыхъ мѣстахъ высота достигаетъ $\frac{1}{2}$ аршина. Второй валъ сохранился лучше, нежели первый: онъ доходитъ до $\frac{3}{4}$ аршина и даже 1-го аршина высотой. Ширина первого 3 саж., второго около $3\frac{1}{2}$ саж. Третій валъ хорошо сохранился; длиной 50 саж., высотой до 2-хъ аршинъ и шириной до 5 сажень.

Находокъ никакихъ не найдено.

Яромасное городище.

Выше села Яромаски, въ верстѣ, на высококомъ, очень узкомъ мысу, носящемъ названіе у мѣстныхъ крестьянъ „Уваль“, или „Красная Горка“, расположено городище (рис. 4).

Слѣва—глубокій оврагъ съ крутыми осыпающимися берегами, справа—отмель, намывной берегъ Камы.

Со стороны оврага и Камы городище неприступно; надо думать, что и со стороны поля оно тоже было неприступно: четыре вала окружаютъ тылъ городища. Первый валъ отстоитъ отъ второго на 15 саж., едва замѣтенъ. Второй, отдѣленный отъ третьяго узенькимъ ровомъ, около $1\frac{1}{2}$ аршинъ высоты, 8 саж. ширины. Третій высотой въ 2 $\frac{1}{2}$ аршина, шириной равенъ второму, отдѣляется отъ четвертаго, главнаго вала широкимъ и глубокимъ ровомъ.

Четвертый валъ высотой около 5 аршинъ, шириной 10 саж., длиной около 9 саж., хорошо сохранился. Ровъ передъ валомъ представляетъ особымъ спускомъ въ лѣвый оврагъ.

Городище расположено съ юга на сѣверъ.

Площадка приподнята немного къ валу. Культурный слой площадки около 4-го вала, съ лѣвой стороны, до 8 вершковъ толщиной.

- Найдены: 1) черепки черной крѣпкой глины, съ раковинной примѣсью, съ веревочнымъ орнаментомъ;
2) черепки сѣрой крѣпкой глины, съ крупной раковинной примѣсью, со сквознымъ дырочнымъ рисункомъ;

- 3) черепки черной глины, без примѣся, съ орнаментомъ;
- 4) черепки черной глины съ мелкой бѣлой (раковинной?) примѣсью, съ вдавленными и когтевыми рисункомъ. Встрѣчается орнаментъ на черепкахъ и чеканный. Судя по фрагментамъ, сосуды были отъ 2-хъ до 5 вершковъ въ диаметрѣ.
- 5) Четырехгранный костяной наконечникъ стрѣлы.
- 6) 3 колотушки-голыша.

III.

РАСКОПКИ,

произведенныя Л. А. Беркутовымъ въ 1912 году

(по порученію Сарапульскаго земснаго Музея).

с. Каракулино.

Верхне-Каракулинское городище (рис. 15), выше села Першкова, Сарапульскаго уѣзда, расположено на среднемъ изъ трехъ, находящихся здѣсь, узкихъ и весьма высокыхъ мысовъ. Съ городища открывается далекій горизонтъ. Площадь городища—60 сажень длины, при 5—7 саж. ширины, перерѣзывается валомъ въ 4 саж. ширины, едва замѣтнымъ, отстоящимъ отъ размытаго конца площадки на 15 сажень и отъ тыловаго вала на 40 сажень. Тыловой валъ размытъ, шириной 5 саж., высот. $\frac{1}{2}$ арш. Скаты городища выходятъ въ отлогія большія котловины. На лѣвомъ мысу, носящемъ названіе „Дресвянаго“, видимо, ранѣе укрѣпленномъ, находятся черепки, аналогичныя съ черепками самого городища. На правомъ мысу, именуемомъ „Марковымъ“, черепковъ встрѣчается мало, такъ какъ культурный слой на немъ смытъ.

Развѣдки дали черепки:

- 1) черной глины съ пустотами (сильно пережженные);
- 2) черной глины, съ мелкой раковинной примѣсью;
- 3) красной глины, съ поверхности черные, съ примѣсью раковины, крѣпкіе;
- 4) черной глины, снаружи желтоватой, съ раковиной. Орнаментъ веревчатый. Обработка иногда грубая, иногда тщательная.

Кромѣ черепковъ, — битые камень и галька.

Нижне-Каракулинское городище, описанное г. Спицынымъ, мною не найдено, и я только приведу его описаніе.

Нижне-Каракулинское городище находится въ самомъ селѣ ¹⁾, по рѣчкѣ, подѣ Зоновской мельницей. Расположено на выступѣ. Площадь имѣетъ въ длину до 30 саж., а въ ширину у вала до 12, очень неудобна, неровная, бугристая, кособокая.

Лѣвый скатъ оборвался, а на правомъ еще остались слѣды уступа. Культурнаго слоя и осыпей нѣтъ, такъ что только съ большимъ трудомъ намъ удалось найти два черепка, которые, однако, указываютъ на аналогію этого городища съ соседнимъ. Городище видно съ парохода, но валъ его съ рѣки неразличимъ. Открыто нами въ поѣздку 1888 г.

Каракулинская крѣпость находится на тупомъ мысѣ, гдѣ сейчасъ расположены волостное Каракулинское правленіе, школа, часовня и памятникъ Царю-Освободителю. Остаткомъ этой крѣпости нынѣ является только размытый деждемъ и пересѣченный дорогой изъ Каракулина въ Галаново, валъ, длиной до 70 аршинъ, на которомъ стоитъ столбъ съ названіемъ села. Высота вала до $\frac{3}{4}$ аршина, ширина отъ 4 до 5 сажень.

Говорятъ, что въ этой крѣпости защищались отъ Пугачева. На площади крѣпости, окруженной со всѣхъ сторонъ глубокими оврагами и крутымъ берегомъ Камы, при постройкѣ школы и часовни, находили погребенія, которыя относили къ погребеніямъ древнихъ жителей Каракулина, — христіанамъ.

Каракулинское кладбище. При общественныхъ работахъ въ Каракулинѣ, предпринятыхъ съ цѣлью устройства дороги, было раскопано около Красной часовни старинное кладбище, какъ предполагаютъ, христіанское.

Юнгинское городище.

Ниже с. Каракулина, надѣ деревней Юнгой, расположенъ грѣбень, расходящійся отрогами; на двухъ изъ нихъ, расположенныхъ

¹⁾ Надо оговорить, что Каракулино близко соприкасается съ селомъ Пермьковъ и гдѣ городище, въ Пермьковѣ, или въ Каракулинѣ, неизвѣстно.

почти перпендикулярно, находятся 2 городища (рис. 5). Первое, обращенное въ сторону рѣки, при длинѣ въ 65 саж. и ширинѣ 15—17 сажень, заграждено только однимъ валомъ, нынѣ сильно вывѣтрившимся и размытымъ. Валъ этотъ почти соприкасается съ тыловыми валами 2-го городища. Размѣръ вала: 15 саж. длины, $4\frac{1}{2}$ саж. ширины и $\frac{1}{2}$ арш. высоты.

Второе, перпендикулярное первому, городище обширнѣе и остатками сооружений его значительнѣй. Два параллельные тыловые вала заграждаютъ входъ со стороны поля. Первый валъ шириной $4\frac{1}{2}$ сажени, высотой около 1 аршина, длиной 20 сажень. Второй тыловой валъ, шир. 6 саж., высотой около 1 аршина и длин. 20 саж. На 40 сажень отъ 2-го тылового вала площадка городища пересѣкается третьимъ валомъ, едва замѣтнымъ, шир. $4\frac{1}{2}$ саж., высотой около $\frac{1}{2}$ аршина, длиной 12 саж., а отъ этого вала до носа мыса еще площадка въ 30 сажень длиной и въ 10 саж. шириной.

Среди жителей ходитъ легенда, что здѣсь жила „бѣлоглазая чудь“, которая переговаривалась съ Колесниковскимъ Пупкомъ и Закамскимъ Курганомъ (Бѣльскій Шиханъ).

Развѣдки дали:

- 1) черепки черной, снаружи желтоватой, глины съ крупной примѣсью;
- 2) кости животныхъ;
- 3) раковины *Unio*;
- 4) битую гальку.

Л е г е н д а .

„Сказывали старики, что на этой горѣ, — началъ проводникъ, крестьянинъ д. Юнги, взобравшись со мной по крутику на городище, жила чудь. Стоитъ чудь, стоитъ на горѣ, а какъ увидитъ непріятеля, сейчасъ за помощью обращается къ своимъ же чудакамъ: возьметъ стрѣлу и стрѣляетъ вонъ, на этотъ курганъ, что у Бѣлой, и вотъ дальше, тамъ и на Чегадинскія городища. Пуцали стрѣлу, и живымъ манеромъ ихніе на подмогу приходили. Да, жила чудь вотъ на какихъ высокихъ горахъ и перекопы поперекъ мысовъ понадѣлала, на одномъ мысу одинъ, а на другомъ вотъ два. Лонись здѣсь землемѣры работали, сказывали они, что, видно, укрѣпленія здѣсь были; ну а имъ, конечно, обсказаль,

что отъ дѣда слыхаль. Онъ, царствія ему небеснаго, лѣтъ тридцать пять, какъ померъ, девяносто лѣтъ ему было, а все-таки самъ не помнитъ, а только отъ стариковъ эти сказки слыхаль. Сказываль дѣдъ, что чудаки здѣсь сами себя схоронили, а эти перекопы — ихъ могилы“.

1. Колесниковское городище.

1-е Колесниковское городище расположено надъ селомъ Колесниковымъ, на ближайшемъ къ Камѣ мысу высокаго берега (рис. 14).

Длина площадки городища, сильно размытой на лѣвой сторонѣ и покатою съ носу, 40 сажень, ширина до 28 сажень. Длина вала 28 сажень, ширина 5 сажень, высота около 1—1½ арш.

Посрединѣ валь разсѣкаетъ дорожка (ворота)-

Передъ валомъ, со стороны поля идетъ неглубокій ровъ. Въ полѣ, на разстояніи 17 саж., яма, 5 саж. въ поперечникѣ. Культурнаго слоя почти нѣтъ на площадкѣ городища; есть оползни, но незначительные, на лѣвомъ и правомъ склонахъ. Нами найдены черепки черной глины, съ примѣсью раковины, съ дырочнымъ и веревочнымъ орнаментомъ, черепки сѣровой глины, желтоватой съ поверхности, съ кружковымъ и чеканнымъ рисункомъ.

Кости животныхъ: лошади, лося, свиньи.

Городище хорошо видно съ дороги. Рельефно выдѣляется валь съ его воротами посрединѣ.

Видъ съ городища нельзя назвать обширнымъ.

Выше 1-го городища по рѣчкѣ, протекающей по с. Колесникову, есть тоже надъ селомъ 2-е Колесниковское городище, но время смыло его. Попадаются находки, аналогичныя находкамъ 1-го городища.

1-е Ныргындинское городище „Ола-Нурукъ“.

Городище расположено на лѣвомъ высокомъ берегу рѣчки Ныргындинки, въ 2 верстахъ отъ деревни Ныргынды, которая, по всей вѣроятности, стояла когда-то на высокомъ берегу рѣчки Камы. Лежитъ городище очень выгодно: съ него далеко видны окрестности (рис 7).

Отрогъ, на которомъ расположено городище, тупой, обращенъ къ WSW, не широкій. Площадка городища, дл. $88\frac{1}{2}$ саж., шир. — 30 саж., довольно ровная, распахивается, окружена валомъ, который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сильно пострадалъ и едва замѣтенъ, въ тѣхъ же частяхъ, гдѣ покрытъ зарослью, онъ достигаетъ 2 аршинъ высоты.

Окружной валъ — продолженіе тылового, кокошничко-образнаго вала; послѣдній довольно внушительныхъ размѣровъ: шир. $8\frac{1}{2} + 14$ арш., дл. 35 саж., при высотѣ 5—6 арш. Длина всего вала, окружнаго и тылового—240 сажень. Впереди главнаго вала, со стороны поля, еще одинъ валъ, шир. 28 ($15 + 13$) арш., высотой до $1\frac{1}{2}$ арш.

На носу городища, за окружнымъ валомъ, двѣ террасы-площадки, расположенныя одна вправо, другая влѣво, также окружены валами, шириной по 15-ти длиной и въ 1 аршинъ высотой.

На площадкѣ городища, у главнаго тылового вала, справа, замѣтно большое углубленіе.

На носовой части городища, передъ лѣвой террасой-площадкой, замѣтны ямы и ямки.

Подъ городищемъ течетъ ключъ, носящій названіе „Ключъ-На-Камнѣ“.

Развѣдки дали:

- 1) нѣсколько обломковъ известковыхъ жернововъ, по структурѣ походящихъ на Чегандинскіе;
- 2) нѣсколько обломковъ костей медвѣдя, лошади, лося и коготь медвѣдя;
- 3) черенки черной глины съ примѣсью раковины, а также черной, желтой съ поверхности, различной толщины. Рисунки веревочный, дырочками, смѣшанный, краевой и сквозной дырочкой. Край прямой и выгнутый.

У черемисъ, жителей Нырғынды, сохранилось преданіе. „Жили на городищѣ Ола-Курукъ люди, люди богатые, и на ихъ золото находилось немало охотниковъ. Весной, когда разливались Кама и Нырғын-инка, на лодкахъ разбойники спѣшили къ Ола-Курукъ, чтобы растѣпить его. Но обитатели Ола-Курукъ были умны: они по валу еще съ зимы клали дубовыя колоды и груды камней, а весной со стороны поля ставили стрѣлковъ изъ луковъ. Лодки разбойниковъ подходили къ подножію городища и молодцы карабкались по крутизнамъ; когда они

добирались до середины, обитатели Ола-Курукъ скатывали суковатые обрубки столѣтнихъ дубовъ на толпу разбойниковъ. Со свистомъ катился обрубокъ, давя молодцовъ-разбойниковъ, а иныхъ захватывали сучья обрубка и увлекали въ бездну. Остальныхъ обитатели городища добивали камнями. Случалось, что разбойники заходили со стороны поля. Высокіе валы не давали имъ возможности сразу ворваться въ Ола-Курукъ, а стрѣлы, отравленные ядомъ, летѣли въ молодцовъ, какъ дождь“.

Какъ опустѣлъ Ола-Курукъ, среди находившихся на развѣдкахъ черемись никто не зналъ, только знали, что несмѣтныя богатства лежатъ и понынѣ въ землѣ, и много охотниковъ было ихъ взять, но богатства не давались въ руки, они заклѣты, а заклинанія никому неизвѣстны.

2-е Нырғындинское городище.

Это городище расположено въ 2-хъ верстахъ отъ деревни Нырғынды, въ полѣ, на неособенно высокомъ, длинномъ, но не широкомъ мысѣ, межъ оврагомъ, по которому струится чистый „Божій ключъ“, и высокимъ крутымъ берегомъ рѣчущки, которая у черемись носитъ названіе „Божьей рѣчки“ (рис. 8).

Площадка мыса раздѣляется на три части тремя валами.

Самый носъ городища узкій,—смытый съ боковъ, длиной 30 саж., шириной, достигающей только 5 сажень, и то у вала, отдѣляющаго его отъ средней части городища, уже болѣе широкой и такой же длинной.

Затѣмъ опять валъ высотой 2—3 аршина, длиной 10 саж. и шириной $9 + 8 = 17$ арш. За вторымъ валомъ расположена задняя площадка городища, длиной 85 саж., при 20 саж. ширины. Последняя площадка заграждена тыловымъ валомъ, длиной 21 саж., шириной $12 + 12 = 24$ арш., высотой 4— $4\frac{1}{2}$ аршина, еще сохранившимся, хотя и распахиваемымъ со стороны городища.

Культурный слой довольно значительный, особенно у средняго вала. Интересенъ первый валъ. Онъ напоминаетъ курганчикъ овальной формы; длина вала 4 саж., ширина 3 сажени, высота $\frac{1}{2}$ аршина.

Развѣдки дали:

- 1) черепки черной глины, съ обильной примѣсью раковины, довольно крѣпкіе;
- 2) сѣровой глины, съ примѣсью раковины;
- 3) черной глины, снаружи желтоватой или красноватой;
- 4) красной глины, съ крупной битой раковиной, очень крѣпкіе;
- 5) черной глины съ незначительной примѣсью, крѣпкіе;
- 6) кости животныхъ: лошади и лося;
- 7) омулетъ-каравашикъ, въ $4\frac{1}{2}$ сантиметра діаметромъ;
- 8) обломокъ задѣлки костяной стрѣлы;
- 9) обломокъ глинянаго пряслица;
- 10) раковины *Unio*.

3-е Ныргындинское городище.

Городище расположено на раздваивающемся мысѣ въ „Глубокомъ оврагѣ“, въ двухъ верстахъ отъ деревни Ныргынды и въ верстѣ отъ 1-го Ныргындинскаго городища „Ола-Курукъ“. (Рис. 11).

Поверхность мыса неровная, приподнятая къ лѣвой сторонѣ. Правый отрогъ мыса огражденъ валомъ, онъ длиннѣе лѣваго высокаго. Рядомъ съ 3-мъ Ныргындинскимъ городищемъ есть мысъ, носящій названіе: „Островокъ“; на немъ и на 3-мъ Ныргындинскомъ городищѣ находятся вещи, аналогичныя между собой. Культурный слой на главной площадкѣ (межъ валовъ) незначительный и уступаетъ правому отрогу и „Островку“.

Главная площадка 3-го городища и „Островокъ“ распахиваются какъ и главный валъ (со стороны площадки). Правый отрогъ, склоны „Островка“ и городища и второй валъ поросли кустарникомъ.

Главная площадка, при длинѣ въ 48 саж., достигаетъ ширины отъ 15 до 19 саж. Площадка праваго отрога, при длинѣ 30 саж., шириной 7—9 саж.

Главный валъ кокошникомъ: дл. 15 с., ширина $9 + 13 = 22$ арш., высота $3 - 3\frac{1}{4}$ арш.

Второй валъ круто загибается и идетъ по лѣвому берегу праваго отрога.

На 3-мъ Ныргындинскомъ городищѣ и „Островкѣ“ найдены:

- 1) черепки грубой работы, безъ орнамента, изъ желтой, безъ примѣси, плохо обожженной глины;

- 2) черепки черной, съ поверхности желтоватой, съ примѣсью битой раковины, съ дырочнымъ орнаментомъ.

4-е Нырғындинское городище.

Находится городище въ $\frac{1}{2}$ верстѣ отъ деревни Нырғынды, близъ дороги въ деревню Ключи, на мысу террасы, на которой расположена и деревня. Мысъ не высокъ, но берега его круты (рис. 10).

Видъ съ него нельзя назвать обширнымъ. Съ него только и видно хорошо долину Студенаго ключа и дюны. Видъ на Каму заграждаетъ лѣсъ. Ниже, по теченію Студенаго ключа, у самой деревни расположенъ Нырғындинскій могильникъ.

Городище невелико. Площадка, длиною сажень 35 и шириной до 25 сажень, заграждена со стороны поля валомъ, отъ котораго нынѣ остались только одни жалкіе остатки. Ширина вала до 5 сажень. высота достигаетъ 2-хъ четвертей и даже въ одномъ мѣстѣ 3-хъ четвертей.

Развѣдки дали:

- 1) черепки черной глины, снаружи желтоватой, съ мелкой примѣсью раковины.

Орнаментъ веревчатый или смѣшанный: веревчато-дырочный. Толщина черепковъ различная.

- 2) Жерновъ-терку изъ известняка.

Среди черемисъ существуетъ сказанье, что у людей, здѣсь жившихъ, давнымъ-давно стоялъ золотой богъ, пустой внутри. Въ немъ горѣлъ неугасаемый огонь; ему бросали жертвы.

Когда на этихъ людей пришли другіе люди, то старожилы бѣжали съ городища, захвативъ съ собой и золотого бога, котораго нести было тяжело: было въ немъ 12 пудовъ вѣсу. Они вырыли яму въ Крутинскомъ логу и закопали въ немъ свое сокровище съ заклятіями, а богъ, олицетвореніемъ котораго былъ идолъ, и посейчасъ оберегаетъ свое изображеніе и, обращаясь въ волка, пугаетъ кладонскателей и другихъ людей, забредшихъ въ сумрачный оврагъ, думая, что и послѣдніе зарятся на его золотое изображеніе.

Русскіе говорятъ, что этотъ чудской богъ въ 30 пуд. вѣсомъ,

на половину золотой, на половину серебряный, закопанъ въ чеган-инскихъ поляхъ, на берегу рѣчки Ямаши.

Ныргындинскія керемети и легенды.

Тихо шли мы по извиистой дорожкѣ, по краю оврага, по дну котораго змѣйкой извивался „Студеный Ключъ“. Намъ то и дѣло приходилось огибать начинающіеся овражки, увеличивающіеся съ каждымъ годомъ. Вотъ передъ нами лѣсокъ—это кереметь (мѣсто моленья черемисъ). Правильнымъ кругомъ обведена около главныхъ деревьевъ канавка, деревьевъ, въ которыхъ обитаютъ боги-духъ, просящіе жертвъ.

Три липы одинаковой толщины тѣсно, словно сестры, жались другъ къ другу, и какъ будто боялись кружащихся духовъ, которымъ жрецы приносили въ жертву птицъ; точно боялись того, что происходило давно темными ночами, когда выходили боги изъ своихъ жилищъ.

Помнили старыя липы, сколько здѣсь птицъ содрогалось въ предсмертныхъ судорогахъ. Вонъ на кострищѣ посейчасъ бѣлѣются остатки тонкихъ костей.

Вотъ священный кругъ. Въ немъ осталось нѣсколько дубовыхъ остроконечныхъ дощечекъ. Раньше кругъ былъ сплошь обнесень ими. Дубовыя дощечки напоминали сказочный тынъ бабы-яги, на который она сажала головы молодцовъ. Это новый кереметь, а вонъ, дальше, на берегу оврага другой, старый. Проводникъ-черемисинъ, уже крещенный, съ какимъ-то не то страхомъ, не то сожалѣніемъ рассказываетъ про этотъ старый кереметь легенду.

Давнымъ давно былъ великій чародѣй, былъ онъ жрецомъ славныхъ храбрыхъ черемисъ, онъ самъ посадилъ дерево, самъ выростилъ дубъ, и съ тѣхъ поръ тутъ собирались храбрые черемисы и приносили своему богу, злomu, неумолимому Сезу, свои жертвы. Они приносили въ жертву жеребятъ, барановъ и утокъ и этими жертвами умилостивляли страшнаго Сеза. Грозный духъ Сеза живетъ въ деревѣ.

Мы ближе и ближе подходили къ старому керемету. Высокій, въ три обхвата дубъ, стоитъ на мысу; стоитъ онъ, но уже мертвый и простираетъ свои толстыя сучья во всѣ стороны, какъ бы прося о

помощи, а вокруг него толпятся пихты и ели. Онъ какъ бы хотятъ протянуть свои вѣтки и помочь великану-дубу, но ихъ усилія напрасны: ихъ верхушки едва достигаютъ его середины, а тонкія вѣтви не могутъ поддержать старика. Ближе и ближе подходимъ мы и ясно видимъ, что верхушка гиганта-дуба была разбита молніей.

Лѣтъ двадцать пять—тридцать тому назадъ разбilo дубъ молніей, и онъ началъ сохнуть. Съ тѣхъ поръ меньше стало ходить народу, а потомъ и совсѣмъ перестали поклоняться ему. Много перешло въ христіанство. Священники пріѣзжали и утверждали, что молніей Илья пророкъ убилъ Сеза. Тогда и я перешелъ въ христіанство. Какъ-то жалко теперь смотрѣть на нашихъ людей: плохо стали соблюдать законы старины. Стоитъ великанъ-дубъ, окруженный новымъ поколѣніемъ лѣса. Старый, много повидавшій въ теченіе столѣтій и не менѣе того слышавшій отъ старыхъ сосенъ. Сначала, когда онъ былъ молодъ, ему мѣшали видѣть далеко за Каму, на Бѣлую, окружающія его сосны и ели, но онѣ дѣлились съ нимъ впечатлѣніями, ими полученными. Много слышалъ дубъ отъ старой сосны, росшей на сосѣднемъ мыскѣ, но вотъ, скоро двѣсти лѣтъ, какъ сломило старую сосну бурей, и она, падая, задавила немало молодыхъ деревьевъ.

Подросъ дубъ и самъ сталъ рассказывать окружающимъ то, что видѣлъ, а видѣлъ онъ даже больше сосны. Мало-по-малу лѣсъ рѣдѣлъ, и онъ теперь рельефно выдѣлялся на голубомъ небѣ. Сколько перевидалъ онъ жертвоприношеній. Когда-то безпрестанно, по цѣлымъ недѣлямъ, горѣлъ жертвенный костеръ, пожирая остатки животныхъ.

Эти длительныя жертвоприношенія совершались обычно въ годы нашествій непріятеля, въ годы голода и мора.

Пятнадцать лѣтъ тому назадъ я крестился и съ тѣхъ поръ не бывалъ на здѣшнихъ моленьяхъ. Лѣтъ двадцать пять—тридцать, какъ засохъ дубъ, и лѣтъ двадцать, какъ здѣсь уже не молятся. Молятся вонъ тамъ. Дубъ забыли, забросили и не одинъ только дубъ: съ нимъ забываютъ и того, кто живетъ въ его душѣ. Нѣтъ, дубъ не умеръ, онъ еще живъ: развѣ онъ не стоитъ и не смотритъ, что дѣлается тамъ, за Камой, на Бѣлой, на горѣ, на новомъ кереметѣ. Смотритъ онъ и на черемисское кладбище подъ вязами и передаетъ, что видитъ своимъ друзьямъ елямъ, тоже доживающимъ уже свой вѣкъ. Передаетъ онъ, что кладбище такъ же, какъ и раньше, пополнилось за годъ только однимъ покойникомъ. Одна свѣжая могилка, и на ней

холоденькія осинки и березки, но не суждено имъ жить: жара засушила ихъ, онѣ погибають, и ничего отъ нихъ не останется, — придутъ кристіане и сломятъ ихъ. Старый вязъ на могилѣ внука жреца сломенъ бурей, и половина его уже разнесена на костры.

На новомъ кереметѣ только разъ въ годъ пылалъ жертвенный огонь, и было тамъ всего 20 человѣкъ.

Старый дубъ передалъ это убитымъ голосомъ, и съ его разбитой верхушки упала слеза: это червякъ пробуравилъ дырочку, и изъ душла побѣжала скопившаяся тамъ вода.

Плакалъ дубъ, плакали ели, плакало небо: облака рассыпались мелкими слезинками осенняго дождя; на сосѣднемъ мысѣ плакали три сестры липы и одѣвали трауръ: ихъ желтые листья спадали и закрывали кострище. Липы хотѣли, чтобы никто не видѣлъ, что новыхъ костей не прибавлялось здѣсь вотъ уже цѣлыхъ пять лѣтъ. Видѣли липы, какъ плакалъ великанъ-дубъ и перешептывались между собой: „умирающее божество“.

Дубъ слышалъ этотъ шопотъ и повторялъ какъ бы про себя: „Умирающее божество. Умирающее божество“

— „Юмшо юмо“, — сказалъ проводникъ.

— „Умирающее божество“ — повторилъ я, и мы тронулись дальше.

По дорогѣ изъ Нырғынды на дальнѣйшія городища, ямщикъ Яковъ рассказалъ мнѣ слѣдующее.

Старому дубу видна и роца, гдѣ ежегодно Куго-Юмо приносилось четыре двухгодовалыхъ жеребчика и четыре барана и его сторожу, охраняющему великую роцу отъ входа въ нее нечестивыхъ, четыре пѣтуха.

Видна и роца Юмонъ-Ергижланъ, любимаго сына великаго бога Куго-Юмо. Здѣсь приносился въ жертву бычекъ и привратнику пѣтухъ.

Въ каждой роцѣ свой привратникъ, свой Капка-Ороль. Виденъ былъ дубу и кереметь злого бога Сеза. Сезу раньше, пока онъ не переселился на свое новое жилище между тремя старыми дубами, на горѣ, неподалеку отъ Вѣдьмина Ключа, приносили въ жертву четырехъ двухгодовалыхъ жеребятъ, четырехъ бычковъ и его вѣрному слугѣ Капка-Ороль—четыре пѣтуховъ. Злому сыну Сеза приносятъ

въ жертву телятъ, утокъ, а его Капка-Ороль—пѣтуховъ, но уже не цѣлымъ обществомъ, а только отдѣльными лица.

Вонъ, тамъ на горѣ, около керемета Сеза маленькій лѣсокъ. Это кереметь Куэтюна, посредника между злымъ Сезомъ и его сыномъ и великимъ богомъ Куго-Юмо и его сыномъ Юмонъ-Ергижланомъ. Куэтюнь вселяется въ основаніе ствола живой березы и потому его и зовутъ Куэтюнь, что значитъ березовый пенъ. Ему приносятъ въ жертву бычка, его привратнику и его сыну Куэ-Ергижлану только по утѣ.

Старый дубъ былъ посаженъ однимъ великимъ жрецомъ, и ему поклоняются только потомки этого великаго жреца. Давно умеръ старый жрецъ, и давно упалъ вязъ, посаженный на его могилу его внуками, и только одинъ вязъ остался на могилѣ одного изъ его внуковъ. Еще недавно упалъ и растащенъ крестьянами на костры вязъ, стоявшій на могилѣ старшаго внука жреца.

Опустѣло кладбище. Много стояло здѣсь вязовъ, но осталось не больше десятка, и одинъ изъ нихъ самый толстый, есть надгробный памятникъ внуку великаго жреца Сеза, посадившаго дубъ.

Носятся преданія, что великій жрецъ Сеза и его сына былъ сыномъ великаго человѣка,—полководца храбрыхъ черемисъ, присоединившихся къ войску Ивана Грознаго при покореніи Казани.

Великими почестями осыпалъ Иванъ Грозный Царь своего помощника, и тотъ съ подарками поднялся по Камѣ въ свои владѣнья, женился на красивой княжнѣ, прекрасной, какъ богъ, и злой, какъ Сезъ. Она стала ненавидѣть своихъ пасынковъ и все жаловалась полководцу, носившему прозвище Арслана. Сердился Арсланъ на своихъ сыновей и всячески истязалъ ихъ въ угоду красавицѣ женѣ. Терпѣли, терпѣли сыновья, но выше силъ становились истязанья, и они покинули домъ ихъ отца,—убѣжали вверхъ по Камѣ и основали Нырғынду.

Здѣсь они соорудили жертвенникъ Великому богу, или, какъ его называютъ, Древнему богу и Сезу, и принесли имъ жертвы. Съ той поры приносились жертвы этимъ двумъ богамъ. Одинъ изъ сыновей Арслана посадилъ дубъ и молился здѣсь Сезу. Давно это было, только помнится, что братьевъ было четыре. Всѣхъ дольше прожилъ средній, второй, и отъ него много было потомства,

Потомство это носило название потомков Арслана, а нынѣ носятъ фамилію Еруслановыхъ.

Жили потомки Арслана, и къ нимъ просоединились другіе черемисы. Послѣдніе видѣли, что Сезъ и Великій богъ покровительствуютъ имъ, и они прославляли ихъ. Приходили и еще многіе люди и присоединились.

Но послѣднее время оскудѣваетъ вѣра: больше половины идутъ къ христіанству, меньше стаеетъ искреннихъ поклонниковъ и древняго культа, и Сеза, и Кузтюна, меньше молящихся и меньше средствъ. Раньше приносили по четыре животныхъ за разъ, а нынѣ только по одному, да и то, смотри, скоро забросать, какъ забросили кереметь у трехъ липъ и дубъ.

Ключевскія городища.

Находятся эти городища близъ дер. Ключи. Оба городища раздѣлены очень глубокимъ и сухимъ оврагомъ, съ весьма крутыми откосами. По дну оврага бѣжитъ быстрый ручеекъ „Гремячій Ключъ“; со стороны праваго городища въ него входитъ нѣсколько овражковъ.

Главное 1-е городище (рис. 1) шириной 67 сажень и длинной берегу оврага 100 сажень. Валъ, длиною 73 саж., шир. 10—12=22 ар., въ высотѣ отъ 4—6 аршинъ, загибается въ сторону меньшаго оврага, что внизъ по Камѣ. Площадь городища распаивается и сильно размывается, особенно носовая часть, гдѣ образовались четыре ложко-овражка съ направлениемъ въ сторону Камы, и два въ оврагъ.

За главнымъ валомъ сейчасъ еще замѣтенъ другой валъ, сильно распаиванный, шириной около 10 сажень и сажень 75 длиною.

Ровъ по завалу еще хорошо сохранился, хотя къ оврагу размытъ: здѣсь образовался овражекъ. Культурный слой довольно значителенъ, главнымъ образомъ, около вала, который уже начинаетъ уступать сохѣ.

Развѣдки дали:

- 1) черепки крѣпкой черной глины, съ примѣсью раковины, довольно толстые, съ дырочнымъ орнаментомъ, прямымъ краемъ и круглымъ дномъ;
- 2) черной, сверху желтоватой, съ примѣсью глины; со сквоз-

нымъ дырочнымъ орнаментомъ и отогнутымъ краемъ; дырочнымъ и веревчатымъ орнаментомъ и краемъ съ заваломъ и ногтевымъ орнаментомъ;

- 3) красной крѣпкой, хорошо обожженной, съ крупнобитой примѣсью раковины, безъ орнамента;
- 4) обломокъ костяного наконечника копья;
- 5) обломки известковыхъ жернововъ;
- 6) осколокъ кремневого ножа;
- 7) обломки обожженной глины;
- 8) глиняное изображеніе (овальной формы глиняный обожженный камешокъ и на немъ ногтевой рисунокъ чловѣка).

II-е Ключевское (рис. 9) или, какъ именуетъ Спицынъ, Зевское городище находится выше перваго (по теченію Камы), на другой сторонѣ оврага и едва замѣтно, по причинѣ своей малой величины и почти распаханному валу. Занимаетъ площадку, мысъ межъ берегомъ Камы и берегомъ оврага, длиной 27 саж., шириной до 3 саж. Валъ длиной 20 саж., шир. 16 арш., высотой $\frac{3}{4}$ арш.

Среди городища возвышенье, отстоящее отъ вала на 10 арш. Культурный слой весь смытъ.

IV.

РАСКОПКИ,

произведенныя Л. А. Беркутовымъ

по порученію Сарапульскаго Земскаго Музея

въ 1913 году.

Нечкинское городище.

Нечкинское городище расположено надъ самымъ селомъ Нечкинымъ, на высокомъ, поросшемъ лѣсомъ, мысѣ, носящемъ названіе „Красной Горки“*). (Рис. 17).

Городище выходитъ не на Каму, на которой нѣтъ удобныхъ острыхъ мысовъ, а въ долину рѣчущки Коноваловки (Коновалки). Съ городища отлично видно все село, „Нечкинскій Пупокъ“, на которомъ, видимо, раньше былъ наблюдательный пунктъ, и на большомъ протяженіи берегъ внизъ по Камѣ. Воспользуюсь описаніемъ А. А. Спицына.

„Площадка городища имѣетъ видъ правильнаго треугольника (саж. 60 каждая сторона), идетъ нѣсколько понижаясь. Самое любопытное въ устройствѣ Нечкинскаго городища—его рвы и валы. Система укрѣпленій въ общемъ напоминаетъ укрѣпленія Воткинскаго городища, но здѣсь при трехъ рвахъ не два, а три вала. Пробираясь на городище, вы пересѣкаете прежде всего небольшой ровъ, затѣмъ такой же валъ, послѣ того глубокій ровъ и высокій валъ, наконецъ еще ровъ и валъ, окаймляющій площадь городища. Всѣ

*) На Оминой недѣлѣ здѣсь бывають играща.

валы и рвы дугообразны, но кривизна ихъ слабая. Чрезвычайно оригинально въ этомъ укрѣпленіи то, что два рва спускаются въ лѣвый оврагъ, почти до самаго его дна и образуютъ тамъ высокій валъ. По другую сторону, на берегу рѣчки, валы не выходятъ, но 2 и 3-й рвы спускаются общимъ ложемъ еще на 20 саж. внизъ. Длина третьяго рва вверху 40, а съ обоими продолженіями въ овраги 90 саж. Два первые вала со стороны рѣчки поднимаются едва замѣтно; послѣдній валъ спускается на площадку также почти непримѣтно. Поперечная ширина укрѣпленій не менѣе 18 сажень. Валы, рвы и площадь покрыты густымъ лѣсомъ. По сторонѣ оврага идетъ тропинка, спускающаяся къ рѣчкѣ“.

Культурный слой на площадкѣ незначительный.

Оползни культурнаго слоя на лѣвой сторонѣ ниже площадки, толщиною въ 6 верш., дали нѣсколько черепковъ и другихъ находокъ.

- Найдены: 1) черепки желтоватой глины, съ раковинной примѣсью, грубой работы, съ краевымъ орнаментомъ;
2) черепки черной глины, съ примѣсью мелко-толченой раковины, безъ орнамента;
3) колотушка-голышъ;
4) кости животныхъ;
5) битая галька.

Среди крестьянъ ходятъ слухи, что обитали здѣсь чудки, а еще эти чудки жили на „Нечкинскомъ Пупкѣ“, что въ 1 верстѣ отъ с. Нечкина по дорогѣ въ Гольяны, и на Усть-Нечкинскомъ городищѣ.

У всѣхъ этихъ чудковъ былъ только одинъ топоръ, и ежели кому онъ понадобится, то они перебрасывали этотъ топоръ то съ Усть-Нечкинскаго городища на Нечкинской Пупокъ, то съ Нечкинскаго на Усть-Нечкинское. „Надо ежели чудку топоръ,—гаркнетъ онъ, ему бросать. Сильны были чудки. Слыхалъ я отъ бабушки, что и соха была одна у нихъ всѣхъ, такъ тоже бросались“. Разсказывалъ мнѣ мой проводникъ кр. Проскураковъ.

Усть-Нечкинское городище.

Усть-Нечкинское городище было впервые описано Алабинымъ въ Вятскихъ Вѣдомостяхъ 1859 г. (30).

Подробное описание было составлено Спицыным*).

Приведу его описание. (Рис. 20).

Усть-Нечкинское городище находится верстах 3-х отъ Нечкина у д. Усть-Нечкина (иначе Поползуха). Городище это по внешнему виду своеобразно не менѣе предыдущаго**). На Каму выходитъ высокій и удлинненный холмъ, ставшій перпендикулярно къ Каму, съ двумя скатами по бокамъ; вершина этого холма разбита на два городища, расположенныя другъ къ другу тыломъ: одно обращено къ Каму, другое въ противоположную сторону, въ поле. Длина у обоихъ городищъ общій, 18 сажень ширины, очень неглубоко въ издали, благодаря валамъ, оны представляются совершенно непрерывнымъ зубцомъ перехватывающимъ возвышенную площадку холма поперекъ. Оба городища укрѣплены обращенными въ противоположныя стороны двумя валами; одинъ валъ длиною 20, другой 22 саж.; оба вала невысоки.

Часть площадки ближайшаго къ рѣчкѣ городища оборвалась отъ действия выбѣгающихъ изъ-подъ него родничковъ, и теперь она въ длину имѣетъ не болѣе 22 саж., площадь другого сохранилась, и если ее можно считать до 40 саж.

Площадь городища сплошь покрыта галькой и не имѣетъ культурнаго слоя, который если и былъ, то не могъ удержаться и развалился совершенно.

Растительность на ней ничтожная. Оползни обнаружены на значительномъ протяженіи по лѣвой сторонѣ холма, но слой ихъ, доходившій иногда до $\frac{3}{4}$ арш. въ толщину, малосодержателенъ. Здѣсь найденны въ небольшомъ количествѣ расколотыя кости животныхъ (лося, барана, лося, свиньи, птицы и др.), черепки, битая галька, обломки крупныхъ жернововъ изъ краснаго песчаника съ сглаженными поверхностями, песчаниковыя плитки со слѣдами употребленія.

Черепки съ Усть-Нечкинскаго городища всѣ слѣплены изъ черной сѣрѣющей на поверхности, глины, довольно крѣпкой и толсты (обыкновенно толщина 0,7 сант., болѣе тонкіе встрѣчаются рѣдко), всѣ имѣютъ раковинную примѣсь. Форма сосудовъ обычная; самыя большіе изъ нихъ имѣютъ до $4\frac{1}{2}$ в. въ диаметръ горла, а самыя

*) Матеріалы по Археологіи Восточныхъ губерній. Вып. 1.

***) Нечкинскаго.

меньше—до $2\frac{3}{4}$ вершка. Развалъ сосудовъ довольно широкій, края ихъ прямы, но чаще выдаются наружу. Большіе сосуды снабжены для украшенія рѣдко разставленными (на разстояніи дюйма) кружками, а малые украшены веревчатымъ орнаментомъ по одной или двумъ парамъ въ линію; ногтевое украшеніе не встрѣчено. Найдены обломки небольшого тигля съ круглымъ дномъ, толстыми стѣнками и слѣдами плавки въ немъ мѣди, а также остатки глиняныхъ формъ для литья.

Мѣстность городища очень возвышенная, и видъ съ него весьма далекій: далеко видна вся зарѣчная сторона и правый крутой берегъ Камы, Нечкино, его „пупокъ“ и городище.

Но само Усть-Нечкинское городище ясно видно съ еще болѣе далекаго разстоянія.

Въ 1909 году городище посѣтили П. П. Беркутовъ, Л. А. Беркутовъ. Ими были найдены:

- 1) формочка для литья, глиняная,
- 2) обломокъ отъ глиняной фигурки—человѣка,
- 3) обломокъ песчаника краснаго жернова,
- 4) оселокъ,
- 5) черепки съ дырчатымъ орнаментомъ черной, сѣровой съ поверхности, глины, съ примѣсью раковины,
- 6) черепки съ веревочнымъ орнаментомъ, такой же глины
- 7) и черепки съ зигзагообразнымъ веревочнымъ орнаментомъ, довольно сложнымъ.

Ими же были найдена осыпь на правой сторонѣ городища.

Въ 1913 году по порученію Сарапульскаго земскаго музея были произведены раскопки.

Усть-Нечкинское городище находится на вершинѣ высокаго, омываемаго съ восточной стороны Камой, холма. Холмъ расположенъ съ З. Ю. З. на В. С. В.

Площадка, занимаемая городищемъ, вѣрнѣе сказать, двумя, обращенными другъ къ другу, городищами, длиною 95 сажень, шириною до 40 сажень.

Восточное городище занимаетъ довольно ровную площадку въ 27 сажень по оси холма и 35 саж. въ поперечникѣ. Восточное городище защищено съ сѣвера невысокимъ и неширокимъ, идущимъ по краю площадки, валомъ, который понижается къ западу и переходитъ въ тыловую.

Тыловой валъ ясно замѣтенъ только на протяженіи 22 сажень, около $1\frac{1}{4}$, шириной же $5+4=9$ сажень. На этомъ городище произведены развѣдки. На южномъ склонѣ былъ найденъ шурфъ, который и былъ весь раскопанъ.

Результаты же ямы съ сѣверной стороны дали сначала неблагоприятные результаты, ибо шурфъ пришелся, какъ это оказалось послѣ, на значительномъ для глаза валу и уперся въ накидную материковую землю, которая была принята за материкъ.

Тогда перешли на южный склонъ, гдѣ толща оползня доходила до 15 вершковъ.

Раскопки велись траншеей шириной въ $(3 \times 2\frac{1}{2}$ ар.) $7\frac{1}{2}$ арш. восточнѣе восточнаго къ западу, по краю городища. Когда длина траншеи достигла до $(7 \times 2\frac{1}{2})=17\frac{1}{2}$ арш., культурный слой сталъ уменьшаться и въ сѣверной части раскопокъ достигалъ только 3—4 вершковъ.

Тогда дополнили въ ширину траншею на $2\frac{1}{2}$ арш. къ югу, а въ длину еще спустились на $(2 \times 2\frac{1}{2})$ 5 аршинъ.

Подвигаясь съ востока на западъ, замѣтили, что слой утолщается и держитъ массу смытой съ площадки городища гальки. Особенно замѣтно было это ближе къ тыловому валу. Тогда раскопки стали вращаться не съ В. на З., а съ С. на Ю., при чемъ для раскопокъ были привлечены женщины и дѣти. Женщины копали и выбирали землю въ гору, она ложилась довольно тонкимъ слоемъ, и женщины выбирали попадающіяся вещи. Мужчины были переведены на сѣверный склонъ, гдѣ былъ углубленъ шурфъ, сдѣланный раньше. Длина шурфа была около 2 аршинъ, при чемъ въ толщѣ насчитывалось до девяти слоевъ, тогда какъ на южномъ склонѣ—только одинъ, а именно три: 1) намывная съ галькой сѣрватая пахоть, 2) зольная, 3) песокъ съ золой, углемъ и примѣсью камней—и все это лежитъ на песчаникѣ.

Слой въ упомянутомъ шурфѣ идетъ въ такомъ порядкѣ: 1) черная пахоть 4 вершка, 2) толстый слой чернозема съ глиной, 3) наносный слой, 4) зольный прослоекъ, 5) крѣпкая обожженная земля, трудно поддающаяся лопатѣ, 6) черный прослоекъ угля и кости, 7) плотная пахоть, 8) опять угли, комки, кости и мѣстами зола, 9) смѣшанный слой и, наконецъ, плотный грунтъ.

Раскопки, произведенныя здѣсь, дали поводъ думать, что валъ охватываетъ всю сѣверную сторону восточнаго городища и переходилъ въ

тыловой, но земля съ площадки городища сползла и заполнила пространство, около вала и сравнялась съ послѣднимъ, слѣдовательно длина всего вала не 22 сажени, а 60 сажень.

Траншея на сѣверномъ склонѣ городища шла съ юга на сѣверъ, шир. $(2\frac{1}{2})$ и длиной $(9 \times 2\frac{1}{2})$ $22\frac{1}{2}$ арш.

Несмотря на незначительное пространство, раскопки были богаче, чѣмъ на всемъ южномъ склонѣ, хотя тамъ было сдѣлано 154 квадрата $(2\frac{1}{2} \times 2\frac{1}{2})$. Богаче всего находками были болѣе глубокия прослойки и прослойки угля, камней и кости. Изъ болѣе интересныхъ вещей здѣсь были найдены цѣлое изображеніе человѣка, удочка костяная съ орнаментомъ, коточикъ съ орнаментомъ, два горшечка діаметромъ горла въ 3 сант. и 5 сант. и др.

Западное городище ограждено отъ восточнаго съ тылу валомъ, въ 30 сажень длины, болѣе рельефно выдѣляющимся только на протяженіи 20 сажень; ширина вала $4+5=9$ сажень, высота около 1 арш. По завалу идетъ на сѣверъ отрогъ, площадка котораго довольно ровная, длиной въ 15 саж. и сажень до 10 шириной.

Площадка западнаго городища длиной 38 сажень, шириной отъ 5 (на носу) до 40 сажень, считая съ площадкой мыса.

Между валами городища 15 сажень. Здѣсь 2 рва, которыя размыты въ одинъ общій. Этотъ ровъ издали походить на сѣдлообразное углубленіе.

При раскопкахъ Усть-Нечкинскаго восточнаго городища найдены:

- 1) костяной (изъ рога) предметъ, неизвѣстнаго назначенія;
- 2) костяной ножичекъ;
- 3) часть ребра съ 2 дырочками;
- 4) костячка съ дырочкой (обломокъ);
- 5) костяная трубочка;
- 6—10) костяные коточки длинные и узкіе;
- 11) коточикъ короткій, широкій, толстый, съ дырочкой и орнаментомъ;
- 12) обломокъ костяного плоскаго шила (конецъ);
- 13—18) коточки короткіе, тонкіе, съ дырочками и безъ дырочекъ;
- 19) застежка изъ рыбьей кости;
- 20) обломокъ застежки;
- 21) застежка изъ позвонка;

- 22) обломок застежки;
- 23) обломок орудія (неизвестно);
- 24) лопаточка съ дырочкой и орнаментомъ;
- 25) бабка съ просверленной головкой;
- 26) зубъ животнаго (только коронка) со слѣдами отдѣлки;
- 27) нижняя часть бабки съ 3 дырочками;
- 28) рыба кочка, кружокъ;
- 29) ребро съ признаками употребленія;
- 30—37) ножички изъ реберъ;
- 38—52) шилья изъ скакательныхъ суставовъ;
- 53) орудіе изъ шейнаго позвонка;
- 54—55) шилья изъ рыбьей кости;
- 56) шило изъ жички осетра;
- 57—58) головки отъ шильевъ, обломки;
- 59) шило плоское;
- 60—66) круглыя шилья;
- 67—68) обломки плоскихъ шильевъ;
- 69—72) вязальныя иглы;
- 73) обломокъ заточеной рыбьей кости;
- 74) обломокъ заточенаго рыбаго ребра;
- 75—83) лопаточки костяныя (стамезки);
- 84) плоскій наконечникъ копья съ 2 дырочками;
- 85) круглый наконечникъ копья, обломокъ;
- 86—88) наконечники 4-гранныхъ костяныхъ стрѣлъ;
- 89—91) задѣлки наконечниковъ;
- 92—93) маленькіе наконечники стрѣлъ, закругленный и 4-гран.;
- 94) задѣлка наконечника копья;
- 95—98) бабки медвѣдя съ дырочками;
- 99) бабка (фаланга) птицы съ дырочкой;
- 100—110) косточки поля птицы, съ дырочками для носенія;
- 111—120) челюсти куницы, съ дырочками для носенія;
- 121) костяная удочка съ орнаментомъ, (сломанъ крючокъ),
- 122—124) обломки костяныхъ удочекъ;
- 125—126) удочки костяныя;
- 127) косточка, имѣющая форму клыка медвѣдя, съ дырочкой;
- 128) костяная подвѣска съ веревочной рѣзбой;

- 129) 3-гранный бронзовый наконечник стрѣлы;
- 130) бронзовая подвѣска маленькая;
- 131—132) глиняныя изображенія людей (божки);
- 133—134) обломки изображеній людей;
- 135—136) костяныя конусообразныя изображенія, очень грубыя.
- 137—138) такія же изображенія изъ гальки;
- 139—140) глиняныя пряслица съ орнаментомъ, плоское и каравашикомъ;
- 141—144) пряслица глиняныя;
- 145) пряслице изъ черепка;
- 146) напрядло большое съ тамгой;
- 147) брусокъ большой;
- 148) брусокъ маленькій;
- 149) жерновъ (терка);
- 150) терка для жернова;
- 151) обломокъ колотушки;
- 152—155) глиняныя горшечки маленькіе;
- 156—159) тигли плавильныя;
- 160) черепки сосудовъ различной величины: отъ $\frac{3}{4}$ вершка до 6 вершковъ въ діаметрѣ зѣва.

Всѣ сосуды съ круглымъ дномъ.

Орнаментъ у большихъ сосудовъ преобладаетъ дырочный, только немногія украшены веревочнымъ, а одинъ толсто-веревочнымъ.

Орнаментъ средней величины сосудовъ смѣшанный, веревочно-дырочный и просто-дырочный.

Орнаментъ мелкихъ сосудовъ больше веревочный и веревочно-дырочный; есть мелкіе сосуды грубой работы и безъ орнамента.

Матеріалъ для сосудовъ почти все одинъ: черная глина съ примѣсью раковины, мало сѣвовой и еще меньше желтовато-красноватой.

Выдѣлка сосудовъ разнообразна: есть сосуды очень тонкой работы съ изящнымъ рисункомъ и глянецъ на поверхности или только съ вычурнымъ рисункомъ, въ видѣ квадратиковъ, сѣтки, спираловидныхъ веревочекъ, а есть и очень грубой ручной работы.

Толщина черепковъ различна: отъ сантиметра до 0,2 сантим.

Выгибъ края различенъ: отъ прямого до сильно выходящаго наружу.

- 161) кости слѣд. животныхъ: лося, лошади, быка, свиньи, кабана, бобра, куницы, волка и медвѣдя;
- 162) раковины *Unio*;
- 163) голыши камня;
- 164) оселки (окаменѣлое дерево).

Юшновское городище.

Въ 1-й верстѣ отъ дер. Юшковой, на высокомъ мысу, выходящемъ къ р. Сарапулкѣ, издавна обращалъ на себя вниманіе небольшой кургановидный холмъ, принимаемый нѣкоторыми за курганъ. На него нѣсколько разъ предпринимались сарапульскими любителями старины экскурсіи или съ цѣлью изученія, или ради любопытства. Осенью въ 1908 г. преподаватель Сарапульскаго реальнаго училища П. П. Беркутовъ съ реалистами посѣтилъ холмъ и собралъ около него слѣдующія находки: 3 глиняныхъ изображенія людей и довольно порядочную коллекцію черепковъ.

Кромѣ этихъ находокъ у П. П. Беркутова были болѣе раннія находки, состоящія изъ коллекціи черепковъ съ Юшковскаго холма и прилегающей мѣстности, собранныя имъ въ продолженіе лѣта 1905 года. Въ 1909 году Юшковскій холмъ, который носитъ названіе у мѣстныхъ крестьянъ „Пупышь у Чугункова Лога“, былъ посѣщенъ П. П. и Л. А. Беркутовыми. Ими были найдены черепки и кости животныхъ.

Въ 1913 г. по порученію Сарапульскаго земскаго музея были произведены здѣсь раскопки (рис. 19).

Юшковское городище расположено на мысу, ось котораго идетъ съ з. на в. Мысъ выходитъ къ рѣчкѣ Сарапулкѣ, которая на 1 версту ниже впадаетъ въ Каму. Надо думать, что раньше Кама шла около самаго городища, а Сарапулка впадала много выше городища. Мысъ идетъ сначала отъ берега Сарапулки круто, затѣмъ образуетъ первую террасу, затѣмъ опять идетъ круто, здѣсь 2-я терраса и наконецъ 3-я терраса. Такое расположеніе много способствовало устройству городища.

На третьей террасѣ, на самой высокой, и находится возвышеніе, принимавшееся ранѣе за курганъ. Это ничто иное, какъ тыловой валъ

городища. Съ боковъ этотъ валь изрытъ кладонскателями и распаханъ, а потому и походить теперь на овальный курганъ. Длина его 9 сажень, ширина $7\frac{1}{2}$ саж., высота 2 арш. 2 вершка.

Площадка городища, повидимому, раньше была ровная, сейчасъ же изрыта для добыванія камня глубокими ямами. Въ длину она достигаетъ 40 саж., въ ширину отъ 13 сажень у I-го вала до 21 саж. III-ю террасу защищаетъ II-й валь, съ лѣвой стороны распаханный, а съ правой хорошо сохранившійся и поросшій лѣсомъ. Съ правой стороны онъ огибаетъ площадку.

Ширина II-го вала, пологого со стороны площадки городища, кругого и довольно высокаго со стороны террасы $(10+5)=15$ саж., а длина около 23 сажень.

Вторая терраса, площадка которой равномерно понижается, заграждена III-мъ валомъ, высотой до $\frac{1}{2}$ арш., шириной въ 2 саж. и длиной въ 20 саж. Длина площадки второй террасы 30 сажень, ширина до 25 сажень около вала; площадка къ III-му валу суживается. Третья терраса не заграждена.

Первоначально былъ разрѣшенъ спорный вопросъ о холмѣ. курганъ это или валь, для чего это сооруженіе было перерѣзано на 13 арш. отъ праваго конца поперечной траншеей въ 1 арш. ширины. при чемъ оказалось, что насыпные слои шли продольно и со стороны поля и площадки образовалась намынная земля, которая съ полевой стороны отдѣлялась отъ насыпи каменной кладкой и засыпала бывшій тутъ раньше ровъ.

Культурный слой площадки городища оказался ничтожнымъ*), какъ и на второй террасѣ.

На правомъ склонѣ городища былъ обнаруженъ оползень и почти весь, за исключеніемъ восточной части, былъ раскопанъ. Раскопки велись траншеей съ запада на востокъ въ $(5 \times 2\frac{1}{2}) 12\frac{1}{2}$ аршинъ шириной и эта траншея была доведена до 42 арш. длины. Посерединѣ этой траншеи культурный слой былъ около 1 арш., къ югу и къ сѣверу онъ уменьшался и доходилъ до 4 вершковъ. Закрайны оползня какъ верхнюю, такъ и нижнюю, копали женщины, при чемъ землю бросали въ гору.

*) Надо оговориться, что доступной частью для раскопокъ была правая сторона, лѣвая же была подъ рожью, а склонъ ея покрытъ лѣсомъ.

При раскопках оползни натолкнулись на погребенья.

I-е погребенье.

Костяк расположен головой на запад. Длина могилы 2 арш. 8 в., ширина 12 вершковъ, глубина отъ поверхности 4 $\frac{1}{4}$ вершка. Длина костяка 2 арш. 4 верш.; лицо обращено къ югу. Вещей не найдено.

II-е погребенье (дѣтское).

Костякъ, головой на западъ. Длина могилы 1 $\frac{1}{2}$ арш., ширина 8 верш., глубина отъ поверхности 6 верш.; лицо обращено на сѣверъ. Длина костяка 1 арш. 6 верш. Вещей нѣтъ.

III-е погребенье.

Костякъ, головой на востокъ. Длина могилы 2 арш. 10 верш., ширина 14 вершковъ, глубина отъ поверхности 8 вершковъ. Длина костяка 2 арш. 4 вершка. Лицо обращено къ югу: подъ лѣвой рукой костяка найдена бронзовая пряжка. Около головы, отступя на $\frac{1}{4}$ арш., стояла чашечка; около нея были разбросаны стекловидныя бусы, а подъ самой чашечкой—желѣзный ножичекъ и желѣзный наконечникъ стрѣлки. Около ногъ и поясицы лежали куски бересты.

Кости скелетовъ были очень хрупки. Черепа деформировались. III-е погребенье было взято цѣликомъ для Сарапульскаго земскаго музея. Отъ I-го взяты черепъ. Отъ II-го взять костей было нельзя, такъ какъ онѣ рассыпались. Около погребеній было найдено нѣсколько глиняныхъ изображеній людей.

При раскопкахъ городища были найдены:

1—4) глиняныя изображенія людей до 1 $\frac{1}{4}$ вершка высотой и обломки такихъ же изображеній;

5—17) глиняныя изображенія людей отъ $\frac{3}{4}$ вершка и меньше и обломки отъ таковыхъ;

18) глиняная лошадка;

19—21) обломки отъ глиняныхъ лошадокъ;

22) изображеніе (человѣка) на глиняной пластинкѣ;

23—24) глиняныя горшечки;

- 25—26) пряслица изъ черепковъ;
- 27) кружокъ глиняный изъ черепка;
- 28) бусинка глиняная;
- 29) часть жернова-терки;
- 30) сильно обитый голышъ;
- 31—32) костяныя шилья, одно изъ человѣчьей кости;
- 33) наконечникъ трехгранной стрѣлы, длинный;
- 34—36) обломки удочекъ;
- 37) обломокъ костяной лопаточки;
- 38—39) задѣлки наконечниковъ стрѣлъ;
- 40) бабка, просверленная сверху;
- 41—42) костяныя обломки какихъ-то орудій;
- 43) бронзовый трехгранный наконечникъ стрѣлы;
- 44) цилиндрикъ бронзовый;
- 45) бронзовый поползень отъ ремня;
- 46) бронзовая пластинка;
- 47) обломокъ красной мѣди;

При III-мъ погребеньи:

- 48) бронзовая пряжка;
- 49) желѣзный ножичекъ;
- 50) желѣзный наконечникъ стрѣлы;
- 51) глиняный горшечекъ;
- 52) бусы (двѣ сохранились, остальные раскрошились).

Найдено много черепковъ. Преобладаетъ черная глина, хотя на поверхности попадаются и желтые черепки, вывѣтрившіеся.

Затѣмъ идетъ сѣровая и рѣже красновато-желтоватая глина.

Во всѣхъ черепкахъ—раковинная примѣсь.

Величина сосудовъ, судя по фрагментамъ, не превышала 5 верш. въ діаметрѣ горла.

Найденъ цѣльный горшечикъ въ $3\frac{1}{2}$ сантиметра, другой въ $4\frac{1}{2}$ сант.

Горшечекъ при погребеньи— $6\frac{1}{2}$ сант. въ діаметрѣ.

Днища сосудовъ круглыя.

Края у нѣкоторыхъ прямыя, у нѣкоторыхъ сильно выгнуты наружу.

Орнаментъ дырочный, веревочный, дырочно-веревочный. Безъ орнамента встрѣчаются только сосуды малой величины. Встрѣчается

рѣшетчатый и квадратиковый рисунокъ изъ веревочекъ, а также зигзагообразный и спиралообразный.

Найдены черепки плавильныхъ тиглей съ круглымъ дномъ съ остатками бронзы. Кости лося, быка, лошади, куницы, свиньи, медвѣдя.

Логъ, находящійся ниже городища носить названіе „Чугункова“ или „Пашкина“ лога. Еще на памяти у древнихъ стариковъ въ Пашкиномъ логѣ стояла землянка. Въ ней жили разбойники, скрывавшіеся большей частью въ „Разбойныхъ кустахъ“, что тянутся на версту по берегу Камы.

Однимъ изъ стариковъ крестьянинъ Бечтомовъ перелалъ намъ слышанный имъ отъ отца рассказъ.

„Мой отецъ рассказывалъ, что когда онъ былъ еще мальчишкой, лѣтъ 13, жилъ тогда находомъ въ Усть-Сарапулкѣ старичокъ, кое-что знающій. Одинъ разъ играютъ парнишки въ плитки, тогда конь билъ плитки, а не бабками. Вотъ идутъ изъ Пашкина лога разбойники въ деревню. Старикъ и закричалъ: „Берите, ребята, палки за рычаги, уважьте ими непрощенныхъ гостей“. Услыхали разбойники, что кричить старикъ, приложились изъ ружей, да не тутъ-то было, не стрѣляютъ ружья. Заговорщикъ старикъ былъ и заговорилъ ружья. Тутъ похватили парни и мужики колья, жерди да на разбойниковъ, а тѣ бѣжать. Бѣжали до Пашкина лога, тутъ нѣкоторые изъ крестьянъ поотстали, чтобы землянку, ихъ логово раззорить: другіе преслѣвовали до самаго берега Сарапулки. Добѣжали разбойники до Сарапулки. Захватилъ атаманъ воды въ шапку, поставилъ себѣ на голову, и всѣхъ ихъ не стало видно, какъ бы въ воду нырнули, только черезъ нѣкоторое время изъ-за Сарапулки, изъ разбойныхъ кустовъ начали стрѣлять разбойники. Тогда крестьяне разбѣжались по домамъ. Съ той поры разбойники въ Усть-Сарапулку не приходили“.

Старики отъ стариковъ слыхали, что разбойниками зарыто много кладовъ и предполагаютъ, что „пушышь“ это замѣтка; подъ нимъ лежитъ лодка золота, затащенная сюда разбойниками. Одна изъ крестьянокъ д. Юшковой передавала, что здѣсь жила чудь.

„Жила здѣсь кака-то така чудь, такъ эта чудь себя сама закопала, а эти шкилеты непременно чюдямъ принадлежатъ. Поставили они стойки, на стойки потолокъ, а на потолокъ земли натаскали, потомъ подопнули стойки, землей и задавило. Вотъ они и пали въ разныя стороны,—кто на западъ, кто на востокъ головой. закопали

они себя потому, что Русь ихъ одолѣла сказали они: „Русь насъ одолѣла, не хотимъ болѣе жить на бѣломъ свѣтѣ“.

Непяхинское городище.

Въ 1 верстѣ вверхъ по Камѣ отъ деревни Непяхи, на такъ называемомъ „Балабанѣ“, высокомъ пунктѣ мѣстности, на одномъ изъ выступовъ надъ Камой расположено Непяхинское городище (рис. 26).

Съ Камы оно неприступно: берегъ здѣсь совершенно отвѣсный. Съ правой стороны—довольно крутой и глубокой оврагъ, съ лѣвой также. Длина площадки 58 сажень, при ширинѣ до 30 сажень. Носъ городища смытъ и обвалился; ширина его 13 сажень. Со стороны поля городище укрѣплено двумя валами. I-й валъ не выше $1\frac{1}{4}$ арш., шириной 5 сажень, начинается отъ правой стороны городища, немного загибаясь, идетъ къ лѣвой сторонѣ и дальше идетъ по самой лѣвой—сторонѣ. Передъ валомъ видны слѣды рва, который спускается въ лѣвый оврагъ. II-й валъ выше I-го: онъ $2\frac{1}{2}$ арш. высоты и 6 сажень ширины, такъ же, какъ и первый, загибается и идетъ по лѣвой сторонѣ, только немного, саж. съ 3. Длина II-го вала 27 сажень; передъ нимъ ровъ, какъ и первый, впадаетъ въ лѣвый оврагъ. Расположено городище на с.-с.-в. Площадка поросла лѣсомъ. Культурный слой на городищѣ достигаетъ по сторонамъ до 7-вершковъ на срединѣ только 2—3 верш. На правомъ скатѣ городища есть оползнь, но тоже незначительной толщины.

Съ городища открывается чудный видъ на далекое разстояніе: видно даже Нечкинское возвышеніе, отстоящее на 30 верстѣ.

Найдены: 1) черепки желтоватой глины, съ примѣсью раковины;

2) черепки сѣрватой глины, съ раковинной примѣсью;
съ орнаментомъ черепковъ не найдено;

3) край отъ тигля, красноватой глины, толстый;

4) известковая терка;

5) известковый камень, полированный съ одной стороны,
найденъ въ толщѣ I вала, по краю канавообразной
тропинки, пересекающей валъ.

Крестьяне утверждаютъ, что жила здѣсь чудь. Рассказываютъ, что

была богата и оставила въ нѣдрахъ земли несмѣтныя богатства. Крестьянинъ Нижняго Армеца Монушко копалъ на II-мъ валу глубокую яму и видѣлъ даже окованный сундукъ, но взять клада не пришлось, черти не дали.

I или Верхне-Машкаринское городище.

Выше села Вятскаго, Машкары тожь, версты на 1 $\frac{1}{2}$ и ниже деревни Обухи, на невысокомъ тупомъ мыскѣ расположено городище. Съ лѣвой и правой сторонъ идутъ небольшіе овраги, а съ носу городища когда-то омывалось Камой, а сейчасъ выходитъ на низкій берегъ. Подъемъ на городище со всѣхъ трехъ сторонъ довольно труденъ (рис. 24).

Площадка мыса неровная и пересѣкается продольнымъ оврагомъ съ лѣвой стороны. Со стороны поля городище защищено ровомъ и I-мъ валомъ, высотой 2 $\frac{1}{4}$ арш., длиной 35 саж. и 13 арш. шириной.

I-й валъ, чуть-чуть загибаясь во внутрь, доходить до лѣвой стороны площадки, круто поворачиваетъ и идетъ по лѣвому отрогу мыса, очень узкому. Длина лѣваго мыска—30 сажень, ширина вала, идущаго по нему, 11 арш.

II-й валъ отстоитъ отъ I-го на 20 саж. Длина его 24 сажени. Ширина 10 аршинъ и высота около 2 аршинъ. Передъ II-мъ валомъ, какъ и передъ I-мъ, идетъ ровъ.

Ровъ передъ I-мъ валомъ спускается въ лѣвый оврагъ. Площадка за II-мъ валомъ, длиной 30 сажень, къ носу расширяется и достигаетъ 38 сажень въ ширину. Видъ съ городища, далекій на теченіе рѣки Камы и заливные луга, которые примыкаютъ къ самому городищу. Культурный слой довольно толстъ,—до 8 вершковъ, а въ овражѣ, разсѣкающемъ городище, до 12 вершковъ.

Найдены на поверхности:

- 1) черепки сѣрой глины, съ крупной раковинной примѣсью и грубой работы, безъ орнамента;
- 2) черепки желтоватой глины, съ раковинной примѣсью, дырчатымъ орнаментомъ;
- 3) черепки сѣрой глины, съ сложнымъ веревочнымъ рисункомъ, съ раковинной примѣсью;

- 4) черепки сѣрой глины, съ раковинной примѣсью, грубой работы;
- 5) кости животныхъ, есть обожженыя;
- 6) часть терки-жернова, известковаго пористаго сложенія.

С. В я т с к о е.

Ниже села, при устьѣ рѣчки, протекающей по с. Вятскому, на высокомъ мысѣ, гдѣ стоятъ кирпичные сараи, при добываньи глины на кирпичъ, крестьянинъ Адрианъ Мельниковъ нашелъ погребеніе. Въ погребеніи были найдены: копье бронзовое, пряжка, подвесочная бронзовая гривна и стеклянныя бусы; всѣ эти вещи были потеряны. Поверхностное разслѣдованіе никакихъ результатовъ не дало.

Вся поверхность мыса сильно изрыта кирпичниками и трудно поэтому судить о томъ, было ли здѣсь укрѣпленіе, хотя есть, приблизительно на 40 отъ носа, нѣчто похожее на валъ, но утверждать не сдѣлавъ раскопокъ, нельзя.

Городище у „Половиннаго лога“.

По дорогѣ изъ с. Пермякова въ с. Вятское, Машкары томя вправо отъ дороги лежитъ длинный глубокій оврагъ, носящій названіе „Половиннаго лога“, что обозначаетъ половину пути между упомянутыми селами. На правомъ берегу „Половиннаго лога“, у самаго устья его, на высокомъ мысу, обращеннымъ на с.-с.-в., омываемомъ съ правой стороны Камой, расположено городище, или по-мѣстному: „разбросанная крѣпостца“ (рис. 25). Городище въ длину около 110 сажень и отъ 20 до 35 саж. шириной. Площадка городища немного покачивается къ Половинному логу и къ носу мыса. Система укрѣпленія городища валами очень интересна. Городище укрѣплено 6-ю валами и 3-мя рвами, при чемъ валы разбросаны по всей площадкѣ.

Со стороны поля высокой, около 2 аршинъ валъ, пересѣкающій мысъ и спускающійся далеко, на 25 сажень, въ Половинный логъ передъ валомъ—ровъ, углубляющійся къ правой сторонѣ. Ширина вала отъ 11 до 14 арш. На разстояніи 25 сажень отъ I-го вала—II-й валъ около $\frac{3}{4}$ арш. высотой и 14 арш. шириной; сохранилась только часть примыкающая къ лѣвой сторонѣ городища; правая же вся ископана.

Ширина площадки въ этомъ мѣстѣ около 25 сажень. Отъ II-го вала въ 30 саженьхъ идетъ невысокій III-й валъ, загибающійся въ сторону площадки, примыкающей къ II-му валу; за нимъ ровъ, спускающійся къ лѣвой сторонѣ. Далѣе—прямой валъ, IV-й по счету, за которымъ ровъ и V-й валъ, загибающійся въ обратную III-му валу сторону. Высота IV-го вала до 2 аршинъ и длина 29 саж. III-й и V-й высотой менѣе арш. и длиной по 30 аршинъ.

Площадка, примыкающая къ V-му валу, обрамлена со стороны носа VII-мъ валомъ, до 1 аршина высотой, 20 саж. длиной и 5 саж. шириной; за VI-мъ валомъ идетъ небольшая площадка. Отъ VI-го вала до носа 15 сажень. Площадка на самомъ носу мыса ровная, со стороны Камы она неприступна. Городище, гдѣ возможно, засѣвается и нынѣ полъ зрелыми, а остальная часть поросла орѣшникомъ, пробираться по которому очень трудно. Видъ съ городища далекій, только кусты застилаютъ горизонтъ.

Пробныя ямки намъ ничего не дали. Пришлось копать только по лѣвой сторонѣ, по берегу оврага.

Находокъ никакихъ не найдено.

Крѣстьяне села Пермьякова, въ поляхъ которыхъ городище находится, говорятъ, что на этомъ мѣстѣ была разбойничья крѣпость и жили въ ней „гурьки“, которые „паяли“ во всѣхъ, кто смѣлъ приблизиться къ валамъ крѣпости.

„Разбойники жили въ крѣпостцѣ; много они грабили и много награбленнаго скопили. Теперь всѣ эти сокровища хранятся на мысу въ ихъ крѣпости“,—разсказывалъ мнѣ Степанъ Сергѣевъ. „Хотя у насъ иногда мужики счастья попытать, да мало чего попадаетъ; попало разъ баканьцику стопка мѣдныхъ денегъ и на всѣхъ было написано 10 копеекъ. 40 монетъ нашель онъ и всѣ онѣ лежали другъ на другѣ“.

V.

Раскопки (въ томъ же году) въ Бирскомъ уѣздѣ, Уфимской губ.

I. Якимковское городище—„Чудское городище“.

Якимковское Чудское городище расположено на высококомъ мысѣ, межъ двухъ овраговъ, по которымъ текутъ небольшіе ключи, находящемся въ $2\frac{1}{2}$ верстахъ къ сѣверу отъ села Якимкова, Бирскаго уѣзда, Касевской волости. Съ городища открывается чудный видъ на окрестности, какъ на ладони, видно с. Якимково, с. Мажары и другія селенія. (Рис. 21).

Якимковское городище можно отнести по размѣрамъ площадки къ среднимъ. Длина его отъ кургановиднаго остатка окружнаго вала на носу мыса, до перваго вала, защищающаго городище со стороны поля, 140 сажень. Послѣдній валъ распаханъ и едва замѣтенъ. Ширина городища 25—65 саж. Въ 39 саж. отъ кургановиднаго вала пересѣкаетъ лѣсъ третій по счету кокошничкообразный валъ.

Городище расположено съ запада на востокъ, а валы идутъ съ сѣвера на югъ.

Передняя часть городища—мысокъ—хорошо сохранилась, сохранился также средній не распахиваемый валъ и южная, и носовая части окружнаго вала, сѣверная же часть послѣдняго сильно пострадала: размыта.

Ширина перваго вала $6 + 4 = 10$ сажень, высота около аршина, длина 65 саж. Ширина средняго вала $2 + 4 = 6$ сажень, высота около сажени, длина 32 саж.

Ширина вала на носу 6 сажень, высота 1 саж. Ширина и высота остатковъ южной части окружнаго вала незначительны: шир. отъ 2 до $2\frac{1}{2}$ саж., высота до $1\frac{1}{2}$ арш.

Передъ валомъ, со стороны поля, ровъ (старики помнятъ его

глубокимъ), точно также и передъ вторымъ, къ тому же онъ и круче въ сторону поля.

На носу передъ кургановиднымъ валомъ тоже ровъ и уступы, видимо для защиты.

Длина первой части городища по оси,—отъ середины носового до середины 1-го средняго вала, 39 саж. Въ центрѣ этой части возвышенье, въ юго-западномъ углу—углубленье. Вырытая нами пробная яма указала, что здѣсь культурный слой значителенъ. около 12 верш. Интересно еще то, что при изслѣдованіи грунта щупомъ, онъ пошелъ очень глубоко; при раскопкѣ грунта обнаружилась яма, наполненная водой (о томъ рассказывали и мужики, искавшіе клады).

Передъ носовымъ валомъ тоже углубленье; культурный слой здѣсь 4 вершка.

Въ тыловой части городища проходитъ ложбинка въ сѣверный оврагъ, къ ключику. Видимо этой ложбинкой пользовались для спуска къ ручью за водой.

Вода въ оврагѣ сильно газирована и имѣетъ какой-то привкусъ, говольно пріятный.

Сѣверный берегъ сильно разрушается и совершенно лишенъ растительности. Южный же покрытъ мелкимъ ельникомъ.

На поверхности городища находятъ черепки, пряслица, кости и зубы животныхъ. Черепки красной и черной глины съ примѣсью крупно и мелко толченой раковины, съ дырчатымъ и ногтевымъ орнаментомъ.

Толщина черепковъ различна. Величина сосудовъ, судя по орнаментамъ, средняя. Среди костей преобладаютъ кости лося.

Находили раньше мѣдные топорики, желѣзные наконечники, желѣзные топорики, мѣдные прутья и бляшки, иногда съ прорѣзью. Крестьяне хотятъ распахать средній валъ, мѣшающій имъ воздѣлывать городище.

Въ произведенныхъ раскопкахъ средняго вала найдены: 1) черепки черной глины, съ примѣсью раковины; 2) красноватой глины, съ примѣсью раковины; 3) древесные (пихтовые и еловые) угли; 4) кость и зубы лося; 5) пережженная глина и 6) кусочки желѣзной руды.

У крестьянина Прохора Котельникова куплена бляха съ прорѣзью, бронзовая, въ видѣ подковки для сапога.

Валь и площадка городища сильно изрыты кладонскателями.

Пркая фантазія мечтателей о кладах приписала немало сверхъестественнаго городищу. Сюда являлись даже и издалека.

Мнѣ пришлось слышать нижеприводимый рассказъ отъ одного очевидца, кладонскателя, по имени Мидора, 90-лѣтняго старика. Когда-то онъ занимался рыболовствомъ и выловилъ нѣсколько костей мамонта, послѣ чего и увлекся кладонскательствомъ¹⁾.

„Годковъ тридцать тому назадъ пришелъ я на городище, а тогда поле было „аржаное“; смотрю, бѣжить передо мной бѣлая коза, она меня поглядываетъ, глаза у нея востренькіе. Ну, я и думаю, что чудо. У насъ въ селѣ козъ не держатъ, черемисы тоже, а башкиры живутъ далеко. Думаю такъ, а она все бѣжить; тогда я обогналъ ее и только тогда мнѣ пришло на умъ: не кладъ ли. Оглянулся, она остановилась и какъ въ воду канула, я туда—сюда, нѣтъ козы, какъ будто провалилась“. — „Ну, старикъ, укажи мѣсто, гдѣ провалилась“, обратился мой проводникъ.

„Не скажу“.

„Позабылъ, что-ли?“

„Какъ позабылъ, знаю, помню, хорошо помню“.

„Видно, копаль“.

„Можетъ и копаль, а не скажу“, разсердился Мидоръ на проводника. „Кремень старикъ“, пояснилъ проводникъ.

II-е Якимовское городище, надъ рѣчной Березовкой, „Кереметь“

Городище „Кереметь“ расположено въ 1-ой верстѣ на сѣверо-востокъ отъ с. Якимкова и въ 1-ой верстѣ отъ черемиской деревни Нижній Ильдибашъ, надъ рѣчкой Березовкой, въ 200 саж. отъ послѣдней, въ Башкирскихъ поляхъ д. Тойморзиной. (Рис. 22.).

На высокомъ, пологомъ мысу, развѣтвляющемся на два, находится почти круглое городище, обнесенное кругомъ высокимъ и ши-

¹⁾ Мой проводникъ указалъ на Мидора, какъ на деревенскаго археолога, у котораго есть старина: кости мамонта и вещи съ городища. «Мидору, что попадетъ, того не выпустить изъ рукъ». Мы отправились къ нему. Вещей у него не оказалось, а кость не продалъ и не пожертвовалъ.

гокимъ валомъ. Площадка городища маленькая. Ось главного мыса идетъ съ сѣверо-востока на юго-западъ. Площадка между валами длиной 20 с., шир. 13 саж. На срединѣ площадки—возвышенья, на носовой и правой части площадки—углубленья. Высота тыловой части вала $4\frac{1}{2}$ арш., а въ другихъ мѣстахъ падаетъ до $2\frac{1}{2}$ арш.

Ширина тыловой части вала 30 арш., боковой 20—25 арш., на носу 27 арш., длина всего вала 83 сажени.

Съ Керемета видно на далекое разстояніе.

Культурный слой незначителенъ. Въ дернѣ попадаются кости лошади, черепковъ не найдено. Еще недавно городище было покрыто высокимъ лѣсомъ: здѣсь была священная роща черемисъ. Затѣмъ поля отошли къ башкирамъ, и они вырубилъ этотъ лѣсъ. Здѣсь найденъ крестьянской желѣзный ковшъ, но кому онъ принадлежалъ, судить трудно, быть можетъ, это принадлежность черемисскихъ моленій.

Л. Беркутовъ.

Кладоискатели.

Занимаясь изслѣдованіемъ Сарапульскаго уѣзда въ археологическомъ отношеніи, мнѣ часто приходилось растолковывать непонятное для крестьянъ слово археологъ и называть себя попросту кладоискателемъ, и нерѣдко этимъ удавалось вызывать мужиковъ и бабъ въ разговоры о кладоискателяхъ.

Постараюсь воспроизвести эти рассказы и про мастеровъ кладоискателей, какихъ-то полумифическихъ людей, знающихъ „слово“, и про кладоискателей-любителей, и про кладоискателей-неудачниковъ.

1) Крестьянинъ д. Усть-Сарапулки Ортинъ, относящійся съ уваженіемъ ко всякимъ чертовщинамъ, а также и къ кладоискателямъ, знающимъ „слово“, причислялъ меня къ послѣднимъ и рассказывалъ слѣдующее¹⁾.

„Дивно лѣтъ прошло, какъ прїѣзжалъ сюда мастеръ-кладовщикъ. Тогда у насъ въ деревнѣ Усть-Сарапулкѣ и въ Лубянкахъ любителей до кладовъ было много. Вотъ мастеръ-кладовщикъ съ Никифоромъ Лубянскимъ да нашинскими Прокопьемъ и Степаномъ пошли въ этотъ логъ, онъ у насъ Пашкинымъ зовется. Взялъ мастеръ стаканъ воды, чтобы землю пробовать. Возьметъ это земли, броситъ въ стаканъ и посмотритъ, свертывается или нѣтъ. Бралъ все земли, въ стаканъ кладетъ, не свертывается, потомъ вдругъ свернулась. Кладовщикъ заставилъ въ томъ мѣстѣ щупать. Начали щупать, звенить. Щупы были у нихъ не такіе, не желѣзные, а стальные, трубочкой и съ иглой намагниченной. Заставилъ мастеръ рыть. Разрыли, громадный сундукъ, желѣзомъ обитый, стоитъ; обрыли кругомъ, только взять, да тащить, а не тутъ-то было. Схватилъ сундукъ кладовщикъ обѣими руками, перевалился сундукъ, и даже руки мастеру-кладовщику обруснуло²⁾. На другой день пришли, смотреть, такъ и мѣста не нашли, гдѣ копали, — не знатко“.

¹⁾ Это было на расконкахъ Юшковаго городища.

²⁾ Сорвало кожу.

2) Крестьянка д. Юшковой Юшкова Марія въ свою очередь рассказала слѣдующее.

„Въ давнія времена жили здѣсь разбойники; много они серебра, золота награбили, и все это золото и серебро въ лодку склади, на эту гору ¹⁾ затащили и закопали вотъ на этомъ мѣстѣ, гдѣ пушышь ²⁾; такъ подъ нимъ самымъ и лежитъ лодка. Только не каждому дается кладъ въ руки, онъ заклятъ на 9 человѣческихъ головъ. Сначала надо головы представить, а потомъ и кладъ добывать“.

3) Старикъ, пришедшій на раскопки Юшковскаго городища, когда были найдены погребенья, рассказалъ, что жившіе здѣсь разбойники затащили на цѣпи въ гору лодку золота и заклали кладъ на нѣсколько головъ. „Вотъ былъ здѣсь кладовщикъ мастеръ и, чтобы достать кладъ, убилъ нѣсколько человѣкъ и схоронилъ ихъ здѣсь, какъ попало, безъ отпѣванья, но кладъ не достался ему, не хватило одной головы, и черти задавили его“.

4) Рассказъ сарапульской мѣщанки Жижинной.

„Живъ когда былъ мой папаша, большой онъ былъ любитель до кладовъ, онъ много чего рассказывалъ про клады-то. Была у него дружба съ бондаремъ, тоже старикомъ солдатомъ. Неразлучно ходили и ѣздили они искать клады. Считался бондарь за мастера кладовщика, а и отецъ мой тоже. Какого инструмента у нихъ не было; и щупы различные, и щипцы, и лопаты странной формы, и кака-то вода и гравы, и Богъ знаетъ, сколько всякой всячины было; жалко, что послѣ смерти все растерялось. Ходили они съ бондыремъ и еще какинъ-то старикомъ Яромаскимъ крестьяниномъ въ Чупиху кладъ искать.“

Поговаривали, что въ логъ тутъ затащена лодка, а въ лодкѣ три бочки золота, да пять серебра.

Копали папаша съ бондыремъ и накопились на цѣпь, стали тащить, да сила не взяла, оставили до завтра. На другой день пришли, нѣтъ ничего, такъ и не докопались до лодки.

Разъ его возили въ какое-то село за 120 верстъ, нарочно крестьяне пріѣзжали. Нашли крестьяне въ одномъ мѣстѣ крестъ какого-то чернаго металла и такую же тоненькую дощечку, а на ней написано: „10,000,000 рублей лежитъ, а возьметъ тотъ, кто умѣетъ“. Ну крестьяне и поскакали въ Сарапулъ за бондыремъ солдатомъ и моимъ

¹⁾ Юшковское городище.

²⁾ I валь городища.

папашей. Ъздили, копали. Папаша говорить, что нашли окованный сундукъ, но въ немъ ничего не оказалось. Ъздилъ папаша и въ Нечкино на гору, и въ Юшково на пушышь, и къ Усть-Сарапульску и въ Непряху, и въ Лупаху, и Каракулино, и много еще куда“.

5) Разсказъ ямщика, крестьянина села Паздерь.

„Когда мнѣ было лѣтъ двадцать, у насъ въ деревнѣ былъ старикъ; все старикъ клады искалъ; нельзя сказать, что умный былъ, какъ-то немного спибало. Приходитъ разъ ко мнѣ и говорить: „Пойдемъ, Вася, братъ кладъ завра ночью, никому только не говори. Захотѣлось мнѣ задѣлаться богатымъ. старикъ хотѣлъ половинну клать отдать. Пошли. Пришли въ темный глубокой оврагъ на берегу Камы. Сумерки были, когда вышли; вотъ и ночь наступила; сѣлъ старикъ на землю и я тоже; сидеть, что-то шепчетъ, потомъ прислушался и говорить: „Слышишь, Вася, просить... голову человѣчью просить... Меня страхъ беретъ, а старикъ встаетъ и шепчетъ: „Еще голову человѣчью просить... просить еще одну голову... человѣчью“.

Шептался, шептался старикъ, да какъ схватить меня за горло и душить. Я сначала отъ страха и рукой не могу двинуть. Старикъ шепчетъ: „Попался, попался кладъ... весь мой будетъ, ты хорошо сдѣлалъ, что пришелъ, кладъ теперь можно взять, не убѣжить, всѣ всѣ головы представлю“. Оправился я, схватилъ старика, отбросилъ и бѣжать, а старикъ за мной, вытнулъ руки впередъ и кричитъ: „Последнюю представлю“. Напугался я тогда, но никому изъ домашнихъ не разсказалъ того, что ходилъ кладъ со старикомъ добывать.

На слѣдующій день притащился еле живой старикъ, слегъ и скоро померъ, видно, я его сильно двинулъ. Когда умиралъ старикъ, все ему чудилось, что онъ кладъ сейчасъ возьметъ. „Только еще одну голову просить... еще одну... человѣчью“, съ такими словами и померъ старикъ.

6) Въ Нечкинѣ пришлось слышать отъ крестьянки такой разсказъ.

„Свекоръ-батюшка любилъ у насъ клады искать. Узнали какъ-то жулики, что у свекра кубышка съ деньгами на черный день притащена; пришла имъ охота ограбить старика. Придумали у старика жулики деньги выманить. Пришли и говорить, что не далеко отъ Нечкина есть кладъ на нѣсколько тысячъ рублей, и не желаетъ ли онъ войти въ компанію взять кладъ. Заключить-де кладъ на девять головъ, а не сказано, что человѣчьихъ, такъ мы удѣлаемъ хороша

Свекорь-батюшка согласился идти съ мастерами-кладовщиками кладъ любить. Взяли, на базарѣ купили они девять телячьихъ головъ, завернули каждую въ холстъ и пошли къ мѣсту. Видятъ, что на дужайкѣ ровно свѣча свѣтится. Подошли къ полянѣ; кладовщикъ-мастеръ спрашиваетъ, на что кладъ заклятъ, и притаились; вдругъ слышать, кто-то говоритъ: „Заклятъ кладъ на девять головъ, на ведро вина, на ведро хмѣльного меду и на сто рублей денегъ“. Спросилъ кладовщикъ о томъ, кто заклиналъ и когда срокъ, чтобы взять. Отвѣчаетъ голосъ: „Заклятъ кладъ разбойниками“.

На слѣдующій день кладовщикъ притворился больнымъ, свекорь-батюшка и пошелъ брать кладъ одинъ. Разостлалъ свекоръ черное сукно, на него скатерть, поставилъ ведро водки и сто рублей. Старикъ положилъ все, какъ его училъ кладовщикъ и дождался утра, этому тоже научилъ кладовщикъ.

Когда разсвѣтало, смотреть старикъ, нѣтъ ни скатерти, ни сукна, ни водки и ни 100 рублей, только яма, видно, что кто-то сигѣлъ, сверху хворостомъ занесена, а свѣчка валяется около ямы. Взыгъ старикъ, пришелъ домой къ кладовщику, а того и слѣгъ простылъ. И кто онъ, никто не знаетъ, а вмѣстѣ съ нимъ уѣхали и еще двое прѣзжихъ молодчиковъ“.

7) „Вы археологъ“, спросилъ меня высокій, сѣдой старикъ. Одинъ изъ посѣтителей музея, подойдя ко мнѣ вплотную. Отгѣтъ былъ старикъ въ длинный черный сюртукъ, стариннаго покрою; длинная сѣдая борода закрывала грудь; большая лысина внушала уваженіе, только глаза большіе, сѣрые смотрѣли разсѣянно. Я кивнулъ головой. „Вы по части кладовъ“. „А вы что кладъ нашли?“ Нѣтъ, сказалъ таинственно старикъ и отвелъ меня въ сторону— не кладъ. больше клада. Клады и богатство тлѣнны, а то, что я нашелъ, душу грѣбеть. Богъ привелъ подземный монастырь найти. На старости гдѣтъ Господь наградилъ. Глупъ былъ раньше: искалъ клады. А послѣ того, какъ былъ на семнадцатой верстѣ къ Нечкину и зашелъ въ подземелье, сразу просвѣтлится мой разумъ, и понялъ я, что все суета человеческая. Святыхъ отцовъ видѣлъ грѣшными своими глазами. Храмъ и обители монаховъ видѣлъ. Вотъ вамъ книга, здѣсь описанъ этотъ монастырь. Вотъ соборъ, вотъ часовня, все видѣлъ... Послушай, поидемъ туда, вынесемъ на бѣлый свѣтъ монастырь. Скрылся этотъ монастырь, только докопаться, и всѣ могутъ ходить туда“. Я возра-

жалъ, но онъ никакихъ возраженій не слушалъ и стоялъ на своемъ. „Только и знаешь искать утѣхъ земныхъ, о Богѣ и не думаешь, о душѣ позабылъ. Всѣ нынѣ такіе: къ купцамъ ходилъ, никто не помогъ, только одинъ пообѣщаль заплатить за раскопки и велѣлъ взять какого-нибудь археолога въ помощники. Не пойдешь, не надо, грѣхъ на свою душу берешь“. Сказалъ эти слова старикъ, нахлобучилъ сердито фуражку и ушелъ. А книга, которую показывалъ, было описаніе какого-то расхищеннаго монастыря.

8) Разсказъ, слышанный отъ крестьянина с. Яромаски.

„Умѣли разбойники клады прятать и глаза отводить людямъ. Разъ сидѣлъ крестьянинъ въ кустахъ, рыбку удилъ, видитъ: недалекѣ отъ него разбойники прячутъ въ липу, въ дупло шелковье и бархатъ. Склали, ушли. Взялъ мужикъ топоръ и давай рубить, срубилъ липу, ищетъ матеріи, но нѣтъ ничего, пусто въ дуплѣ. Пришелъ домой, разсказалъ своимъ, что случилось съ нимъ. Сынъ его пошелъ посмотреть. Приходитъ и видитъ, что около срубленной липы лежить гряда шелковья и бархату, взялъ и принесъ домой“.

9) Послѣ далекой дороги пѣшкомъ, я остановился передохнуть въ д. Таунахъ; дальше я предполагалъ ѣхать на лошади. Хозяйка старушка казенной квартиры, долго спрашивала, чѣмъ я занимаюсь, я объявилъ себя кладонскателемъ. „Ой, не хорошо кончаютъ жизнь кладонскатели. Мой, значить, свекоръ Фаддей былъ кладонскатель, такъ изъ-за этихъ кладовъ и жизнь ему прекратили. Пріѣхали изъ деревни Кабана татары и говорятъ: „Наша кладъ нашла. Наша кладъ на деньга заковать. Бери, Фаддей, деньга, наша укажетъ“. Поѣхалъ Фаддей въ Кабанъ. Вошелъ къ татарину въ избу. А татаринъ говоритъ: „Полизай, Фаддей, въ казенка, въ казенка кладъ, два бочка золота“. Фаддей полѣзъ, а татарва за нимъ. Прошли сутки; Фаддея нѣтъ; беспокоятся домашніе; потомъ вторые сутки прошли; за Фаддеемъ послали въ Кабанъ; тамъ татары говорятъ, что не пріѣзжалъ Фаддей, никто не видалъ его; воротился назадъ посыльный. Собрались тогда мужики, обыскъ сдѣлали въ Кабанѣ, ничего не нашли. Опрашивали всѣхъ, всѣ не знаютъ, а тотъ татаринъ, который приглашалъ, говоритъ, что уѣхалъ домой. Была въ Кабанѣ нѣмая татарка, она что-то маячитъ, а татары ругаютъ ее. Обратили вниманіе на нѣмушку, она и разталмачила суть дѣла. Поняли, что спустили Фаддея въ подполье, потомъ тамъ задавили и веревкой колѣбно къ

шеф притянули, деньги взяли, а потомъ стащили на озеро и утопили. Пошли мужики на озеро, а тамъ въ неглубокомъ мѣстѣ, около берега нашли стреноженного Фаддея.

10) Вслѣдъ за хозяйкой казенной квартиры баба-жница съ своей стороны рассказала слѣдующее:

У нашинскаго Алексѣя, Провькина дѣдушки, двѣ жены умерли отъ кладовъ-то. Женился Алексѣй въ первый разъ; жили хорошо. Онъ смиренной человѣкъ, хозяйственный. Прожили съ Петрова дня и Госпожинъ постъ, и Рождество, и Великой постъ; наступила великоденная суббота; началъ собираться Алексѣй въ церковь, къ заутренѣ сходить, ушелъ въ сосѣднее село, вернулся, а жена мертвая лежитъ, и глаза открыты, какъ будто—она со страху умерла. Женился Алексѣй на другой опять около Петрова дня, опять въ великоденную субботу въ церковь Алексѣй къ заутренѣ пошелъ. Приходить Алексѣй домой съ освященной пасхой, съ яйцами, смотритъ, на полу лежатъ жена, глаза открыты, и мертвая; испугался Алексѣй, за собою. Разговоровъ много пошло, всяко стали думать, а настоящаго не придумали.

Прошли Петровки Алексѣй не женится и Рождество наступило, онъ началъ подыскивать жену, никто нейдетъ, всѣ боятся. Только одна дѣвка, да и дѣвкина же дочь, согласилась за Алексѣя идти. Справили свадьбку. Невзрачная была баба, а бой. Наступила суббота великоденная; Алексѣй говоритъ женѣ, чтобы та взяла товарку на эту страшную ночь, а она отвѣчаетъ, что желаетъ сидѣть дома одна. Что она шла изъ-за того, чтобы узнать, отчего умирають у него жены. Ушелъ Алексѣй, а жена осталась одна, стряпааетъ. Открывается казенка^{*}), и оттуда идутъ монахи и несутъ гробъ, на столъ ставятъ и что-то съ ней хотять сдѣлать, а она „слово“ знала; зачитала какую-то молитву. Гробъ со стола повалился, монахи скрылись спрятать въ казенку. Только упалъ гробъ на полъ, звякнулъ и рассыпался въ груды серебра и золота. Пришелъ Алексѣй и видитъ жену живою. Сосѣди съ Алексѣемъ пришли на Алексѣеву жену посмотрѣть, а она веселая, все смѣется, а что было не рассказываетъ, только когда всѣ ушли, такъ она все рассказала мужу и показала деньги, всего 10 тысячъ было; съ той поры зажили они богато“.

^{*}) Подполье.

11) Рассказъ 80-лѣтняго рыбака изъ с. Чеганды.

„Когда я еще мальчикомъ былъ, тогда еще много бурлаковъ ходило. Пришелъ разъ бурлакъ и говорить, что видѣлъ онъ въ Нижнемъ-Новгородѣ арестанта, и онъ ему сказалъ, гдѣ есть кладъ. Вотъ повыше Крутинскаго логу стояли соляные амбары, такъ на полдни въ углу заткнешъ замокъ отъ ружья, подъ этимъ же самымъ мѣстомъ есть камень, такъ отъ него пятьдесятъ шаговъ къ сѣверу отступя, и закапана корчага серебра. Нашего теперь вотъ лавошника дѣдушка, смѣкалый былъ, видно сходилъ, кладъ то и взялъ, а опосля его пошелъ мой отецъ, но нашелъ только замокъ отъ ружья, да пустую яму“.

12) „А вотъ еще скажу“, продолжаетъ старикъ, „Какъ клады прятали разбойники. Слышалъ я отъ старика рыбака Ефима. Жили разбойники на „западяхъ“ и въ печкахъ ¹⁾. Награбили красного товара разъ, свезли за Каму, положили на бережокъ и ушли опять за добромъ. Видитъ Ефимъ съ этого берега явственно, что цѣлая груда суконъ лежитъ, сѣлъ на лодку, ѣдетъ, все видитъ, подѣхалъ совсѣмъ къ берегу, видитъ, а какъ ступилъ на сушу, сразу все скрылось, только видитъ бревно лежитъ. Плюнулъ Ефимъ, сѣлъ въ ботникъ, оглянулся, опять видитъ, груда сукна лежитъ.“

Вотъ какъ умѣли дѣлать разбойники. Атаманъ всегда „слово“ зналъ и глаза умѣлъ всегда отвести“.

13) Село Пьяный Боръ.

„Здѣсь, въ этихъ бугоркахъ клады зарыты“, говоритъ, указывая на холмики, маленькій, лѣтъ 8—9, мальчикъ. „Мама мнѣ говорила, что если притти сюда ночью, то всякія страсти покажутся. Возьми лопату ночью, приходи, рой, найдешь въ каждомъ бугоркѣ корчагу, только если не знаешь, она тебѣ какой-нибудь пакостью покажется. Если ударишь, разобьешь корчагу, деньги изъ нее въ землю уйдутъ, только черепки одни найдешь отъ корчаги, развѣ не видишь, сколько ихъ здѣсь валяется. Бываетъ иногда кладъ то собачкой представляется, у насъ Гришка маленькой есть, такъ онъ, какъ только сядетъ молоко хлѣбать, видитъ около себя черную кутьку ²⁾. Мама говорить, это кладъ“.

¹⁾ Пещерахъ.

²⁾ Собаку.

Шиханъ на правомъ берегу р. Бѣлой.

Шиханъ близъ устья р. Бѣлой былъ подвергнутъ, между прочимъ, раскопкамъ лѣтомъ 1894 г. Ф. Д. Нефедовымъ. Отчетъ объ этихъ раскопкахъ помѣщенъ на 53, 54 и 69 стр. III т. „Материаловъ по археологii восточныхъ губерній“, изданныхъ Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ въ 1899 г.

8-го сентября с. г. ко мнѣ, какъ одному изъ ближайшихъ помощниковъ по приведенію въ порядокъ находокъ изъ раскопокъ Л. А. Беркутова, обратился за разъясненіемъ о сущности Бѣльскихъ шихановъ инженеръ А. Е. Марковъ, начальникъ Пермскаго участка водныхъ путей сообщенія и просилъ опредѣлить найденныя имъ при раскопкѣ кости. Этими шиханами заинтересовался Главный Начальникъ водныхъ путей князь Шаховской, обративъ на нихъ вниманіе во время своей поѣздки по Камѣ нынѣшнимъ лѣтомъ, и поручилъ инженеру Маркову доставить ему свѣдѣнія о нихъ. Последний, желая доказать, что шиханы есть ничто иное, какъ игра природы, предпринялъ раскопки одного изъ нихъ, предполагая найти слоистое строеніе этого образованія. Я могъ только познакомить г. Маркова съ упомянутымъ отчетомъ Ф. Д. Нефедова и съ легендами о шиханахъ, готовыми тогда къ печати, а теперь помѣщенными въ этомъ же выпускѣ „Извѣстій“ въ отчетахъ Л. А. Беркутова.

При осмотрѣ костей я, какъ врачъ, сразу увидѣлъ, что взяты были только кости ногъ взрослого человѣка, 3 обломка черепныхъ костей и лопатка грудного младенца, да нѣсколько череповъ мелкихъ грызуновъ. Тогда я посоветывалъ, разъ уже костякъ найденъ, взять его цѣликомъ, осторожно снимая землю и тщательно слѣдя за находками.

10-го сентября остальные части костяка были уже доставлены мнѣ. Кромѣ того было найдено 5 скелетовъ дѣтей разнаго возраста, кости птицъ, нѣсколько новыхъ череповъ тѣхъ же грызуновъ, немного черепковъ черной глины съ раковинной примѣсью, глиняный обломокъ, теперь очень похожій на игральную шашку, пережженные кости и раковины улитки.

Яма была вырыта на южномъ концѣ шихана, на мѣстѣ перехода площадки въ откосъ и достигала 17 четв. Костякъ лежалъ на глу-

бинѣ 9 четвертей, а дѣтскіе скелеты выше надъ нимъ, на разной глубинѣ и въ безпорядкѣ, только земля около нихъ была чернѣе. Къ головѣ взрослога съ поверхности шелъ колъ, вершка въ 3 въ диаметрѣ, отъ котораго сохранились ясныя слѣды въ видѣ коры, доставленной мнѣ.

Длина костяка съ головой отъ основанія таза равна 6 четвертямъ. Земля надъ погребеніемъ столь же плотна, слажалась, какъ и глубже; поддается только лому и киркѣ. Вслѣдствіе этого, надо думать, кости сохранились очень хорошо.

Судя по тазу, окостенѣвшему щитовидному хрящу гортани и приведеннымъ выше размѣрамъ, костякъ безусловно принадлежалъ рослой старой женщинѣ. За неизмѣнѣемъ специалиста измѣреній черепа пока не сдѣлано.

Всѣ находки переданы въ Сарапульскій земскій музей.

Шиханъ въ длину достигаетъ 240 саж., въ ширину 24 саж. Высота его по полуторному откосу 14 саж. Весь поросъ мелкимъ дубнякомъ и кустарникомъ, изобилуетъ ужами, мѣдянками и другими пресмыкающимися. Много лисьихъ норъ; двухъ лисицъ даже видѣла команда казеннаго парохода „Николай“, производившая раскопки. Нынѣшнимъ лѣтомъ, по словамъ мѣстныхъ крестьянъ, наѣзжали еще двѣ партіи „чиновниковъ“ для раскопокъ этого шихана.

Ө. Стрѣльцовъ.

11 сентября 1913 г.
г. Сарапулъ.

Списки животныхъ фауны Средняго Прикамья.

Составилъ Л. Круликовскій.

Общее собраніе членовъ музея Сарапульскаго земства въ 1913 г. выразило желаніе безотлагательно приступить къ регистраціи животныхъ и растительныхъ формъ, составляющихъ въ настоящее время фауну и флору средняго Прикамья, территорію котораго имѣетъ ближайшею задачею обследовать музей. Во исполненіе постановленія собранія, я приступилъ къ регистраціи животныхъ и, на первый разъ, имѣю честь представить списки позвоночныхъ животныхъ, свойственныхъ нашей мѣстности ¹⁾, поскольку онѣ извѣстны мнѣ изъ собственныхъ наблюденій или по доступнымъ мнѣ литературнымъ даннымъ.

При этомъ считаю долгомъ указать, что, кромѣ собственныхъ работъ и наблюденій, я пользовался статьею П. В. Сюзева въ Иллюстр. путевод. по р. Камѣ, Пермь, 1911, и работою В. Линда, Практ. руков. къ опредѣленію звѣрей, водящихся въ Европ. Россіи, М., 1911. Другіе источники или указаны въ текстѣ статьи, или уже упоминались въ моихъ прежнихъ спискахъ.

Сарапуль,
апрѣль 1913 г.

¹⁾ Т.-е. Сарапульскому уѣзду и его окрестностямъ.

I. Mammalia. Млекопитающія.

Solidungula.

1. *Equus caballus* L. Лошадь Д.
Объясненіе сокращеній: Д. = домашнее животное, р. = рѣдко, оч. р. = очень рѣдко, ? = неувѣренность — или въ точности опредѣленія, или что видъ дѣйствительно встрѣчается въ данной мѣстности, сл. = случайно заблѣгое или завезенное, + = въ настоящее время въ краѣ вымершее или истребленное.
2. *Eq. asinus* L. Осель Д. Оч. р.

Bisulca.

3. *Sus scropha* L. domestica.
Свинья. Д.
4. *Bos taurus* L. Быкъ. Д.
5. *Cervus capreolus* L. *pygargus* Pall. Косуля. +
6. *C. alces* L. Лось.
7. *C. tarandus* L. Сѣверный олень + теперь сл.
8. *Capra hircus* L. Коза Д.
9. *Ovis aries* L. Овца. Д.

Insectivora.

10. *Eginaceus europaeus* L. Ежъ.
11. *Talpa europaea* L. Кротъ. Оч. р.
12. *Myogale moscovitica* Desm. Выхухоль. Оч. р.
13. *Crossopus fodiens* Pall. Водяная землеройка. Р.
14. *Sorex vulgaris* L. Обыкновенная землеройка. Р.

15. *S. pygmaeus* Schr.?
16. *Crocidura araneus* L.?

Chiroptera.

17. *Plecotus auritus* L. Ушанъ.
18. *Vespertilio daubentonii* Leis. — тучая мышь.
19. *V. mystacinus* Kays et Bl.
20. *Vesperugo noctula* Schreb.
21. *V. leissleri* K. et Bl.?
22. *V. nilssonii* K. et Bl.?
23. *V. nathusii* K. et Bl. Р.
24. *V. pipistrellus* P.

Carnivora.

25. *Felis lynx* L. Рысь. Оч. р.
26. *F. domestica* L. Кошка. Д.
27. *Canis lupus* L. Волкъ.
28. *C. aureus* L. Шакаль. Сл.
29. *C. vulpes* L. Лисаца.
30. *C. familiaris* L. Собака. Д.
31. *Ursus arctos* L. Медвѣдь.
32. *Meles taxus* Schreb. Барсукъ.
33. *Lutra vulgaris* Erxl. Выдра. Оч. р.
34. *Mustela martes* L. Куница.
35. *Putorius foetidus* Gray. Хорь.
36. *P. lutreola* L. Норка. Р.
37. *P. erminea* L. Горностай.
38. *P. vulgaris* Briss. Ласка.

Glires.

39. *Lepus timidus* L. Русакъ.
40. *L. variabilis* Pall. Бѣлякъ.

Ab. niger Vogd.

41. *L. cuniculus* L. Кроликъ. Д.

42. <i>Cavia sobaya</i> L. Морская свинка. Д.
43. <i>Castor fiber</i> L. + Бобръ.
44. <i>Myoxus dryas</i> Schr. Соня Оч. р.
45. <i>Pteromys volans</i> L. Летяга. Р.
46. <i>Sciurus vulgaris</i> L. Бѣлка.
47. <i>Tamias striatus</i> L. Бурундукъ.
48. <i>Arvicola glareolus</i> Schreb. Полевка.
49. <i>Arg. amphibius</i> L. Водяная полевка Р. | 50. <i>Arg. agrestis</i> Schr. (<i>rutilus</i> Pall.?). Полевая полевка.
51. <i>Cricetus frumentarius</i> L. subsp. <i>niger</i> Bogd. Хомякъ.
52. <i>Mus rattus</i> L. + Черная крыса.
53. <i>M. decumanus</i> L. Пасюкъ.
54. <i>M. musculus</i> L. Домашняя мышь.
55. <i>M. sylvaticus</i> L. Лѣсная мышь.
56. <i>M. agrarius</i> Pall. Полевая мышь.
57. <i>M. minutus</i> Pall. Малютка-м. |
|---|--|

II. Aves. Птицы.

Pygopodes.

1. *Podiceps cristatus* L. Л. = обозначаетъ птицу, прилетающую только на лѣто и къ осени улетающую на югъ, пр. = птица, попадающаяся у насъ только на весеннемъ и осеннемъ пролетахъ, гн.? = есть сомнѣнiе, гнѣздуетъ ли въ нашей мѣстности, сл. = случайно залетная. Остальныя условныя сокращения тѣ же, что и у млекопитающихъ.
2. *P. auritus* L. Л.
3. *P. griseigena* Bogd. Л.
4. *P. nigricollis* Brehm. Л.
5. *Colymbus arcticus* L. Л.
6. *C. septentrionalis* L. Л.

Longipennes.

7. *Larus cachinans* Pall. Л. Р.
8. *L. canus* L. Л. Р.
9. *L. ridibundus* L. Л.
10. *Hydrochelidon leucoptera* Sch. Л.
11. *H. nigra* L. Л.
12. *Sterna fluviatilis* Naum. Л.
13. *St. minuta* L. Л.

Limicolae.

14. *Scolopax rusticola* L. Л.
15. *Sc. major* Gm. Л.
16. *Sc. gallinago* Briss. Л.
17. *Sc. gallinula* L. Л.
18. *Tringa minuta* Leisl. Пр.
19. *Tr. temmincki* Leisl. Пр. р.
20. *Tr. alpina* L. Пр., р.
21. *Tr. subarquata* Guld. Пр., Оч. р.
22. *Limosa melanura* Leisl. Пр. (гн.?).
23. *Totanus pugnax* Briss. Л.
24. *T. hypoleucos* L. Л.
25. *T. terekus* Lath. Пр.? Л.?
26. *T. ochropus* L. Л.
27. *T. glareola* L. Л.
28. *T. stagnatilis* Bechst. Л.
29. *T. glottis* L. Л.
30. *T. calidris* L. Л.
31. *T. fuscus* L. Л.
32. *Phalaropus hyperboreus* L. Л.
33. *Numenius arquatus* L. Л.
34. *N. phaeopus* L. Л. Р.
35. *Haematopus ostralegus* Briss. Л.
36. *Vanellus cristatus* Meyer. Л.
37. *Charadrius minor* M. et W. Л.
38. *Ch. morinellus* L. Л. Р.
39. *Ch. pluvialis* L. Л.

Alectorides.

- 40. *Grus cinerea* Bechst. JI.
- 41. *Fulica atra* L. JI.
- 42. *Gallinula chloropus* L. JI.
- 43. *Crex pratensis* Bechst. JI.
- 44. *Porzana maruetta* Leach. JI.
- 45. *Rallus aquaticus* Briss. JI. P.

Gallinae.

- 46. *Gallus domesticus* L. Д.
- 47. *Meleagris gallopavo* L. Д.
- 48. *Numida meleagris* L. Д. P.
- 49. *Pavo cristatus* L. Д. Оч. p.
- 50. *Bonasa canescens* Sparrm.
- 51. *Tetrao tetrax* L. Var. *viridanus* Lor.?
- 52. *T. urogallus* L.
- 53. *Lagopus albus* Gm.?
- 54. *Coturnix communis* Bonnat. JI.
- 55. *Perdix cinerea* Briss.

Columbae.

- 56. *Turtur auritus* Gray JI.
- 57. *Columba livia* Briss Полудом.
Tr. ad. v. *intermediam* Sav. P.
- 58. *C. palumbus* L. JI.
- 59. *C. oenas* L. Оч. p. JI.

Lamellirostres.

- 60. *Mergus albellus* L. JI.
- 61. *M. serrator* L. JI.
- 62. *M. merganser* L. JI.
- 63. *Fuligula nigra* Briss. Пр.
- 64. *F. fusca* L. Пр. JI.?
- 65. *F. glacialis* L. Пр. JI.?
- 66. *F. clangula* L. JI.
- 67. *F. nyroca* Guld. Пр. JI.
- 68. *E. cristata* Leach. JI.
- 69. *F. marila* L. Пр.

- 70. *F. ferina* L. JI.
- 71. *Anas clypeata* Briss. JI.
- 72. *An. circia* L. JI.
- 73. *An. crecca* L. JI.
- 74. *An. strepera* L. JI.
- 75. *An. boschas* L. JI.
- 76. *An. acuta* L. JI., p.
- 77. *An. penelope* L. JI.
- 78. *Cygnus musicus* Bechst. JI.
- 79. *C. olor* Gm.? Оч. p.? Пр.
- 80. *C. bewickii* larr. Оч. p.?
- 81. *Anser albifrons* Sc. P. Пр.
Ans. hyperboreus Pall. Пр.
Ans. ruficollis Pall. Пр.?
- 82. *Ans. segetum* Gm. JI.
- 83. *Ans. cinereus* Meyer. JI.

Herodiones.

- 84. *Ciconia nigra* L. Пр.; JI. Оч.
- 85. *Botaurus stellaris* L. JI.
- 86. *B. minutus* L. P. JI.
- 87. *Ardea cinerea* L. JI.

Steganopodes.

- 88. *Pelecanus crispus* Bruch. З.
- 89. *Phalacrocorax carbo* L. З.

Raptores.

- 90. *Pandion haliaetus* L. JI.
- 91. *Tinnunculus alaudarius* Briss. JI.
- 92. *Erythropus vespertinus* L. JI.
- 93. *Lithofalco aesalon* L. JI.
- 94. *Falco subbuteo* L. JI.
- 95. *F. peregrinus* Briss. Кры?
- 96. *F. leucogenys* Brehm.?
- 97. *Hierofalco saker* Gm. P.
H. islandicus Briss.? З.
- H. candicans* Gm.? З.
- 98. *Pernis apivorus* L. P.
- 99. *Milvus ater* Gm. JI.

100. *Haliaeetus albicilla* Briss. Оч. п.
 101. *Aquila nobilis* Pall. Оч. п.
 102. *Aq. clanga* Pall. Оч. п.
 103. *Archibuteo lagopus* Gm. Оч. п.
 (var. *pallidus* Menzb.?).
 104. *Buteo vulpinus* Licht. Л.
 105. *Accipiter nisus* L.
 106. *Astur palumbarius* L.
 107. *Circus cineraceus* Mont. Л.
 Оч. п.
 108. *C. cyaneus* L. Л.
 109. *C. aeruginosus* L. Л.
 110. *Glaucidium passerinum* L.
 111. *Bubo maximus* L.
 Var. *sibiricus* Schl et Süss.?
 112. *Surnia ulula* L.
 113. *Nyctale tengmalmi* Gm. P.
 114. *Syrnium lapponicum* Retz.
 115. *S. uralense* Pall.
 116. *S. aluco* L.
 117. *Nyctea nivea* L.
 118. *Asio accipitrinus* Pall.
 119. *As. otus* L.
- Picariae.*
120. *Cuculus canorus* L. Л.
 121. *Iynx torquilla*.
 122. *Picus martius* L.
 123. *P. major* L. (v. *cissa* Pall.?).
 124. *P. minor* L. (v. *pipra* Pall.?).
 125. *P. leuconotus* Bechst. (v. *cirris* Pall.?).
 126. *P. tridactylus* L. (v. *crissoleucus* Pall.?). Оч. п.
 127. *Gecinus canus* Gm. P.
 128. *Alcedo ispida* L. Оч. п.
 129. *Coracias garrula* L. Оч. п., Зал.
- Passeres.*
130. *Alauda arvensis* L. Л.
 131. *Lullula arborea* L. Л.
 132. *Corvus corax* L.
133. *C. frugilegus* L. Л.
 134. *C. cornix* L.
 135. *Corone monedula* Briss. (var. *collaris* Drum.?).
 136. *Pica caudata* Ger.
P. leucoptera Gould.?
 137. *Garrulus glandarius* L.
G. var. brandtii Ev?
G. ab. (?), *var. (?) severzowi* Bogd.
 138. *G. infaustus* L. P.
 139. *Nucifraga caryocatactes* L. P.
 140. *Sturnus vulgaris* L. Л.
 Var. *merzbieri* Scharpe?
 141. *Plectrophanes nivalis* L. Зимю.
 142. *Pl. lapponicus* L.? Зимю.
 143. *Emberiza schoeniclus* L. Л.
 144. *Emb. citrinella* L. Круглый годь.
 145. *Emb. aureola* Pall. Л.
 146. *Loxia curvirostra* L. Круглый годь.
 147. *L. bifasciata* Brehm. Зимю. P.
 148. *Pinicola enucleator* L. Зимю.
 149. *Pyrrhula coccynea* De-Selys.
 Весь годь.
 150. *Carpodacus erythrinus* Pall. Л.,
 Оч. п.
 151. *Acanthis linaria* L. Весь годь?
 152. *Ac. exilipes* Coues? (an *canescens* Dyb.? *holboelli* Brehm?)
 Оч. п. Видь этотъ требуетъ болѣе точнаго опредѣленія!
 153. *Ac. sarnabina* L. Л.
 154. *Fringilla montifringilla* L. Пр.
 155. *Fr. coelebs* L. Л.
 156. *Passer domesticus* Briss. Весь годь.
 157. *P. montanus* Briss. Весь годь.
 158. *Dryospiza canaria* L. domestica.
 Очень распространенная въ неволѣ птичка.
 159. *Chrysomitris spinus* L. Весь годь.

160. *Carduelis elegans* Sph. Весь годъ.
C. var. *major* Tacz.
161. *Chloris chloris* Briss. Л.
162. *Certhia familiaris* L. (ан *C. scandulaca* Pall.?). Оч. р. Весь годъ.
163. *Chelidon urbica* L. Л.
164. *Cotyle riparia* Briss. Л.
165. *Hirundo rustica* L. Л.
166. *Caprimulgus europaeus* L. Л. P.
167. *Muscicapa grisola* L. Л.
168. *M. parva* Bechst. Л. Оч. р.
169. *M. atricapilla* L. Л. Оч. р.
170. *Ampelis garrulus* L. Весь годъ?
171. *Lanius collurio* L. Л.
172. *L. excubitor* L. Л.
173. *L. major* Pall. Л.
174. *Oriolus galbula* L. Л.
175. *Anthus arboreus* Briss. Л.
176. *Anth. pratensis* Briss. Л.
177. *Motacilla campestris* Pall. Л. Оч. р.
178. *M. flava* L. (v. *borealis* Sund.?). P. Л.
Var. *beema* Sykes. (?).
179. *M. citreola* Pall. Оч. р.
180. *M. alba* L. Л.
181. *Sitta europaea* L. Весь годъ?
182. *S. uralensis* Licht. Весь годъ?
183. *Lophophanes cristatus* Briss. Л. Оч. р.
184. *Cyanistes coeruleus* L. Л. Оч. р.
185. *C. cyanus* Pall. Л.
186. *Poecile palustris* auct. Весь годъ?
Var: *borealis* Selys.
Var. *baicalensis* Swinhoe.
Var. (?) *cincta-obtecta* Cab.?
187. *Poecile ater* L. Весь годъ?
188. *Parus major* Briss. Весь годъ.
189. *Acredula caudata* L. Л.
190. *Regulus cristatus* Koch. Л.?
191. *Locustella fluviatilis* Wolf. Л.
Var.? *L. straminea* Sev.?
192. *L. lanceolata* Temm. Л.
193. *Acrocephalus phragmitis* Bechst. Л.
194. *Acr. palustris* Bechst.? Л.
195. *Acr. dumetorum* Blyth. Л.
196. *Hypolais icterina* Vieill. Л.
197. *H. caligata* Licht. Л.
198. *Phylloscopus trochilus* L. Л.
199. *Ph. collybita* Vieill. Л.
200. *Sylvia nisoria* Bechst. Л. P.
201. *S. cinerea* Bechst. Л.
202. *S. curruca* L. Л.
203. *S. atricapilla* L. Л.
204. *Erithacus philomela* Bechst. Л.
205. *Er. suecicus* L. Л.
206. *Er. rubecula* L. Л.
207. *Er. calliope* Pall. Л. P.
208. *Ruticilla phoenicurus* L. Л.
209. *Pratincola rubetra* L. Л.
210. *Saxicola oenanthe* L. Л. P.
211. *Cinclus melanogaster* Brehm.
212. *Accentor modularis* L. Л. P.
213. *Merula merula* L. Л.
214. *Turdus viscivorus* L. Л.
215. *T. musicus* L. Л.
216. *T. iliacus* L. Л.
217. *T. pilaris* L. Л.

III. Reptilia. Пресмыкающіяся.

1. *Vipera berus* L. Л.
2. *Tropidonotus natrix* L.
3. *Lacerta agilis* L. Оч. р.
4. *L. vivipara* Jacq.
5. *Anguis fragilis* L.

IV. Amphibia. Земноводные.

1. Rana esculenta L.	5. B. variabilis Pall.
2. R. temporaria L.	6. Molge cristata Laur.
3. R. arvalis Nils.	7. M. vulgaris L.
4. Bufo vulgaris Laur.	

V. Pisces. Рыбы.

Petromyzontidae.

1. Caspiomyzon wagneri Kessl. P.

Acipenseridae.

2. Huso huso L. Оч. р. Захожая.
3. Acipenser ruthenus L. (2 формы).
4. Ac. güldenstädtii Brandt. (шишъ¹⁾
есть помъсь осетра и стерляди;
костерокъ—мелкій осетръ).

Salmonidae.

5. Salmo fario L. Оч. р.
6. Salvelinus taimen Pall.?
7. Stenodus leucichthys Güld.?
8. Thymallus thymallus L.

Cyprinidae.

9. Carassius carassius L.
10. Tinca tinca L.
11. Gobio gobio L.
12. G. uranoscopus Agass.?
13. Rutilus rutilus L.
14. Leuciscus leuciscus L.
15. L. cephalus L.
16. Phoxinus phoxinus L.
17. Idus idus L.
18. Scardinius erythrophthalmus. L.
19. Chondrostoma nasus L.
20. Aspius rapax L.

21. Abramis brama L.
22. Abr. ballerus L.
23. Blicca björkna L.
24. Alburnus alburnus L.
25. Pelecus cultratus L.

Esocidae.

26. Esox lucius L.

Siluridae.

27. Siluris glanis L.

Percidae.

28. Perca fluviatilis L.
29. Lucioperca volgensis Pall.
30. L. lucioperca L.
31. Acerina cernua L.

Gadidae.

32. Gadus lota L.

Cottidae.

33. Cottus gobio L.

Cobitidae.

34. Misgurnus fossilis L.
35. Nemachilus barbatula L.
36. Cobitis taenia L.

¹⁾ Т.-е. то, что здѣсь зовутъ шпомъ.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ: млекопитающихъ 57 (изъ которыхъ у 5 видовъ опредѣленіе сомнительно, 2 или 3 вымерли и 5 встрѣчаются только въ одомашненномъ видѣ), птицъ 217* (изъ нихъ 5 одомашненныхъ, 4 сомнительныхъ въ томъ или другомъ отношеніи), пресмыкающихся 5, земноводныхъ 7 и рыбъ 36. Только продолжительныя и тщательныя дальнѣйшія изслѣдованія покажутъ—на сколько эти цифры близки къ истинѣ. Но съ этими изслѣдованіями надо слѣдить, такъ какъ измѣненіе состава фауны происходитъ непрерывно, ежедневно, ежечасно. Уже черезъ немного десятковъ лѣтъ эти списки будутъ невѣрны во многомъ только потому, что на самомъ дѣлѣ, къ тому времени, фауна нашей мѣстности дѣйствительно измѣнится и тогда уже не будетъ возможности рѣшить—не составитель ли списковъ въ чемъ либо ошибался. Или же, наоборотъ, въ свое время—онъ былъ правъ, а составъ фауны измѣнился...

*) Какъ много еще предстоитъ работы надъ птицами, видно уже изъ того, что въ списокъ, составленный мною въ февралѣ 1911 г., вошло, не считая одомашненныхъ и сомнительныхъ для нашей мѣстности въ то время, только 187 видовъ.

КЪ ЭТНОГРАФИИ ВОТЯКОВЪ

ПРИКАМСКАГО КРАЯ.

Часть III.

СКАЗКИ и ЛЕГЕНДЫ.

Гр. ВЕРЕЩАГИНЪ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
1. Змѣя	109
2. Три брата	112
3. Волки-оборотни	115
4. Погѣ выдѣ	121
5. Сапожникъ и силачь-мельникъ	123
6. Конскій богъ	126
7. Вуко-перн	129
8. Покойница-колдунья	132
9. Банные духи	135
10. Ницїй	137
11. Ницїй-языковѣдъ	140
12. Мужикъ-языковѣдъ	143
13. Торговецъ и ницїй	147
14. Купецъ и Шайтанъ	152
15. Ямщикъ и людоморъ	154

З м ѣ я.

(Разсказъ *Шатыка*).

Молодая дѣвушка, дочь богатаго мужика, пошла къ колодцу за водой и увидѣла извѣстную въ деревнѣ колдунью. Колдунья стояла у колодца безъ всякаго дѣла. Дѣвушка испугалась колдуньи и стала за амбаръ, который былъ недалеко отъ колодца. Постояла она за угломъ минуту, другую и стала высматривать оттуда, что-де будетъ дѣлать колдунья? Колдунья постояла тутъ малость и ушла. Когда колдуньи уже не было, дѣвушка пришла къ колодцу и вытащила бадью воды. Изъ бадьи воду перелила въ ведро и взяла коромысло, чтобы унести домой. Вдругъ въ одномъ ведрѣ кто-то заплескался. Посмотрѣла она въ ведро и увидѣла тамъ змѣю (кый). Змѣя въ ведрѣ стала расти быстро... Дѣвушка ужаснулась... Оставила она ведра съ водой и убѣжала домой. Дома сказала она о случившемся отцу, матери и семейнымъ, и тѣ всей компаніей пошли къ колодцу, чтобы удостовѣриться, дѣйствительно ли въ ведрѣ змѣя. Пришли и видятъ въ ведрѣ большую змѣю. Всѣ пришедшіе туда взяли въ руки кто палку, кто камешокъ, кто рычагъ и убили змѣю. Когда змѣя была убита и брошена, бадья выполоскана, вытащили изъ колодца другую бадью. Въ вытащенной бадьѣ заплескалась такая же змѣя. Убили и эту змѣю и вытащили третью бадью. Въ этой бадьѣ змѣи уже не оказалось. Убитыхъ двухъ змѣй, какъ рѣдкихъ въ томъ мѣстѣ головъ, увезли въ городъ, чтобы продать ихъ на базарѣ. Хозяинъ, продавецъ змѣй, прежде всего зашелъ въ магазинъ, не купятъ ли тамъ змѣй. Купецъ, хозяинъ магазина, купилъ обѣихъ змѣй, и продавецъ змѣй вышелъ. Когда продавца уже не было и змѣи лежали въ магазинѣ, вдругъ одна изъ змѣй ожила. Вышла она изъ магазина и съѣла много людей, собравшихся на базаръ. Убить ее не могли.

Послѣ съѣданія людей, змѣя зашла въ одинъ изъ городскихъ домовъ, гдѣ были люди храбрые, и тамъ змѣю убили; когда ее уби-

вали, она стала выплевывать из себя съданных ею людей. Выплеваемые люди ожили и объявили начальнику города, что их проглатывала змѣя, и когда убили эту змѣю, она выплевывала ихъ обратно и они ожили.— „Откуда взялась змѣя?“ спросилъ начальникъ. Люди отвѣтили, что продалъ двухъ убитыхъ змѣй какой-то мужикъ, и одна изъ нихъ ожила, что эта самая змѣя проглатывала ихъ.

Начальникъ приказалъ отыскать продавца змѣй. Нашли его и арестовали. Между тѣмъ, какъ хозяина брали подъ арестъ, змѣя опять ожила. Продавцу змѣй приказано было убить послѣднюю, но онъ этого не могъ сдѣлать. Тогда начальникъ города велѣлъ запереть хозяина съ ожившей змѣей въ одну камеру. Заперли ихъ обоихъ, и змѣя своего хозяина съѣла. Хозяинъ кричалъ, но крика его никто не слышалъ. Черезъ нѣсколько времени отперли камеру и тамъ увидѣли только одну змѣю.— „Куда дѣлся хозяинъ?“ спрашиваютъ сторожа другъ друга. Сторожа въ недоумѣніи заключили, что арестованный сбѣжалъ и скрылся. Доложили объ этомъ начальнику и послѣдній послалъ искать сбѣжавшаго.

Змѣю опять заперли и ушли. Когда у камеры не было никого, въ это время змѣя разбила двери и вышла. Она ушла къ начальнику города и съѣхъ ихъ съѣла. Посланные начальникомъ хозяина змѣй не нашли и вернулись обратно. Одинъ изъ нихъ зналъ языкъ змѣй и, встрѣтившись съ людоедкой-змѣей, сталъ ее уговаривать, чтобы она не ѣла людей, а поступала бы по его велѣнію.— „А что велишь мнѣ дѣлать?“ спросила змѣя.— „Я привяжу тебя къ заду своей телѣги, и ты не шевелись“, отвѣтилъ знающій языкъ змѣй.— „Хорошо, буду дѣлать такъ, какъ велишь“—согласилась змѣя.

Знающій языкъ змѣй запрягъ лошадь въ телѣгу и къ заду послѣдней привязалъ змѣю. Ъхалъ знающій языкъ змѣй по дорогѣ и сталъ спускаться съ горы. Змѣя какъ толкнула телѣгу сзади, такъ она и покатила подъ гору вихремъ, такъ что лошадь убилась. Съѣхали съ горы и везти стало некому.— „Запрягись теперь въ телѣгу ты сама и вези вмѣсто лошади“—говоритъ знающій языкъ змѣй.

— „Запрягусь съ удовольствіемъ“,—отвѣчаетъ змѣя. Запряглась она вмѣсто издохшей лошади и помчалась вихремъ, такъ что сѣдокъ изъ телѣги выбросило и самая телѣга разлетѣлась въ пухъ и прахъ. Змѣя, оставивши своего сѣдока, пришла въ деревню. Въ деревнѣ зашла она въ одинъ домъ, гдѣ народу было много и тамъ взяла ее

и запрягли въ крѣпкую телѣгу. Змѣя не сопротивлялась—дала себя запрячь, какъ обыкновенная лошадь.

Въ телѣгу сѣли сильные мужики и стали кататься. Змѣя носилась быстро, какъ вѣтеръ, и, перетоптавши чуть не всѣхъ людей, убѣжала. Шаталась она вездѣ, гдѣ ей вздумалось, и встрѣтилась случайно съ силачемъ, знающимъ языкъ змѣй.—„Сдѣлайся ты мнѣ хозяиномъ, а я сдѣлаюсь конемъ“,—говорить змѣя силачу.—„Съ удовольствіемъ сдѣлаюсь“,—отвѣчаетъ силачъ. Нашли гдѣ-то телѣгу и силачъ запрячь змѣю въ этотъ экипажъ. Сѣлъ силачъ въ телѣгу и сталъ править змѣей-конемъ.

Змѣя по-прежнему носилась вихремъ, чтобы выбросить изъ телѣги сѣдока; но сѣдокъ сидѣлъ, какъ силачъ, крѣпко. Пріѣхали въ деревню, и змѣя остановилась. Силачъ смотритъ на свои руки и видитъ, что они въ мозоляхъ и крови. Онъ сталъ предлагать мужикамъ покататься на конѣ-змѣѣ. Никто изъ мужиковъ не осмѣливается. Наконецъ одинъ, повидимому здоровый, сказалъ, что онъ покатается съ удовольствіемъ, сѣлъ онъ въ телѣгу и сталъ править. Змѣя опять понеслась вихремъ и прибѣжала въ городъ. Въ городѣ, у самой церкви, сѣдокъ выпалъ и чуть не раскололъ себѣ черепъ. Церковь была отперта, и сторожа, стоявшіе на паперти, все это видѣли.

Мужикъ—сѣдокъ заперъ змѣю въ церковь и ключъ взялъ себѣ; затѣмъ онъ ушелъ и скрылся.

Сторожа о запертой змѣѣ и церковномъ ключѣ попу не сказали и змѣя оставалась тамъ, въ церкви. Утромъ попъ приходитъ въ церковь и требуетъ ключъ. Сторожа сказали, что пріѣзжалъ какой-то мужикъ на змѣѣ, чуть не убился, змѣю заперъ онъ въ церковь, ключъ взялъ себѣ и скрылся. Собрали людей и замокъ изломали. Отперли церковь и змѣя убѣжала.

Сторожей отдали подъ судъ; судили ихъ и дѣло о змѣѣ кончилось. Послѣ этого принесли въ церковь покойника. Попъ, отпѣвши покойника, приказалъ сторожамъ, когда могила будетъ готова похоронить его, но могила не успѣла, и покойника унесли въ усыпальницу. Ночью покойникъ ожилъ и сталъ стучаться въ дверь усыпальницы. Сторожа сказали объ этомъ попу, и послѣдній приказалъ ожившаго покойника убить. Убили покойника и похоронили его. Куда дѣлась змѣя—никто не зналъ.

Три брата (квинь братьяосъ).

(Разсказъ Ядыгара).

„Въ городѣ жили-были попъ, чиновникъ и мельникъ; у нихъ было по сыну, и они задумали отдать своихъ сыновей учиться наукамъ въ вѣстному колдуну. Сынъ попа назывался Васильемъ, сынъ чиновника — Иваномъ, а сынъ мельника — Яковомъ. Собрались отцы и все въ одно время отправились съ сыновьями. Приѣхали они къ колдуну. Поговорили съ нимъ, о чемъ надо, и уѣхали. Сыновья всѣхъ трѣхъ остались у колдуна. Прошло нѣсколько времени, и колдунъ въ большомъ котлѣ скипятилъ воду. Когда вода закипѣла, онъ сталъ своихъ учениковъ погружать въ воду. Сначала погрузилъ поповскаго сына и спросилъ его: „что, погрузить ли еще?“ — „Нѣтъ, больше не погружай“, — умолялъ поповичъ колдуна. Колдунъ больше не погрузилъ. Затѣмъ погрузилъ сына чиновника и тоже спросилъ его: — „погрузить ли еще?“ И этотъ сталъ умолять колдуна, чтобы больше не погрузилъ. Наконецъ, погрузилъ сына мельника, Якова, и спросилъ его: „погрузить ли еще?“ — „Погружай сколько угодно“, — отвѣтилъ Яковъ. Колдунъ погрузилъ сына мельника до десяти разъ и пересталъ. Яковъ вышелъ изъ горячей воды и сдѣлался неслыханнымъ красавцемъ и вдобавокъ — сталъ такимъ мудрецомъ-чародѣемъ, что могъ летать въ воздуху, какъ птица; а Василій съ Иваномъ ни сколько не перемѣнились. Колдунъ прогналъ ихъ, и они вернулись къ своимъ отцамъ. Прожилъ Яковъ у колдуна нѣсколько времени, учился чародѣйскому искусству, и колдунъ отпустилъ его домой. Шелъ Яковъ, много далеко — дошелъ до моря. Смотрить на морскія воды и видить: въ морю плывутъ корабельщики. Онъ вдругъ оборотился въ голубя. Махъ, махъ крыльями — и полетѣлъ навстрѣчу корабельщикамъ. Прилетѣлъ голубь и сѣлъ на мачту корабля. Посидѣлъ онъ на мачтѣ нѣсколько времени и, спустившись къ корабельщикамъ, сдѣлался человѣкомъ. — „Не знаете ли вы моихъ родителей?“ — спросилъ Яковъ.

корабельщиковъ. — „Не знаемъ“, — отвѣтили корабельщики и приняли его за бродягу. Плыль корабль по морю, много ли, мало ли и доплыль до острова съ лѣсомъ. Корабельщики, не желая имѣть на своемъ кораблѣ неизвѣстнаго бродягу, высадили его на островокъ. Яковъ остался на островкѣ, а корабельщики поплыли впередъ. Стояль Яковъ на берегу островка и вдругъ увидалъ, что къ островку этому плыветь лѣсокъ. Подплыль лѣсокъ къ ногамъ его, и онъ перескочилъ съ островка въ лѣсокъ. А въ лѣску этомъ—гладкая, красивая тропинка. По краямъ тропинки и вездѣ въ лѣску стоятъ и тихо шумять прекрасныя деревья, одно другого лучше, а на деревьяхъ — плоды зрѣлыя всякаго рода. Тутъ поютъ и птички всякія. Идетъ Яковъ по тропинкѣ и не можетъ налюбовать. Шель онъ по тропинкѣ много ли, мало ли—дошелъ до огромнаго дома. Вокругъ дома деревья прекрасныя со зрѣлыми плодами. Зашель онъ въ домъ и увидалъ тамъ старика сѣдого, какъ лунь. Онъ сидѣлъ въ комнатѣ безъ всякаго дѣла. Старикъ взглянулъ на Якова и спросилъ его: „чего тебѣ надо молодецъ?“ — „Ничего мнѣ не надо, почтенный старичокъ“, — отвѣчаетъ Яковъ. Старикъ пригласилъ Якова сѣсть и спросилъ его о томъ, о семь. Яковъ отвѣчалъ, вралъ, какъ могъ. Старикъ понравился Яковъ, и сталъ онъ уговаривать его остаться у него жить. Яковъ охотно согласился, тѣмъ болѣе, что лѣсъ представлялъ собою рай. И сталъ онъ жить у старика и дѣлать то, что онъ велѣлъ. Пожилъ Яковъ у старика день, другой и послѣднему понравился. Старикъ вручилъ Якову двѣнадцать ключей отъ двѣнадцати комнатъ, говоря: „всѣхъ ключей у меня тринадцать, но тебѣ сейчасъ вручу только двѣнадцать. Потому, если отперъ двѣнадцать комнатъ, я вручу тебѣ тринадцатый ключъ отъ тринадцатой комнаты“. Яковъ отнеръ двѣнадцать комнатъ безъ всякаго труда и сказалъ объ этомъ старику. Старикъ повѣрилъ ему и вручилъ тринадцатый ключъ. Отперъ Яковъ тринадцатую комнату и тамъ увидалъ двухъ дѣвицъ сказочной красоты. Дѣвицы сидѣли въ худыхъ платьяхъ, какъ нищенки, а хорошія платья висѣли въ шкапу старика, шкэфъ же былъ запертъ тринадцатымъ ключомъ. Вручая Якову тринадцатый ключъ, старикъ предупредилъ его, что если дѣвицы надѣнутъ хорошія платья, то онѣ улетятъ. А платья ихъ были украшены золотомъ и драгоценными камнями. — „Ты не давай имъ хорошія платья, а то онѣ улетятъ, какъ птицы“, — сказалъ старикъ. Яковъ крѣпился, крѣпился и подумалъ: „зачѣмъ-де такимъ красавицамъ худыя платья?

Надо отдать имъ хорошія“. Подумавши такъ, онъ отдалъ имъ хорошія платья. Дѣвицы надѣли на себя хорошія платья и улетѣли, сказавши Якову: „прощай, молодецъ! Теперь не увидишь насъ“. Погоревалъ Яковъ, да дѣлать нечего: не воротись. Пришелъ старикъ въ комнату и, не видя дѣвицъ, сказалъ Якову съ укоромъ: „Зачѣмъ ты отдалъ имъ платья?“ — „Я забылъ твои слова и отдалъ“, — отвѣтилъ онъ старику. Старикъ въ ту же минуту вышелъ и отправился искать дѣвицъ, а Яковъ остался въ домѣ старика. Искать старикъ дѣвицъ двѣнадцать лѣтъ. Нашелъ ихъ и привелъ. Снялъ съ нихъ чудесныя платья и надѣлъ опять прежнія худыя, драгоценныя же заперъ въ шкафъ. Живетъ Яковъ у старика и любитъ красивыми лицами дѣвицъ. Видитъ онъ, что дѣвицы сильно горюютъ о своихъ платьяхъ и опять ихъ стало ему жалко. Долго крѣпился Яковъ и, наконецъ, не вытерпѣлъ — опять отдалъ имъ платья. Дѣвицы надѣли платья и улетѣли, сказавши: „теперь прощай навсегда!“ Пришелъ старикъ въ комнату и, не видя дѣвицъ, сталъ бранить Якова, зачѣмъ-де онъ отдалъ платья. — „Онъ сильно горевалъ и мнѣ стало жаль ихъ,“ — оправдывался Яковъ. — „Ступай теперь искать ихъ самъ“, — сказалъ старикъ. — „Хорошо, пойду“, — сказалъ Яковъ и вышелъ искать дѣвицъ. Шелъ, шелъ онъ, много ли, мало ли — дошелъ до другого лѣса. Шелъ по тропинкѣ и дошелъ до избушки. Зашелъ въ эту избушку и забрался на печку. Сидитъ онъ на печкѣ и отдыхаетъ. Входитъ въ избу баба-старуха *) съ костяными ногами и, втягивая въ носъ воздухъ, говоритъ: „фу! фу! русскимъ духомъ пахнетъ. Есть чего поѣсть“. И стала она взбираться на печку, чтобы съѣсть Якова. Яковъ былъ не трусъ. Онъ ударилъ старуху по лбу онучей и сказалъ: „сначала напой, накорми, разспроси кто я, откуда и куда пошелъ; потомъ — ѣшь“. Старуха такъ и сдѣлала — сначала напоила, накормила и разспросила его; по ѣсть не стала. Она дала Якову кость чернаго вѣрона и сказала: „ты пойдешь до избушки; зайдешь въ эту избушку и сядешь на печь. Въ эту избушку зайдетъ старуха и станетъ взбираться на печь, чтобы съѣсть тебя. Ты ударь ее по лбу этой косточкой, и она тебя не тронетъ“. Яковъ взялъ косточку, поблагодарилъ старуху и вышелъ. Шелъ, шелъ онъ, много ли, мало ли — дошелъ и

*) Вѣроятно, Баба-Яга, если принять сказку за вариантъ, усвоенный отъ ской сказки.

избушки. Зашелъ въ эту избушку и взобрался на печку. Сидитъ онъ на печкѣ и отдыхаетъ. Входитъ въ избушку баба-старуха съ костяными ногами и, втягивая въ носъ воздухъ, говоритъ: „фу! фу! русскимъ духомъ пахнетъ. Будетъ чего поѣсть“. И стала она взбираться на печь, чтобы съѣсть Якова. Яковъ былъ не трусъ. Онъ ударилъ старуху по лбу косточкой и сказалъ: „сначала напой, накорми, разспроси кто я, откуда и куда пошелъ, потомъ съѣшь“. Старуха такъ и сдѣлала—напоила, накормила, разспросила, но ѣсть не стала. Она дала ему рыбу косточку и сказала: „ты пойдешь ю избушки; зайдешь въ нее и тамъ баба-старуха будетъ протягивать къ тебѣ руку, чтобы взять тебя и съѣсть. Ты ударь ее по лбу этой косточкой и, она тебя не съѣсть. Яковъ взялъ косточку, поблагодарилъ старуху и вышелъ. Шелъ, шелъ онъ по тропинкѣ и дошелъ до избушки. Зашелъ въ избушку и взобрался на печку. Сидитъ онъ на печкѣ, отдыхаетъ. Входитъ въ избушку баба-старуха и, втягивая въ носъ воздухъ, говоритъ: „фу! фу! русскимъ духомъ пахнетъ. Будетъ чего поѣсть“. Съ этими словами она стала протягивать къ Якову руку, чтобы взять его и съѣсть. Яковъ ударилъ старуху по лбу рыбьей косточкой и сказалъ: „сначала напой, накорми, разспроси, кто я, откуда и куда пошелъ, потомъ съѣшь“. Старуха отошла и сказала: „эта кость моей снохи“. Накормила, напоила старуха Якова, разспросила его, но ѣсть не стала. И говоритъ старуха: „ты иди по тропинкѣ и дойдешь до прекраснаго сада и въ этомъ саду увидишь огромный домъ; зайди въ этотъ домъ и тамъ найдешь тѣхъ дѣвицъ, которыхъ ищешь“. Поблагодарилъ Яковъ старуху и вышелъ. Шелъ, шелъ Яковъ по тропинкѣ и дошелъ до прекраснаго сада и въ этомъ саду увидалъ огромный домъ. Зашелъ онъ въ этотъ домъ и увидалъ двухъ знакомыхъ дѣвицъ.—„Я пришелъ за вами. Пойдемте со мной“, обратился онъ къ дѣвицамъ. Дѣвицы молчатъ; видимо, не намѣрены идти съ нимъ. Наконецъ, подумавши, одна заговорила: „ты иди, усячься гдѣ-нибудь. Если я увижу тебя—получишь смерть, если же нѣтъ—пойду за тобой“. Яковъ ушелъ съ вороньей косточкой въ болото, и кость воронья утопила его въ грязь чуть не по темя, а на голову его сѣлъ воронъ. Дѣвушка стала ворожить соломинками, чтобы узнать, гдѣ усячался Яковъ. Метнула она соломинки три раза въ три стороны и не узнала. Метнула четвертый разъ въ четвертую сторону и говоритъ другой дѣвицѣ: „смотри-ко, смотри-ко, гдѣ онъ. Завязъ въ болото, а на го-

ловѣ его — воронѣ. Вернись молодецъ: увидала тебя“ — говоритъ дѣвица Якову въ открытое окно. Пришелъ Яковъ къ дѣвицамъ не въ духѣ и говорить: „позвольте успрятаться въ другой разъ“. — „Иди, успрячься“, — соглашаются обѣ дѣвицы. Ушелъ Яковъ съ рыбей косточкой къ морю, которое было за лѣсомъ, и нырнулъ въ воду. Дѣвушка стала гадать соломинками, чтобы узнать, куда успрятался молодецъ. Метнула она соломинками три раза въ три стороны и не узнала; метнула четвертый разъ въ четвертую сторону и говоритъ другой дѣвицѣ: „Посмотри-ко, посмотри въ окошечко. Онъ въ водѣ на рыбѣ“. Дѣвицы возвысили голосъ и стали звать Якова. Вернулся Яковъ въ домъ и просить позволенія успрятаться третій разъ. — „Иди, успрячься“, — соглашаются дѣвицы. Ушелъ Яковъ въ лѣсъ и тамъ муравьиное масло обмазало его всего и муравьи обсыпали его. Дѣвушка метнула соломинкой однажды и говоритъ другой: „Посмотри-ко, сестра, гдѣ онъ успрятался. Онъ въ муравейникѣ, а на немъ ползаетъ муравьи“. Дѣвушки стали звать его къ себѣ. Яковъ пришелъ къ нимъ и палъ предъ ними на колѣни. — „Позвольте“, — говоритъ, — „успрятаться четвертый разъ и тогда что хотите, то и дѣлайте со мной“. Дѣвушки согласились и на четвертый разъ. Пошелъ Яковъ къ крыльцу, думая, гдѣ бы успрятаться. Тутъ случайно встрѣтилъ служанку дѣвицъ и ей стало жаль Якова. Она была изъ знающихъ и сказала ему шопотомъ, чтобы не услышали дѣвицы: „ты выпросись итти по большому крыльцу. Тамъ увидишь окошечко, а за окошечкомъ зеркало. Вотъ за это зеркало и спрячься: онѣ тебя не найдутъ, не увидятъ“. Вернулся Яковъ къ дѣвицамъ и сталъ просить позволенія итти по большому крыльцу. Дѣвушки долго не соглашались пустить его итти по большому крыльцу; наконецъ, усиленная просьба Якова склонила къ соглашенію. Вышелъ Яковъ и пошелъ по большому крыльцу. Тамъ, по словамъ служанки, увидалъ окно, а за нимъ — зеркало. Сталъ онъ за зеркало и стоитъ. Дѣвушки метали, метали соломинками — узнать не могли, и заплакали. — „Ну, иди“, — сказали онѣ, возвысивши голосъ. Яковъ пришелъ къ нимъ, взялъ ихъ за руки и повелъ; а чтобы онѣ не улетѣли опять, снялъ съ нихъ драгоценныя одежды и завязалъ ихъ въ платокъ и вмѣсто дорогихъ надѣлъ на нихъ худыя. Привелъ ихъ къ старику и платокъ съ платьями заперъ въ шкапъ. А старика уже нѣтъ въ живыхъ; вмѣсто него въ домѣ хозяйничаютъ одни слуги, которыхъ взялъ онъ послѣ Якова.

Живеть Яковъ въ домѣ старика и хозяйничаетъ. Изъ-за дѣвицъ-красавицъ слуги стали замышлять убить Якова; но убить его не убили, а стали требовать выдачи дѣвицъ подѣ страхомъ смерти.— „Возьмите ихъ“,—сказалъ Яковъ и отступился отъ дѣвицъ. Первый изъ слугъ, который взялъ себѣ дѣвицу, отдалъ ей драгоценное платье и она улетѣла. Другой крѣпился долго,—не отдавалъ платья. Наконецъ, и онъ отдалъ. Улетѣла и другая. Яковъ опять пошелъ искать дѣвицъ. Шелъ, шелъ онъ, много ли, мало ли—дошелъ до медвѣжьей берлоги. Спустился въ эту берлогу и тамъ засталъ однихъ медвѣжатъ. Онъ сталъ играть съ медвѣжатами. Наигрался, выползъ изъ берлоги и опять пошелъ. Вернулась медвѣдица въ свою берлогу и медвѣжата сказали ей, что былъ у нихъ человекъ; поигралъ-де съ ними и ушелъ. Медвѣдица погналась за Яковымъ. Догнала его и взяла въ лапы. Принесла его къ бревну и бревно положила на него. Якова бревномъ задавило и онъ тутъ умеръ. Медвѣдица сняла съ головы его черепъ и мозгъ съѣла. Такъ Яковъ и кончилъ жизнь“.

Волни—оборотни.

(Разсказъ *Ядыгара*).

Въ известной мнѣ деревнѣ жилъ охотникъ, человекъ среднихъ лѣтъ. Онъ дичь стрѣлялъ мало, больше ловилъ въ капканы и силки, которыхъ ставилъ множество. Недалеко отъ деревни были два бора: одинъ четырехугольный, другой трехугольный. Въ этихъ борахъ водилось множество рябчиковъ, тетеревей и глухарей. Забѣгали туда и зайцы. Однажды поставилъ онъ силки въ четырехугольномъ бору. Здѣсь устроенъ былъ имъ и шалапъ. Въ шалапѣ этомъ онъ иногда и спалъ. Наставилъ силковъ и зашелъ въ шалапъ закусывать и отдохнуть. Это было утромъ. Какъ только солнце поднялось высоко, рябчики засвистали, тетерева затокали. Это значило, что птицы эти собираются рыться въ песокъ между деревьями. Силки были поставлены тамъ, гдѣ ходили и рылись въ песокъ птицы. Въ шалапѣ онъ сидѣлъ и лежалъ долго, до вечера. Наконецъ пришло время посмотреть силки. Вышелъ изъ шалапа и направился къ силкамъ, думая, что если-де ловля будетъ хорошая, онъ приобрететъ капиталецъ. Съ такой думой сталъ онъ осматривать силки. Посмотрѣлъ тотъ, другой, третій силковъ. Во всѣхъ силкахъ оказались рябчики, которые бился изъ всѣхъ силъ, чтобы оторвать свои силки. Охотникъ съ радости и не сталъ собирать свою дичь, а бѣгомъ вернулся домой позвать на помощь своего сѣдого отца, который въ молодости тоже былъ охотникомъ. Отецъ обрадовался счастью сына и пошелъ въ боръ, чтобы помочь сыну убрать дичь. Пришли въ боръ и къ немалому огорченію видятъ, что всѣ силки порваны и рябчики улетѣли. Наставили опять вдвоемъ множество силковъ и ушли въ шалапъ, думая, что рябчики опять попадутся. Просидѣли въ шалапѣ долго и ушли къ силкамъ. Силки всѣ оказались пустыми, т.-е. ни въ одинъ птица не попала. Охотникъ съ печалью собралъ силки и отца проводить домой. После проводовъ отца, онъ ушелъ въ трехугольный боръ, думая, что птицы улетѣли туда. Поставилъ здѣсь тоже множество и ушелъ въ шалапъ, который былъ устроенъ и здѣсь, какъ въ четырехугольномъ бору. Сидя

въ шалашѣ, онъ и теперь думалъ, что если-де ловля будетъ хорошая, онъ сколотитъ капиталецъ. По прошествіи нѣкотораго времени, пришелъ къ силкамъ... Посмотрѣлъ всѣ силки, но они оказались нетронутыми, только въ два силка, какъ видно, попадались рябчики, но—оторвавши силки—улетѣли. Наставилъ опять, гдѣ было нужно, и ушелъ.—„Не стану теперь дожидаться здѣсь. Уйду домой и приду черезъ два-три дня“—сказалъ онъ мысленно и ушелъ домой. Черезъ нѣсколько дней опять пришелъ посмотреть. Опять ни въ одинъ силокъ рябчикъ не попался. Изъ этого бора онъ ушелъ въ поле и тамъ, среди него, поставилъ десять крѣпкихъ силковъ. Онъ думалъ, что можетъ быть-де попадется какой-нибудь звѣрокъ. Поставилъ и ушелъ. Черезъ день, другой пришелъ туда. Посмотрѣлъ и на мѣстѣ одного силка увидалъ волчьи слѣды, а самого силка тутъ нѣтъ: видимо, волкъ попалъ и ушелъ съ силкомъ. Силокъ онъ на этомъ мѣстѣ уже не поставилъ: „довольно“—сказалъ онъ—„девяти силковъ“. Онъ сбѣгалъ въ сосѣдствѣ съ силками шалашъ и сталъ тамъ сидѣть и высматривать въ сбѣланное окошечко, какіе звѣрки будутъ ходить около силковъ и кто попадется въ ловушку его. Онъ ждалъ, ждалъ, смотрѣлъ въ сторону силковъ и вдругъ увидалъ, что къ шалашу его идетъ много волковъ. Пришли они къ шалашу, остановились у него и стали выть. Они, почувявъ живое мясо, стали окружать шалашъ. Охотникъ, испугавшись, заперся крѣпко. Волки стали грызть и царапать шалашъ. Наконецъ, шалашъ удалось имъ уронить и полъ развалинами его охотникъ погибъ. Охотника дома ждали долго, но онъ не вернулся. Ушли искать его отецъ и мать. Отецъ взялъ съ собой и заряженное ружье, порохъ и дробь. Пришли къ шалашу и около него увидали слѣды волковъ.—„Не волки ли его съѣли?“—подумали они и пошли по слѣдамъ волковъ. Шли они и вездѣ стали находить разбросанные силки, а волковъ самихъ не видно.—„Зачѣмъ итти къ волкамъ? Они насъ съѣдятъ“,—сказала мать охотника.—„Надо стрѣлять волковъ“,—возразилъ на это старикъ. Старуха на это ничего не сказала и пошла за старикомъ. Шли, шли они и дошли до волковъ. Волки, какъ только увидали ихъ, заговорили по-человѣчьи:—„Пойдемъ къ нимъ навстрѣчу и растерзаемъ ихъ“—сказали они. Прибѣжали къ нимъ и стали ихъ рвать и ѣсть... Сосѣди-односельцы, узнавши, что охотникъ и родители его долго не возвращаются, ушли искать ихъ и пришли къ нимъ въ то самое время, когда

ихъ волки рвали по частямъ. Волки, увидавши ихъ, заговорили опять по-человѣчьи: „Это кто идетъ къ намъ?“—„Зачѣмъ они говорятъ по-человѣчьи?“—въ свою очередь стали говорить мужики, удивленные разговорами волковъ. Мужики осмѣлились подойти къ волкамъ ближе. и послѣдніе спросили ихъ:—„Вы зачѣмъ сюда пришли?“—„Ищемъ людей, которые ушли въ поле и не вернулись“,—отвѣтили мужики.—„Мы съѣли ихъ, но не знаемъ, кто они“,—отвѣтили волки. Мужики. услыхавши это, сильно испугались и побѣжали домой.—„Куда бѣжите?“—кричали имъ вслѣдъ волки... Мужики не отвѣчали, только бѣжали.—„Давайте и ихъ съѣдимъ“—заговорили между собою волки и погнались за убѣгающими мужиками. Мужики такъ испугались, что упали на землю. Волки набѣжали на нихъ и хотѣли растерзать ихъ, но они, мужики, стали упрашивать волковъ, чтобы они не трогали ихъ. Волки пожалѣли ихъ и не тронули.—„Ступайте къ односельцамъ и скажите имъ, что вы видѣли волковъ Степановъ Ивановъ Иваннычей“,—сказали волки мужикамъ.—„Хорошо, все скажемъ“,—отвѣтили мужики и ушли домой. Пришедши въ деревню, мужики сказали односельцамъ, что они видѣли волковъ, долгохвостыхъ Степановъ Ивановъ Иваннычей. Мужики собрались на сходку и на ней порѣшили идти на волковъ съ ружьями и саблями. Пришли и увидали волковъ. А волки, увидавши ихъ, заговорили по-человѣчьи:—„Какой-де это народъ идетъ къ намъ?“ Мужики разстрѣляли ихъ и затѣмъ послали въ деревню за лошадьми, чтобы увезти убитыхъ волковъ. Когда мужики, въ ожиданіи лошадей, караулили волковъ, послѣдніе стали оживать и мужики опять стали ихъ стрѣлять. Наконецъ пріѣхали посланные и телѣги наполнили мертвыми волками. Увезли ихъ домой и оттуда отправили неободранныхъ продавать. Въ числѣ убитыхъ волковъ одинъ былъ необыкновенно легокъ, но и его продали. Продавши волковъ, мужики вернулись съ радостью и раздѣлили деньги. Дали деньги и тѣмъ, кто былъ на облавѣ. Черезъ нѣсколько времени закупщики убитыхъ волковъ пріѣхали въ деревню и сказали, что волки ожили и разбѣжались, оторвавши закупщикамъ носы, только-де на бѣду и на изьянъ купили волковъ. И стали требовать закупщики волковъ деньги обратно. Мужики денегъ обратно не дали. Закупщики вернулись обратно домой. Тѣмъ дѣло и кончилось. „Это были не настоящіе волки, а оброченные въ волковъ люди“,—сказали мужики.

Попъ — нылъ (поповна).

(Разсказъ *Кама*).

Подъ словомъ „попъ — нылъ“ (поповна) должно разумѣть дочь не христіанскаго священника, а жреца, которыхъ мѣстами называютъ попами.

„Въ одной деревнѣ жена попа съ малолѣтней дочерью ушла въ баню париться и мыться. Попарившись и помывшись, онѣ ушли домой. Дома дочери надо было обуться, да лаптей не оказалось: забыла ихъ въ банѣ. Сказала объ этомъ матери и послѣдняя обругала ее шайтаномъ. Дочь молча вышла изъ избы и направилась къ банѣ. Зашла она въ баню за лаптями и тамъ шайтаны взяли ее въ свою семью, а вмѣсто нея послали съ лаптями къ попу дѣвочку изъ своей семьи, имя которой было Уня. Она была похожа лицомъ на дочь попа. Уня совсѣмъ не росла и оказалась сиднемъ. Мать думала, что она такую и родилась и, конечно, и въ мысляхъ не имѣла, что это — ребенокъ шайтановъ. Ее въ семьѣ не любили. А дочка попа жила у шайтановъ. О судьбѣ ея ни отецъ, ни мать совсѣмъ не знали. Она росла, какъ настоящій человекъ и стала уже невѣстой. Наконецъ, шайтаны сказали ей: „Принци себѣ жениха и отпустимъ тебя“. И стала она прискивать себѣ жениха. А чтобы понравиться женихамъ, начала одѣваться въ шелковыя платья.

Однажды, поздно вечеромъ, холостой парень, сынъ попа, спустился къ рѣчкѣ съ лошадыю, чтобы напоить ее, а на берегу этой рѣчки стояла баня попа. Въ то время, когда парень держалъ лошадь за поводъ узды и послѣдняя пила воду, вдругъ подошла къ парню въ шелковомъ платьѣ дѣвушка, вышедшая изъ бани и спросила его, не возьметъ ли де ее замужъ? А кто была эта дѣвушка — уже извѣстно. Она была та самая, которую взяли шайтаны, а свою дочь, Уню, послали къ попу. Парень ее не зналъ и, какъ незнакомой,

отвѣтилъ, что замужъ ее не возьметъ. — „Если не возьмешь, я тебя убью“, — сказала на это дѣвушка. Парень напоилъ коня и пошелъ, ведя послѣдняго за узду. Дѣвушка пошла за нимъ. Зашла она въ избу и въ тотъ же моментъ бросилась ей въ глаза Уня. — „Бросьте эту дѣвушку за окно. Она — не человѣкъ, а дочь шайтановъ“, — сказала дѣвушка семейнымъ, при чемъ рассказала исторію обмѣна, и семейные повѣрили ей и выбросили Уню за окно. Въ ту же минуту подь окномъ шайтаны заговорили: „Уня! Уня!“ Такъ и избавилась дѣвушка отъ шайтановъ“.

Къ основанію такого разсказа послужило повѣрье, что если ребенокъ родился сиднемъ, то это — подмѣненный ребенокъ, что онъ — дитя нечистыхъ духовъ, а настоящее унесено шайтанами за то, что матери ругали ихъ.

Подобное повѣрье существуетъ и у русскихъ.

Сапожникъ и силачъ-малышъ.

Сапожникъ, не имѣющій собственнаго дома, ходилъ по деревнямъ, ища себѣ работы. Пришелъ въ одну деревню и тамъ мужикъ заказалъ ему шить сапоги. Сапоги заказчику очень понравились и онъ расхвалилъ мастера другимъ. Сапожникъ шилъ сапоги и другому заказчику, но этому сапоги почему-то не понравились, и онъ мастеру денегъ за работу сполна не заплатилъ. Сапожникъ подалъ жалобу на мужика судѣ. Мужикъ далъ судѣ денегъ, и послѣдній въ жалобѣ сапожнику отказалъ. Тогда сапожникъ подалъ жалобу старшему судѣ, и старшій судья приказалъ сапожнику и младшему судѣ явиться къ себѣ. Сапожникъ съ младшимъ судьей сѣли въ телегу и поѣхали. Ъхали они много-ли, мало-ли по открытому полю и пришлось ѣхать лѣсомъ. Опять ѣхали они лѣсомъ много-ли, мало-ли и увидѣли въ лѣсу избушку. Остановились у избушки и зашли въ нее. Въ избушкѣ увидали двухъ мужиковъ огромнаго роста. Одинъ мужикъ вѣроятно, зналъ сапожника и говоритъ ему: „Сапожникъ! сшей ты мнѣ сапоги сейчасъ же. Если не сошьешь—я тебя убью“. — „Какъ тебѣ я сошью, когда у меня нѣтъ съ собой ни шила, ни нитокъ, ни товара,“ — отвѣчалъ на это сапожникъ. — „Все это у насъ найдется.“ — продолжаетъ великанъ. — „Хорошо, сдѣлаю; только согласишься-ли подождать мой товарищъ“, говоритъ опять сапожникъ. Сапожникъ остановился, а судья, испугавшись великановъ и не желая жать сапожника, убѣжалъ. Сапожникъ, оставшись у великановъ, тоже сталъ бояться ихъ и, улучивъ время, какъ судья, убѣжалъ и скрылся. Шелъ онъ лѣсомъ много-ли, мало-ли, услышалъ за собой погоню: погнались за нимъ великаны. Спрятаться было негдѣ, и онъ взобрался на высокое дерево и сталъ сидѣть на вершинѣ его. Преслѣдователи замѣтили присутствіе его и стали рубить дерево. Рубили, рубили они, и дерево начало падать. Сапожникъ, когда дерево начало падать, прыгнулъ и ухватился за вѣтвь стоящаго рядомъ лиственнаго дерева; спрятался въ листьяхъ его и сидѣлъ, а погонщикамъ его не

видно. Когда срубленное дерево свалилось, а сапожника на немъ оказалось, погонщики подумали, что сапожникъ вошелъ внутрь дерева, и они стали рубить дерево на части. Дерево оказалось дуплисты́мъ и изъ него выбѣжала ящерица. Погонщики въ восторгъ сказали, что сапожникъ находится въ деревѣ, что палець его убитъ отрубленъ (они приняли ящерицу за палець его). Пересѣкли они ящерицу и стали дерево рубить на мелкія полѣнья. Изрубили дерево—сапожника не нашли и съ досады стали между собою ругаться. Ширѣ, далѣ—стали уже драться. Въ дракѣ одинъ другого заступилъ топоромъ. И остался великанъ безъ товарища. Сапожникъ, когда соскочилъ съ дерева и ухватился за вѣтвь другого, тихонько сползъ съ дерева и убѣжалъ. Отошелъ онъ недалеко и опять взобрался въ высокое дерево. Великанъ, убившій товарища, сталъ бродить по лѣсу. Увидалъ онъ дерево, на которомъ сидѣлъ сапожникъ, и сталъ рубить его на дрова. Когда дерево начало валиться, сапожникъ опять прыгнулъ на другое дерево, и когда великанъ рубилъ дерево, великанъ остался тутъ-же. Бѣжалъ сапожникъ много-ли, мало-ли—убѣжалъ изъ лѣсу и пришелъ въ деревню. Зашелъ въ одну избушку и тамъ на шесткѣ, въ золѣ, увидалъ сидня, который оказался двенадцатилѣтнимъ. — „Гдѣ твой отецъ и мать?“ спрашиваетъ сапожникъ сидня. — „Они молотятъ на гумнѣ“, — отвѣчаетъ парень-сидень. А въ это время на шесткѣ, рядомъ съ сиднемъ, былъ горнъ, подъ которымъ въ висячемъ котлѣ что-то варилось. — „Что у васъ варится на шесткѣ?“ спросилъ сапожникъ сидня. — „Пиво“, — отвѣчаетъ парень. — „Дай мнѣ этого пива“, — проситъ сапожникъ. Парень слѣзъ съ шестки и откуда-то принесъ онъ цѣлую корчагу пива. — „Ну, пей“, — угощаетъ сапожника сидень. — „Выпей сначала самъ“, — говоритъ сапожникъ. Парень-сидень выпилъ цѣлую корчагу пива и принесъ еще четыре корчаги. Сапожникъ велѣлъ выпить пиво и изъ этихъ корчагъ самому же ему. Онъ выпилъ все это пиво одинъ и сапожникъ сталъ звать его съ собой. Парень согласился. Взяли они съ собой, что было нужно, и пошли. Шли они много-ли, мало-ли—и пришли въ лѣсу. Въ лѣсу они остановились у двухъ одинаковыхъ толщиной деревьевъ и стали препираться между собой, которому срубить дерево прежде. Сапожникъ говоритъ: „я срублю прежде“. Сидень-парень возражаетъ, что онъ срубить мигомъ. Рубили, рубили—дерево сапожника свали-

лось прежде. Тогда стали биться объ закладъ, кто кого убьетъ однимъ ударомъ кулака? Сначала ударилъ сапожника сидень-парень, и отъ удара его переломились всѣ кости сапожника. Послѣ этого парень-сидень сталъ чувствовать въ себѣ необыкновенную силу. Оставилъ онъ изувѣченнаго имъ сапожника и пошелъ въ городъ. Идетъ онъ по дорогѣ и встрѣчается съ ѣдущимъ въ телѣгѣ. Тутъ сидню-парню опять захотѣлось подраться—пробовать силу. Но какъ начать драку безъ причины? И кричитъ онъ встрѣчному: „сворачивай съ дороги! Видишь, иду я“. — „А ты развѣ не видишь, что я ѣду въ телѣгѣ“, — возражаетъ ѣдущій въ телѣгѣ. „А, ты вздумалъ еще грубіанить!“ сказалъ на это парень и ударилъ встрѣчнаго кулакомъ. Ыздохъ тутъ-же умеръ. Затѣмъ силачъ ударилъ лошадь ѣздока, и она издохла. Довольный тѣмъ, что убилъ ѣздока съ лошадей, парень-силачъ пошелъ. Шелъ онъ много-ли, мало-ли—увидѣлъ медвѣдя. Сталъ онъ и медвѣдя вызывать на поединокъ; но медвѣдь бороться съ нимъ отказался. — „Ну, ударь меня кулакомъ“, — сказалъ силачъ-сидень. Медвѣдь ударилъ его по спинѣ изо всей силы, но парень отъ удара его не почувствовалъ и малѣйшей боли. Затѣмъ ударилъ медвѣдя силачъ и сразу убилъ его. Взялъ онъ медвѣдя себѣ на плечи и понесъ. Шелъ онъ много-ли, мало-ли—встрѣтился съ пѣшеходомъ. — „Не понесешь ли, братъ, мою ношу на себѣ?“ — спросилъ онъ встрѣчнаго. — „Понесу“, — отвѣтилъ пѣшеходъ и взялъ онъ убитаго медвѣдя на плечи. Шагнулъ пѣшеходъ разъ, другой и понесся какъ вѣтеръ. Парень-силачъ погнался за нимъ, но его и слѣтъ простытъ. И пошелъ парень опять по лѣсной дорожкѣ одинъ. Шелъ, шелъ онъ много-ли, мало-ли—увидѣлъ Нюлэсмурта. И сталъ онъ вызывать Нюлэсмурта на поединокъ. Нюлэсмуртъ ударилъ парня-силача, и онъ тутъ же умеръ. Такъ и кончился парень-силачъ, а Нюлэсмуртъ пошелъ своей дорогой.

Конскій богъ.

(Разсказъ вотяка *Карна*).

„Происшествіе, о которомъ я намѣренъ сообщить сейчасъ случилось со мной въ началѣ посѣва озимей, именно—въ первыхъ числахъ августа, когда у насъ сѣютъ рожь“. — „Надо было приступить къ посѣву озимей, а кони наши паслись въ бору, гдѣ корму было довольно, а паровые представляли выжженные солнцемъ степи. Въ весь кормъ былъ выѣденъ и вездѣ было черно. Я пригласилъ товарищи своего односельца, Перфила, у котораго лошадей тоже не было. Онъ согласился и мы, взявши узды, пошли искать свои коней въ сторону Кечевской мельницы, близъ которой обыкновенно паслись наши коня. Шли мы сначала по открытымъ низменнымъ местамъ, по которымъ протекала рѣчка, запруженная у Кечевской мельницы; потомъ, когда прошли открытыя мѣста, пришли въ лѣсъ. Здѣсь, я перешелъ за ту сторону, рѣчки, а Перфилу велѣлъ идти по берегу этой стороны, чтобы скорѣе найти лошадей, которыя обыкновенно паслись близъ воды. Итакъ, мы идемъ по обѣмъ сторонамъ рѣчки, перекликаемся другъ съ другомъ, ни мало ни думая, что можетъ случиться съ нами неприятое. Я шелъ по избранному мной правленію, подавалъ голосъ своему товарищу, а онъ откликался. Вдругъ Перфиль на мои крики откликаться не сталъ. Я перешелъ черезъ рѣчку и направился въ ту сторону, откуда былъ слышенъ послѣдній откликъ товарища. Кричалъ долго, громко, но отклика было слышно. Прошелъ Кечевскую мельницу и все иду впередъ держась ближе къ берегамъ рѣчки. Отъ Кечевской мельницы верста въ шесть была другая мельница подъ названіемъ „Тудшуръ-вузъ“. Дохожу до этой мельницы и все кричу товарища. Кричалъ долго, громко, но ни его, ни своихъ коней не нашелъ и усталый голодный вернулся домой, думая, что Перфиль нашелъ коней и

сказавшись мнѣ, вернулся домой. Признаться, по слабости человѣческой, я въ умѣ ругалъ его и сердился на него. за то, что онъ не откликнулся на мои крики. Я думалъ, что онъ напещи своихъ коней, не сказался мнѣ и уѣхалъ домой. Въ слѣдующій день, подъ вечеръ, я пошелъ къ Перфилю съ цѣлью пожурить его, думая, что онъ вернулся съ конями. Но напрасно я сердился на него: онъ вернулся домой только до моего прихода къ нему и сообщилъ мнѣ слѣдующее: „Какъ только мы разстались съ тобой“ — сказалъ онъ — „я ушелъ довольно далеко. Впереди меня, совсѣмъ въ другой сторонѣ, кричалъ человѣческій голосъ: „Кони твои здѣсь, кони твои здѣсь!“ А твоего голоса совсѣмъ не слыхалъ. Шелъ я все впередъ, въ сторону голоса. а за собой твоего голоса не слыхалъ. Кто-то все кричать „Кони твои здѣсь“, а дойти до самаго кричащаго не могъ. Усталъ ужасно и проголодался, въ добавокъ еще заблудился — совершенно не зналъ, гдѣ я нахожусь. Чувствовалъ что водить меня какой-то таинственный лѣсной духъ. Наконецъ, вспомнилъ объ истинномъ Богѣ. Палъ на колѣни и сталъ молиться, какъ могъ. Просилъ Его вывести меня изъ заблужденія и тѣмъ избавить отъ коварства недобрыхъ духовъ. И тутъ совершилось—можно сказать—чудо. Вдругъ явились предо мною мои кони и я, поймавши ихъ, надѣлъ на каждую узду; сѣгъ на одного изъ нихъ и поѣхалъ, давши волю самому коню идти туда, куда онъ хочетъ; а волю далъ я ему потому, что совсѣмъ заблудился и не зналъ совершенно, куда мнѣ должно идти. И такъ, я ѣду и веду за собой пойманныхъ лошадей... Вдругъ сталъ выходить изъ лѣса ко мнѣ огромнаго роста и страшнаго вида полу-человѣкъ. полу-конь. Одежда на немъ вотская-мужицкая поддевка; опоясанъ онъ ремнемъ шириною вершковъ пять, а на огромной головѣ сѣрая шляпа изъ овечьей шерсти грубой работы. Руки его широки, какъ лопата, а ноги какъ есть ноги у лошади. Я страшно испугался и едва держался на своемъ конѣ. А кони мои, не обращая вниманія на страшнаго великана съ лошадиными ногами и шли мимо его. Тутъ же и появился табунъ чужихъ коней. Я опять вспомнилъ истиннаго Бога и перекрестился. Великанъ остановилъ меня и сталъ разговаривать со мной ласково, вѣжливо; училъ меня; какъ надо кормить лошадей, какъ слѣдуетъ ухаживать за ними и какой масти держать ихъ: при этомъ добавилъ, что онъ лошадей „своихъ“ любить и кормить ихъ, ухаживаетъ за ними въ полѣ и конюшняхъ, заботится объ нихъ.

Коснулся и нашей голубой лошади, которая была очень пуглива. О ней, между прочимъ, сказалъ, что лошадь эту конскій богъ (Вальутъисъ) не любитъ, что ее пугаетъ онъ, оттого-де она и пуглива. Когда онъ разговаривалъ со мной, табунъ лошадей окружилъ его и всѣ стали ласкаться къ нему, а онъ что-то говорилъ имъ нѣжно, ласково, но нѣжность обращенія его совсѣмъ не соответствовала страшному виду. Это былъ—конскій богъ. Поговорилъ онъ со мной еще кое о чемъ и вдругъ его не стало видно. Тутъ я вспомнилъ, что забылъ спросить великана о томъ, въ которую сторону мнѣ нужно ѣхать, что бы быть на дорогѣ. Какъ только я подумалъ такъ, вдругъ выѣхалъ на большой покосъ, среди котораго пролегаетъ большая дорога, и тамъ увидалъ проѣзжающихъ татаръ. — „Куда идетъ эта дорога?“ спросилъ я татаръ. — „Идетъ она въ Вальень“. — „А далеко ли до Вальена?“ — „Близко“ — отвѣтили татары и проѣхали. Я поѣхалъ въ эту деревню съ цѣлью переночевать въ ней, такъ какъ время уже было вечернее, а ѣхать домой было не близко, притомъ же ѣхать одинъ безъ товарища боялся. Пріѣхалъ въ деревню и переночевалъ въ ней у знакомыхъ. Утромъ, какъ только стало свѣтать, отправился домой. Черезъ нѣсколько времени кончилъ посѣвы и продалъ голубка, а вмѣсто него купилъ каряго мерина. Держалъ я этого мерина до весны и любовался имъ. Но вотъ пришла весна и мой меринъ захворалъ. Надо пахать, а не на комъ. Это заставило меня обратиться къ ворожейкѣ, чтобы узнать причину болѣзни коня. Поровожила мнѣ ворожейка и рассказала исторію моихъ приключеній въ началѣ посѣва озимовыхъ хлѣбовъ, между тѣмъ объ этомъ я никому не говорилъ. Ворожейка, рассказавши мнѣ исторію моихъ приключеній, посоветовала принести въ жертву пару щукъ въ конскомъ дворѣ и пару — въ отдѣльной конюшнѣ. Тогда — сказала она — конскій богъ поправитъ твоего каряго мерина; будетъ лучше и другой скоть. Поровожила мнѣ ворожейка и я вернулся домой. А такъ какъ это было весной въ самую пору ловли щукъ, то двѣ пары этой рыбы нашелъ легко, каждая рыба была длиною не менѣе двухъ четвертей. Принесъ я въ жерву пару щукъ на конскомъ дворѣ и пару въ отдѣльной конюшнѣ, и конь мой выздоровѣлъ и сталъ еще лучше.

По словамъ рассказчика, при жертвоприношеніи щукъ ихъ отнюдь не перевариваютъ и костей не раздробляютъ.

В у н о - п е р и .

(Вумуртъ Кышнд).

— „И я на своемъ вѣку видалъ виды“, — сказалъ созатъ Федотъ, приготавлиаясь къ повѣствованію о видѣніи имъ женщины — **вумуртъ** (водяныхъ духовъ). Разсказъ свой Федотъ предложилъ **вниманію** слушателей, изъ которыхъ нѣкоторые говорили о привидѣніяхъ, о томъ, кто что видѣлъ.

— „Это было весной, предъ разливомъ рѣкъ, т.-е. до выпуска воды, изъ мельничныхъ прудовъ. Въ деревнѣ нашей была пирושка, а у меня муки уже не было. Чтобы не остаться безъ муки, должно было поспѣшить на мельницу до выпуска воды. Насыпалъ я въ **мѣшки** жита и отправился на мельницу. Мельникомъ былъ **русскій мужикъ**, любившій выпивать. Зашелъ въ помольную избу и тамъ мельника засталъ снящимъ постль изрядной выпивки. Я разбудилъ его кое-какъ и сказалъ ему, что привезъ молоть жито. Онъ велѣлъ насыпать его въ ковшъ мнѣ одному и пустить мельницу въ дѣйствіе. **Сказалъ и** опять легъ спать. Я видѣлъ, что онъ не въ силахъ помочь **мнѣ и** вышелъ изъ помольной избы. Мѣшки съ житомъ унесъ на мельницу и, насыпавши жита въ ковшъ, мельницу пустилъ въ ходъ. **Воды** было много, и мельница молола хорошо. Я стоялъ у ларя и **смотрѣлъ**, какъ сыплется мука. Прошло нѣсколько времени и **подъ** мельницей, у самага водяного колеса, что-то вдругъ затрещало, и **мельница** остановилась совсѣмъ. А такъ какъ это было уже ночью и мельница освѣшалась лампой, поставленной въ фонарь, то я **взялъ** фонарь и сталъ осматривать кругомъ, не увижу ли какой-либо порчи. Но ничего особеннаго не увидѣлъ. Удивленной остановкой мельницы, я ушелъ въ помольную избу будить мельника, который спалъ крѣпко; но разбудить его не удалось. Вернулся опять на мельницу... Заглянулъ **подъ** мельницу и ужаснулся. Тамъ **увидалъ** на валѣ мельничнаго

колеса страшнаго вида женщину, расчесывающую свои длинные волосы. Не помня себя отъ страха, я закричалъ и выбѣжалъ изъ мельницы. Когда я подходилъ къ помольной избѣ, мельница опять пошла въ ходъ. Но вернуться одинъ на мельницу не осмѣлился, а рѣшилъ непременно разбудить мельника; тѣмъ болѣе, что жита въ ковшѣ уже было немного, надо было насыпать, иначе — безъ жита — жернова могли накалиться и вызвать пожаръ. Въ послѣднемъ случаѣ вся отвѣтственность могла пасть на меня и тогда могли меня обвинить и подвергнуть наказанію и взысканію. Пришелъ я къ мельнику, но сколь его ни будилъ — разбудить опять не могъ. И долженъ былъ вернуться въ мельницу одинъ. Мельница молота бойко. Посмотрѣлъ въ ковшъ. Тамъ жита уже было мало, и я насыпалъ остальное жито... Сколь не боялся, однако, свое дѣло не забыть. Въ виду малаго количества въ ковшѣ жита, сталъ муку сыпать въ мѣшки. Оглянулся въ сторону вѣсовъ и увидалъ тамъ стоящимъ какого-то человѣка — мужчину, величиной не менѣе четырехъ аршинъ. Онъ смотрѣлъ на меня, и я смотрю на него. Такъ другъ на друга смотрѣли молча. Я сначала принялъ его за бродягу и думалъ что онъ мнѣ зла не сдѣлаетъ, если попросить хлѣба — дамъ. Бродягъ на своемъ вѣку я видалъ, но ничего худого они мнѣ не сдѣлали. Такъ и въ данное время не особенно испугался. Смотрѣлъ на меня таинственный посетитель и вдругъ исчезъ. Тутъ меня объялъ страхъ и, остановивши мельницу, ушелъ въ помольную избу. Тѣмъ временемъ мельникъ уже проснулся. Я рассказалъ ему о своемъ видѣніи, но онъ не повѣрилъ. Послѣ меня помольщиковъ уже не было, и мельницу мельникъ заперъ на замокъ. Пришли въ помольную избу и легли спать. Но мнѣ послѣ ужасныхъ видѣній не спалось — все мерещилась страшная женщина и страшный мужчина. Утромъ, какъ только стало разсвѣтать, я, съ помощью мельника, положилъ мѣшки въ сани, взвѣсивши ихъ и заплативши мельнику за размоль. Разсчитался съ мельникомъ и уѣхалъ домой. Бѣдучи домой, почувствовалъ расслабленіе и ломоту. Значить, я захворалъ, притомъ же и во снѣ стали преслѣдовать меня видѣнія на мельницѣ. Отецъ и мать еще были живы и стали замѣчать, что я не совсѣмъ въ умѣ. Вотъ и рѣшили они отправиться въ Черемисскую Бобью къ ворожейкѣ узнать причину моей болѣзни. Ворожейка поворожила и сказала, что надо испечь изъ муки, которая смолота на мельницѣ съ привидѣніями, прѣсные хлѣбы, найти дикую

утку и принести ее въ жертву на водяномъ колесѣ. Когда-де исполните это, тогда пройдетъ и болѣзнь. Вернулся отецъ отъ ворожейки и сталъ искать дикую утку; а въ это время дикія утки уже были. Нашли дикую утку и принесли ее въ жертву съ прѣсными хлѣбами на мельничномъ колесѣ, гдѣ мнѣ показалась женщина вумуртъ (Вуко-марья)... Болѣзнь моя прошла, и я сталъ совершенно здоровъ. Но вотъ послѣ весны и лѣта наступила осень, и я сталъ охотиться за дичью. Во время охоты я взобрался на елку и съ нея упалъ, такъ что ушибся чуть не до смерти. Еле живого привезли меня домой и увезли въ больницу. Однако, прежнее здоровье не вернулось, и я началъ похварывать. Съ тѣхъ поръ на охоту совсѣмъ не хожу*, заключилъ свое повѣствованіе о привидѣніяхъ Федотъ.

Покойница—колдунья.

(Кулачь-убирь).

Одинъ барышникъ закупилъ на убой быковъ. Купилъ онъ сорокъ головъ. Погналъ свой скотъ въ городъ продавать мясникамъ. и ему предстояло переночевать въ деревнѣ. Время было уже вечернее, и онъ остановился у деревни, чтобы утромъ, послѣ кормленія своего скота, опять отправиться въ путь. До города уже было не далеко. Въ деревнѣ онъ просился къ тому, другому мужику, но его съ быками не пустили. Можетъ быть и пустили бы, да дворы мужиковъ были очень тѣсны, а для сорока штукъ быковъ мѣста понадобилось бы много. Дѣлать было нечего, нужда заставила остановиться съ быками у деревни, гдѣ было старое языческое кладбище; а на немъ трава росла густая и сочная. Быки стали щипать траву, не расходились кто куда. Онъ легъ на землю и сталъ смотрѣть на быковъ. думая, что продастъ ихъ въ городъ съ большимъ барышомъ, а быки были жирны. Лежалъ онъ долго, смотрѣлъ на быковъ... Вдругъ представилось ему такое видѣніе. Не далеко, въ сосѣдствѣ съ нимъ, изъ земли (изъ могилъ) стали выходить мертвецы въ бѣлыхъ саванахъ. съ коромыслами на плечахъ и ведрами. Окружили мертвецы быковъ и стали ихъ колоть какъ мясники, и кровь закалываемыхъ животныхъ стали цѣдить въ свои ведра; затѣмъ, нацѣдивши полныя ведра. вылили изъ ведеръ въ тѣ мѣста, откуда вышли, а вышли они изъ норъ, которыя шли въ землю вертикально. Закололи всѣхъ быковъ. кромѣ одного, и спустились въ норы, въ которыя вылили кровь быковъ. Заколотые быки лежали мертвыми. Барышникъ смотрѣлъ на это съ недоумѣніемъ. Онъ хотя и былъ не изъ трусливыхъ, однако, не осмѣлился издать ни малѣйшаго звука. Что это значитъ? Какіе это люди закололи моихъ быковъ?—говорилъ онъ себѣ мысленно. Когда онъ думалъ такъ, вдругъ увидалъ проходящую мимо него женщину.

— Куда идешь?—осмѣлился онъ спросить.

— Иду на свадьбу,—отвѣтила она и прошла.

— Это, вѣроятно, женщина Кулемъ-убиръ,—сказалъ себѣ мысленно барышникъ и ушелъ на то мѣсто, откуда появилась женщина.

Пришелъ онъ на мѣсто появленія женщины и увидѣлъ открытую, неглубокую могилу, а въ могилѣ—гробъ, но пустой. Барышникъ былъ человѣкъ неустрашимый и слыхалъ, вѣроятно, о кулемъ-убирахъ, и потому въ ту жъ минуту онъ взялъ гробовую крышку и унесъ ее на свое мѣсто, и сѣлъ на нее.

Сидитъ барышникъ на гробовой доскѣ и ждетъ, что будетъ дальше. Прошло нѣсколько времени, и мимо барышника стала проходить та же женщина, съ которой уже встрѣтился онъ.

— Куда ты ходила?—спросилъ барышникъ женщину.

— Я ходила на свадьбу,—отвѣчаетъ женщина.

— Что тамъ дѣлала?

— Взяла съ тебѣ головы невесты бѣлый волосокъ, а изъ челюсти ея—коренной зубъ.

— Что же стало съ невестой?

— Она умерла.

Отвѣтивши на всѣ вопросы барышника, колдунья (это была она)—покойница ушла. Спустилась она въ свою могилу, но тамъ гробовой доски не нашла. Вернулась она къ барышнику.

— Дай крышку отъ моего гроба,—требуетъ колдунья-покойница.

— Зачѣмъ погубила невесту?—говоритъ на это барышникъ.

Женщина молчитъ. Барышникъ сидитъ на гробовой доскѣ и въ то-же время страшно злится на женщину колдунью; но свою злость ни чѣмъ особеннымъ не выражаетъ. Колдунья же только молчитъ.

— Пойдемъ къ умершей невестѣ и оживи ее. Иначе гробовую доску не получишь,—наконецъ, говоритъ барышникъ.

Женщина молчитъ.

— Рѣшай скорѣе; не то я съ крышкой уйду и тебѣ нельзя будетъ попасть въ могилу,—въ приказательномъ тонѣ говоритъ еще барышникъ.

Женщина думала, думала и нехотя сказала:

— Пойдемъ... Иди за мной.

Пришли къ невестѣ и ее барышникъ видитъ мертвой. Колдунья взятый съ собой волосокъ положила въ то мѣсто, откуда взяла его, а зубъ вложила въ челюсть. Какъ только она вложила зубъ, невеста

стала дышать и, видимо, просыпаться. Ожививши мертвую невесту, колдунья из избы вышла; вышел за ней и барышникъ. Пришли на кладбище, и барышникъ возвратилъ ей гробовую крышку. Она взяла крышку и бросила ее въ могилу; вслѣдъ за симъ и сама, оборотившись въ мышку, спустилась въ могилу, и могила зарылась сама собой, на мѣстѣ же могилы образовалась мышья нора. Барышникъ съ однимъ быкомъ отправился въ городъ.

Что было дальше—разсказчикъ не сообщилъ.

Банн ые д у х и .

— Банн ые д у х и (мынч о - мурт ь)—людофды, как ь и „убиры“.

„Въ началѣ зимы въ деревняхъ дѣвушки устраиваютъ посидѣлки для пряденія льна и конопли и для разныхъ рукодѣлаій; а посидѣлки у нихъ бывають, какъ извѣстно, въ баняхъ, послѣ того, какъ всѣ выпарятся.

Въ тотъ длинный зимній вечеръ, въ который дѣвушки сидѣли въ банѣ, въ деревнѣ была мѣрская сходка, которая продолжалась до полночи. Когда на сходкѣ покончили всѣ дѣла и совѣтчики стали расходиться, одинъ молодой мужикъ, любящій ходить по посидѣлкамъ, спустился подъ гору къ рѣчкѣ, гдѣ былъ устроенъ прудокъ. На берегу прудка стояла баня, принадлежавшая нѣсколькимъ селѣствамъ. Вотъ въ этой банѣ и должны были сидѣть дѣвушки. Вышелши изъ избы, въ которой происходилъ мѣрской совѣтъ, мужикъ направился къ банѣ, думая застать тамъ дѣвушекъ, чтобы провести съ ними нѣкоторое время и послушать рассказы ихъ о разныхъ привидѣнiяхъ, о которыхъ рассказывалось въ обществѣ охотнiе. Отворилъ дверь и зашелъ въ баню. Въ банѣ было темно... Онъ подумалъ, что дѣвушки огонь погасили ради шутки или съ другой цѣлью, и безбоязненно зашелъ въ баню, какъ и прежде заходилъ; между тѣмъ, какъ оказалось, дѣвушекъ тамъ уже не было: онѣ разошлись по домамъ. Какъ только онъ вступилъ за порогъ банной двери, его поймали банн ые д у х и , мынч о - мурт ы (то же, что и мынч о - кукники). Мынч о - мурт ы сняли съ него одежду, потомъ содрали съ него, живого, шкуру, изрѣзали ее полосами и положили на каменку жариться. Когда шкура мужика изжарилась, мынч о - кукники въ разныхъ углахъ бани стали ѣсть эту шкуру, приглашая къ себѣ другъ друга въ гости, а мужика, еще живого, не отпускають. Черезъ нѣсколько времени пришелъ въ ту же баню другой мужикъ и его тоже поймали. Мужикъ слышалъ стоны и слова перваго мужика и сказалъ: „Остѣ, Инмаре“ (Господи, благослови!). Какъ только сказалъ онъ эти слова, мынч о - кукники от-

ступили отъ него и онъ, вышедши изъ бани, побѣжалъ домой безъ оглядки. Одинъ изъ мынчо-кукниковъ погнался за нимъ, но не достигъ его. Мужикъ заперъ за собой крыльцо, благословясь, и считалъ себя спасеннымъ. „Ладно, что успѣлъ зайти, а то былъ уже въ моихъ рукахъ“, — сказалъ мынчо-кукникъ и вернулся въ баню.

Мужикъ дома рассказалъ о случившемся съ нимъ и, особенно, о первомъ мужикѣ. Сообщили и семейнымъ перваго мужика, и тѣ собрались и, пригласивши еще нѣсколько человѣкъ, ушли въ баню. Въ банѣ мужика нашли задавленнымъ мынче-кукниками и оставили его тамъ до утра. Какъ только разсвѣтало, деревенскіе, по просьбѣ семейныхъ убитаго мынчо-муртами, собрались на совѣтъ и рѣшили баню сожечь. Сошли они подъ гору... Обложили баню соломой и соломѣ зажгли. Когда баня запылала, мынчо-кукники стали перелетать въ видѣ пѣтуховъ, въ другую баню. На одного мынчо-мурта мужики бросились съ палками, стали швырять въ него, но убить не могли, и онъ скрылся. Баня сгорѣла на глазахъ мужиковъ, и послѣдніе ушли домой.

Послѣ этого мынчо-мурты стали проказничать въ другой банѣ, куда перешли въ видѣ перелетающихъ пѣтуховъ. Мужики сожгли и эту баню. Тогда мынчо-кукники перешли въ поле. Одинъ мужикъ, участвовавшій въ сожженіи бани, ушелъ въ поле безъ товарищей и тамъ мынчо-кукники задавили его и съѣли.

Банные духи у вотяковъ называются разными именами (мынчо-муртъ, мынчо-кузѣ, мынчо-кукникъ, мынчо-почеткѣ) потому въ вышеприведенномъ разсказѣ они названы различно.

Н и щ и й.

Въ одной деревнѣ въ разныхъ домахъ жили два брата—старшій и младшій. Старшій не любилъ нищихъ, ничего имъ не **подавалъ**: если же что и подавалъ, то подавалъ жалтѣя; младшій же братъ **принималъ** нищихъ и угощалъ ихъ. Такъ они жили по отношенію къ нищимъ всякъ по своему. Зашелъ однажды къ старшему брату нищій и сталъ проситься на ночлегъ. Мужикъ съ женой его не пустили, и онъ ушелъ къ младшему брату, живущему рядомъ, и сталъ проситься ночевать.

— Переночуй, дядя: мѣста хватить у насъ. Походишь, пособи-раешь гдѣ—приди опять ночевать къ намъ, если запоздаешь и не успеешь уйтти въ другую деревню,—сказалъ младшій братъ.

Нищій зашелъ къ нему, и онъ угостилъ его какъ гостя. Переночевалъ нищій у младшаго брата; поблагодарилъ за принатіе и угощеніе и ушелъ собирать. Запоздалъ онъ и опять вернулся ночевать. Переночевалъ у младшаго брата другую ночь и сталъ звать къ себѣ въ гости.

— А гдѣ ты живешь?—спросилъ младшій братъ.

„Выйдемъ на крыльцо, и я покажу тебѣ, въ которой **сторонѣ я живу**“, отвѣтилъ на это нищій.

Нищій и хозяинъ вышли на крыльцо и первый, указывая на одну изъ четырехъ сторонъ, гдѣ виднѣлась дорога, сказалъ: „Ступай на эту дорогу. Пройдешь ты по этой дорогѣ нѣкоторое разстояніе и встрѣтишь перекрестокъ нѣсколькихъ дорогъ. Какъ придеши на перекрестокъ, возьми палку, которую найдешь тутъ же, и воткни эту палку въ средину перекрестка. Въ ту же минуту прикатитъ къ тебѣ повозка съ тройкой запряженныхъ въ нее коней. Садись въ эту повозку и поѣзжай. Кони сами знаютъ, куда тебѣ нужно ѣхать. Ты ихъ не направляй и не понукивай. Это будетъ не нужно“.

Поблагодаривши младшаго брата и пригласивши его къ себѣ

въ гости, нищій ушелъ. Младшій братъ хотя и принялъ слова нищаго за обманъ, однако рѣшилъ сходить на перекрестокъ. Но когда къ нему ѣхать—времени избрать не могъ. Наконецъ, случился какой-то праздникъ и въ деревнѣ „загуляли“. Младшій братъ ушелъ по указанной нищимъ дорогѣ на перекрестокъ и увидалъ тамъ палку. Воткнувъ эту палку въ средину перекрестка, и вдругъ прибѣжала къ нему тройка отличныхъ коней, запряженная въ богатую повозку. Мужикъ весьма удивился такому чуду и сталъ тутъ думать, сѣсть въ повозку или нѣтъ. Думалъ, думалъ и рѣшилъ сѣсть. Сѣлъ и поѣхалъ. Ёхалъ онъ быстро, кони неслись вихремъ. Впереди себя дороги не видалъ, а какъ оглядывался назадъ—дорога казалась отличной, какъ карта. Ёхалъ онъ много ли, мало ли—пріѣхалъ въ большой дремучій лѣсъ, такой прекрасный, какого онъ еще не видалъ. Ёхалъ опять лѣсомъ. Вдругъ кони остановились у воротъ огромнаго и при томъ прекраснаго дома. Ворота сами растворились, и заѣхалъ онъ во дворъ. Теперь онъ думалъ, что все это—не обманъ, а дѣйствительность. Вылѣзъ изъ повозки и зашелъ въ домъ съ большой робостью, съ какой идутъ къ царю во дворецъ. Въ домѣ встрѣтилъ его хозяинъ въ блестящихъ одеждахъ, важнаго вида. Въ немъ призналъ тотъ самаго нищаго, котораго принималъ и угощалъ. Хозяинъ весьма ласково обращался съ нимъ и предложилъ ему великолѣпное угощеніе. Послѣ обѣда показывалъ ему свои покои, водилъ и въ сады, окружающіе его домъ. Такъ прошло до вечера. Поговорили, побесѣдовали до ночи, и хозяинъ-нищій приготовилъ своему гостю мягкую постель.— „Все, что увидишь во снѣ, утромъ расскажи мнѣ“,—сказалъ хозяинъ. Гость далъ слово рассказать; затѣмъ уснули. Спать гость и видитъ во снѣ, будто спитъ онъ на четырехгранномъ брускѣ и хочетъ упасть внизъ; а внизу, по одну сторону бруса, горитъ огонь, по другую—стеклится вода. Испугался спящій гость и проснулся. Подошелъ къ нему хозяинъ и спросилъ его, что-де видѣлъ во снѣ.— „Ничего не видѣлъ“,—солгалъ гость. Хозяинъ обличилъ его во лжи и сказалъ, что онъ долженъ переночевать у него другую ночь, такъ какъ онъ провелъ въ домѣ его двѣ ночи. Гость согласился. Провелъ онъ денюжку—въ богатыхъ покояхъ, то въ прекрасныхъ садахъ и наступила ночь. Хозяинъ опять уложилъ его на мягкой постели и сказалъ ему, что увидѣнный сонъ онъ долженъ рассказать. Гость далъ слово и уснулъ. Спать и видитъ онъ себя въ какомъ-то смрадномъ мѣстѣ

Проснулся онъ съ испугомъ и хозяинъ подошелъ къ нему. — „Ну, расскажи, что видѣлъ во снѣ“, — обратился къ нему хозяинъ. — „Ничего я не видѣлъ“, — солгалъ гость опять. Хозяинъ опять обличилъ его во лжи, рассказавши ему сновидѣніе. Гость сталъ собираться домой. Хозяинъ не отпускаетъ его — говоритъ, что онъ долженъ переночевать третью ночь, за старшаго брата. — „Не торопись, погости еще“, — говоритъ, останавливая его. Дѣлать нечего, гость долженъ былъ согласиться переночевать третью ночь за старшаго брата. Пришла ночь и хозяинъ уложилъ его опять на мягкую постель, взявши съ него слово рассказать видѣнный сонъ. Уснулъ онъ и увидалъ себя въ прекрасномъ, очень веселомъ мѣстѣ. — „Хорошо ли спалось тебѣ въ третью ночь?“ спросилъ гостя хозяинъ, подошедши къ нему при пробужденіи его. — „Спалъ недурно и видѣлъ хорошій сонъ“ — отвѣтилъ онъ. — „Я знаю видѣнный тобою сонъ: ты видѣлъ себя въ прекрасномъ мѣстѣ“, — сказалъ хозяинъ. Далѣе, онъ объяснилъ три сновидѣнія: — „Первый сонъ твой означаетъ мѣсто твоего старшаго брата, а второй сонъ — жены твоего старшаго брата. Они не любятъ нищихъ, потому и приготовлены имъ такія мѣста. Третій сонъ означаетъ твое мѣсто. Оно будетъ дано тебѣ за любовь къ нищимъ“. Поблагодарилъ гость хозяина, простился съ нимъ и по лѣстницамъ спустился во дворъ, а тутъ у крыльца дождала его уже тройка отличныхъ коней, запряженная въ богатую повозку. Сѣлъ онъ въ эту повозку и поѣхалъ. Доѣхалъ до перекрестка дорогъ и остановился. Вылѣзъ изъ повозки и лошади вернулись. Онъ пошелъ по дорожкѣ и пришелъ домой. — „Гдѣ ты пронадалъ двѣ ночи?“ спросила его жена. Мужикъ рассказалъ ей все, какъ было, и жена выразила сильное желаніе побывать въ гостяхъ. — „Принимай и угощай нищихъ и — можетъ быть — будешь приглашена“ — сказалъ на это мужикъ. Съ тѣхъ поръ мужикъ сталъ любить нищихъ сильнѣе.

Нищій—языковѣдъ.

Бродилъ по деревнямъ съ котомкой за плечами нищій. У него не было ни кола, ни двора, ни родныхъ. Приютить—некому. Ушелъ онъ въ чужую сторону и тамъ сталъ собирать куски хлѣба, которые ему давали и потомъ продавалъ эти куски и тѣмъ пріобрѣталъ копейку—другую денегъ. Проходилъ онъ однажды волокомъ, и тамъ увидалъ большой домъ. Зашелъ въ этотъ домъ. Хозяинъ дома былъ въ отлучкѣ, а прочіе члены семьи—дома. „Не наймешься ли ты къ намъ въ работники?“ спросилъ нищаго старшій сынъ хозяина. Нищій подумалъ и согласился.—„Чѣмъ шяться съ котомкой, лучше буду жить въ работникахъ“—сказалъ онъ себѣ. И нанялся онъ за обыкновенную плату, какую платили работникамъ, и сталъ служить. Черезъ нѣсколько времени хозяинъ вернулся и доволенъ былъ сыномъ, что нанялъ онъ работника.—„Живи ты въ отдѣльной избѣ съ моими работниками, въ мои хозяйскіе покои не заходи“—сказалъ хозяинъ.—„Хорошо будь по-твоему“—согласился работникъ и сталъ жить въ отдѣльной избѣ съ прочими работниками. Живетъ онъ въ работникахъ, помѣщается въ отдѣльной избѣ, въ хозяйскіе покои не заходитъ, крѣпится; крѣпился, крѣпился—наконецъ не вытерпѣлъ, когда хозяева дома не было, сходилъ въ хозяйскій домъ. Хозяинъ какъ-то узналъ, что работникъ, вопреки запрещенію его, заходилъ въ хозяйскіе покои. Въ наказаніе за это хозяинъ заставилъ служить у него въ работникахъ даромъ цѣлый годъ. Работникъ покорился—сталъ служить даромъ. Прослужилъ онъ даромъ цѣлый годъ и опять нанялся въ работники за ту же цѣну, съ условіемъ не заходить въ хозяйскіе покои. Долго крѣпился онъ—не заходилъ въ помѣщеніе хозяина. Но вотъ опять хозяева отлучились, и онъ сходилъ. Хозяева, вернувшись, узнали, что работникъ опять былъ въ хозяйскомъ домѣ. За это заставили его служить бесплатно другой годъ. Теперь, боясь лишиться платы, онъ

крѣпится, въ хозяйскіе покои не заходить. Прослужилъ три года и хозяинъ говоритъ ему: „Выбери изъ двухъ одно: или возьми денегъ за послѣдній годъ, или получи даръ языкознанія“.— „А какіе языки я буду знать?“ спросилъ нищій.— „Будешь знать не только языкъ людей, но и животныхъ, и неодушевленныхъ предметов“. Нищій думалъ, думалъ и выбралъ послѣднее—пожелалъ быть языковѣдомъ. Угостилъ хозяинъ своего бывшаго работника и послалъ съ нимъ своего сына проводить его до извѣстнаго мѣста съ тѣмъ, чтобы научить его тамъ всякимъ языкамъ, языкамъ живыхъ и неживыхъ. Шли они много ли, мало ли—хозяйскій сынъ научилъ его языкамъ всѣхъ животныхыхъ и всѣхъ вещей; а чтобы испытать нищаго въ знаніи языковъ, ему надо было еще пройти нѣкоторое разстояніе лѣсомъ. Шли лѣсомъ, и увидали большое бревно, которое лежало у дороги. Учитель спросилъ бревно: „что дѣлаешь?“ затѣмъ пнулъ въ него ногой, и оно издало звукъ. „Что отвѣтило бревно?“ спросилъ учитель ученика—нищаго.— „Лежу на своемъ мѣстѣ“—перевелъ нищій языкъ бревна.— „Правильно“—подтвердилъ учитель. Шли они лѣсомъ, и учитель остановился у сосны и спросилъ ее: „что дѣлаешь?“ и съ этими словами опять пнулъ ногой въ сосну. Сосна издала звукъ и учитель спросилъ ученика: „что отвѣтила сосна?“— „Стою и смотрю на васъ“—сказала она.— „Вѣрно твое слово“—сказалъ опять учитель. Затѣмъ учитель вернулся къ себѣ, убѣдившись вполне, что нищій даръ языкознанія получилъ. Шелъ нищій лѣсомъ и дошелъ до деревни. Зашелъ въ избушку, и тамъ семейныхъ не засталъ. Пнулъ онъ ногой въ стоявшій въ переднемъ углу столъ со словами: „Гдѣ семья?“ и столъ (звукъ отъ удара) сказалъ: „семья на гумнѣ“. Опять спросилъ: „что дѣлаютъ?“ и съ этими словами пнулъ въ столъ.— „Молочать“,—отвѣтилъ звукъ стола. Вышелъ онъ изъ избы и зашелъ въ другую избу. Здѣсь тоже не засталъ никого. На очагѣ въ котлѣ варятся щи. Онъ стукнулъ въ котель со словами: „Гдѣ семья?“— „Уѣхали въ село“—отвѣтилъ котель. Вышелъ нищій изъ этой избы и направился въ село. Пришелъ онъ въ село и тамъ сказали, что у одного лавочника сдѣлалась покража: украли-де деньги и вора не нашли. Зашелъ онъ въ домъ лавочника и тамъ засталъ семейныхъ его и другихъ людей. Хозяину онъ предложилъ свои услуги поворожить, можетъ быть-де узнаю вора и найду деньги. Хозяинъ охотно согласился и въ случаѣ найденія денегъ обѣщался наградить его. Онъ пнулъ ногой въ столъ и

Помѣщены они были въ Новомъ журналѣ для всѣхъ, 1911 г., первый въ № 33, второй въ № 35 за подписью С. Елеонскій.

„Нечѣмъ жить“ было напечатано въ августовской книжкѣ Вѣстника Европы за 1912, а не 1911, и за подписью С. Миловскій (Елеонскій), а не Шихановъ, какъ сообщалось во 2-мъ вып. Извѣстій.

Разказы „Формуляр“ и „Реклама“, напечатанные во 2-мъ Сборникѣ разказовъ С. Н. Елеонскаго, изд. Товарищества „Обществ. Польза“, 1911 г., первоначально были напечатаны—первый въ Мирѣ Божьемъ, 1908 г., № 12, второй — въ Русск. Богат., 1911, № 12.

Нѣкоторые разказы перепечатывались въ изданіи Вятскаго Товарищества и Донской Рѣчи (Грубіанъ).

Нъ литературѣ о С. Н. Миловскомъ.

1) Печальная страница жизни С. Н. Елеонскаго. Статья Н. Кор—на (Нижегородскій Листокъ, 1911, № 252; Прикамская Жизнь, 1911, №№ 204—5).

2) О С. Н. Миловскомъ-Елеонскомъ. Ст. Вл. З—цкаго (Нижегород. Листокъ, 1911, № 260; Прик. Жизнь, 1911, № 212).

3) Къ трагической кончинѣ С. Н. Миловскаго (Камско-Волжская Рѣчь, 1911, № 181).

4) С. Н. Миловскій -Елеонскій (Вятская Рѣчь, 1911, № 177).

5) С. Н. Миловскій (Прикам. Жизнь, 1911, №№ 176—177).

6) С. Н. Миловскій (Камско-Волжск. Рѣчь, 1911, №).

7) Къ кончинѣ С. Н. Миловскаго (тамъ же, 1911, №).

8) Похороны С. Н. Елеонскаго. Ст. Л. Т. (Прикам. Жизнь, 1911, № 178).

9) Некрологъ и портретъ (Нива, 1911, № 37. стр. 681).

10) Критическіе отклики. XXI. Разказы С. Н. Елеонскаго. (Статья Эдипа въ В.-К. Рѣчи, 1911, № 193).

11) Пьяноборцы -священники. (Ст. Е. М. въ Современ. Словѣ, 1911, № 1398).

12) Работы С. Н. Миловскаго-Елеонскаго (Прикамская Жизнь, 1911, № 200).

13) „Красный цвѣтокъ“. (Ст. И. Степанова, тамъ же, 1911, № 177).

Разумѣется, настоящимъ спискомъ не исчерпывается—ни все то, что написалъ С. Н. Миловскій (въ провинціи и безъ того трудно слѣдить за литературой, а покойный С. Н. часто мѣнялъ и органы, гдѣ работалъ, и псевдонимы), ни, тѣмъ болѣе, то, что было о немъ написано, но—feci quod potui...

Мнѣ осталось еще упомянуть, что въ музеѣ Сарап. земства, кромѣ немногихъ автографовъ покойнаго, хранятся еще фотографіи:

1) С. Н. Миловскій въ день празднованія своего служебнаго юбилея и 2) въ гробу. Да будетъ земля ему пухомъ...

Л. Кр.

как стрѣлы;

дей (божки);

ей;

изображенія, очень грубыя;

гальки;

орнаментомъ, плоское и ка-

леченныя (рис. 1—13).

Изъ Юшковскаго городища (рис. 1—7).

Изъ Усть-Нечкинскаго городища (рис. 8—13).

Изъ развѣдокъ 1909 г. (рис. 14).

Изъ развѣдокъ 1913 г. (рис. 15, 16).

Изъ развѣдокъ 1913 г. (рис. 10, 11).

Изъ развѣдокъ 1913 г. (рис. 12, 13).

Изъ развѣдокъ 1913 г. (рис. 15, 16).

Изъ развѣдокъ 1913 г. (рис. 15, 16).

Изъ развѣдокъ 1913 г. (рис. 15, 16).

Изъ развѣдокъ 1913 г. (рис. 15, 16).

Изъ развѣдокъ 1913 г. (рис. 15, 16).

Изъ развѣдокъ 1913 г. (рис. 15, 16).

Изъ развѣдокъ 1913 г. (рис. 15, 16).

Изъ развѣдокъ 1913 г. (рис. 15, 16).

Изъ развѣдокъ 1913 г. (рис. 15, 16).

Изъ развѣдокъ 1913 г. (рис. 15, 16).

Изъ развѣдокъ 1913 г. (рис. 15, 16).

Изъ развѣдокъ 1913 г. (рис. 15, 16).

Изъ развѣдокъ 1913 г. (рис. 15, 16).

Изъ развѣдокъ 1913 г. (рис. 15, 16).

Изъ развѣдокъ 1913 г. (рис. 15, 16).

Изъ развѣдокъ 1913 г. (рис. 15, 16).

Изъ развѣдокъ 1913 г. (рис. 15, 16).

Изъ развѣдокъ 1913 г. (рис. 15, 16).

Изъ развѣдокъ 1913 г. (рис. 15, 16).

Изъ развѣдокъ 1913 г. (рис. 15, 16).

Изъ развѣдокъ 1913 г. (рис. 15, 16).

Изъ развѣдокъ 1913 г. (рис. 15, 16).

Изъ развѣдокъ 1913 г. (рис. 15, 16).

Изъ развѣдокъ 1913 г. (рис. 15, 16).

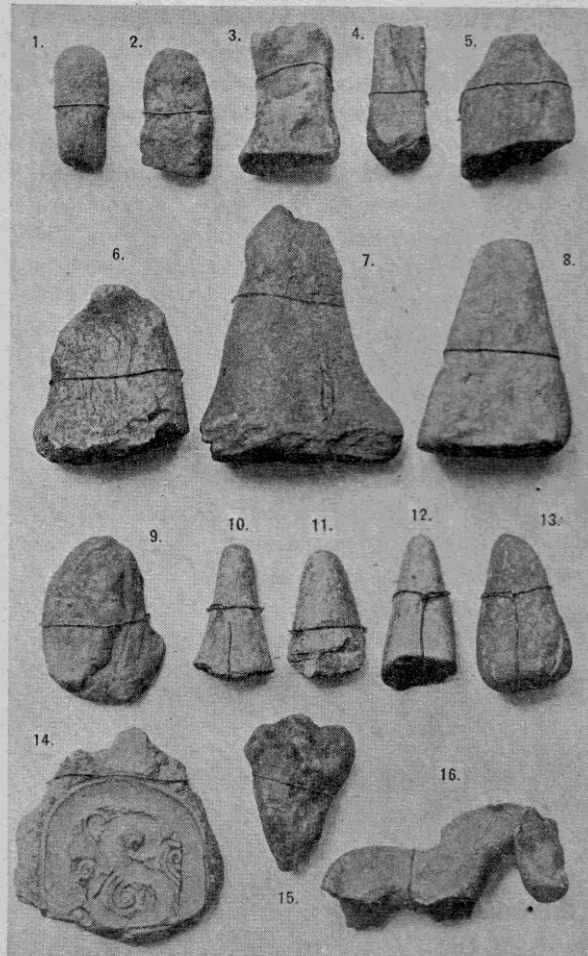
Изъ развѣдокъ 1913 г. (рис. 15, 16).

Изъ развѣдокъ 1913 г. (рис. 15, 16).

Изъ развѣдокъ 1913 г. (рис. 15, 16).

Находки съ Юшковскаго и Усть-Нечкинскаго городищъ.

(4/5 натурльн. велич.).

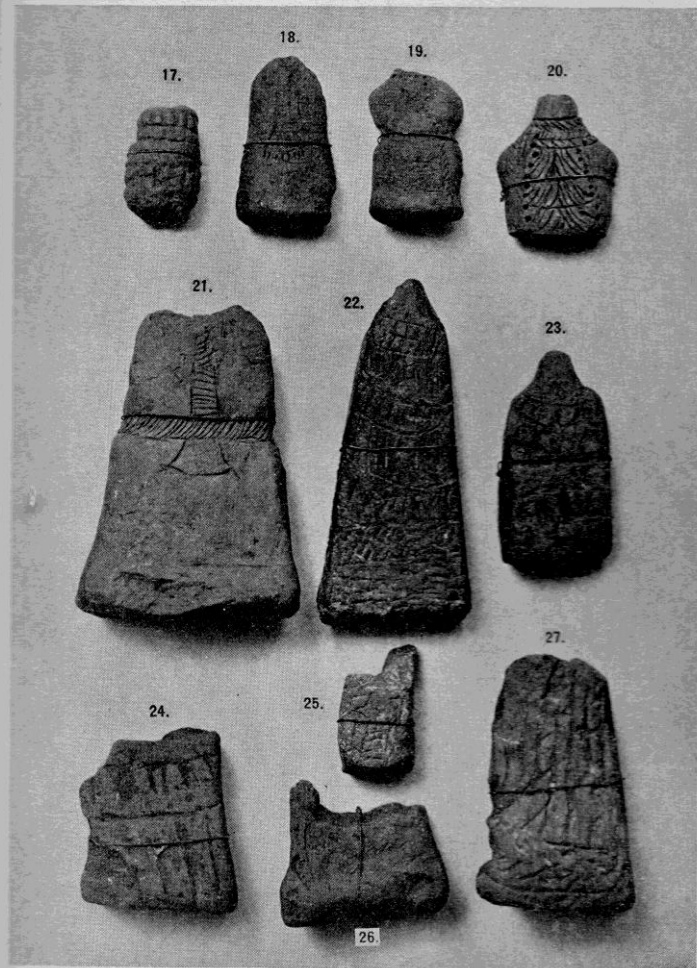
1—7, 9, 15, 16, съ Юшковскаго городища изъ раскопокъ 1913 г.

8, 10—13, съ Усть-Нечкинскаго городища изъ раскопокъ 1913 г. (10 и 11 изъ кости, 12 и 13 изъ гальки).

14, Формочка для отливки изъ развѣдокъ 1909 г. съ Усть-Нечкин. город.

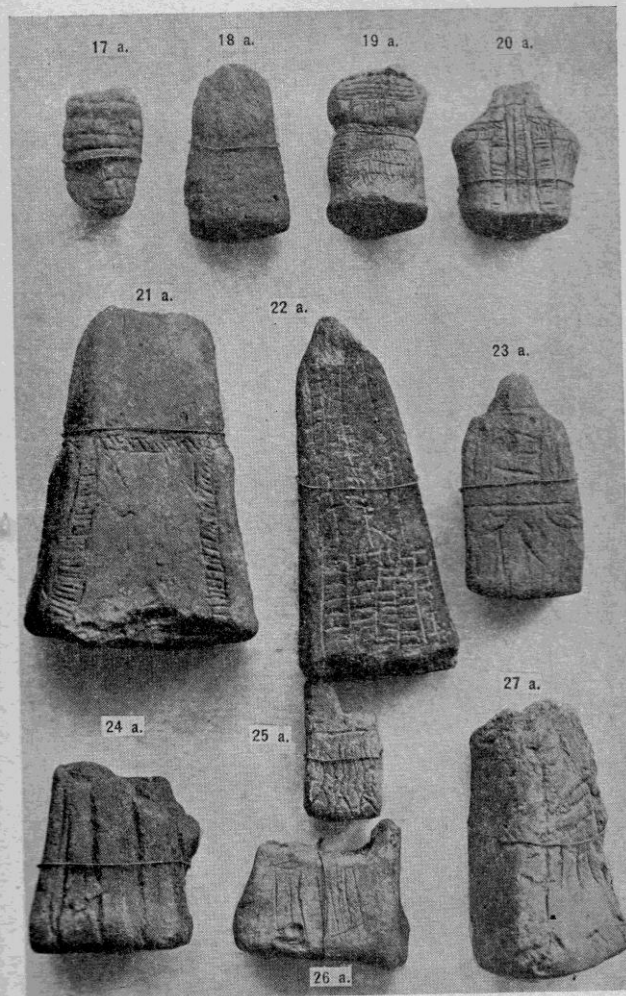
15, Голова животнаго: мѣсто прикрѣпленія шеи, на рисункѣ не воспроизведенное, вполнѣ аналогично такому же мѣсту на головѣ лошади.

Находки съ Юшковскаго и Усть-Нечкинскаго городищъ.
(4/5 натуральн. велич.).

- 17, 19 и 23. Находки П. П. Беркутова въ 1909 г. на Юшковскомъ город.
18, 20, 21 и 24 съ Юшковскаго городища изъ раскопокъ 1913 г.
22, 26 и 27 съ Усть-Нечкинскаго городища изъ раскопокъ 1913 г.
25. Развѣдки Усть-Нечкинскаго городища въ 1909 г.

Находки съ Юшковскаго и Усть-Нечкинскаго городищъ.
(4/5 натуральн. велич.).

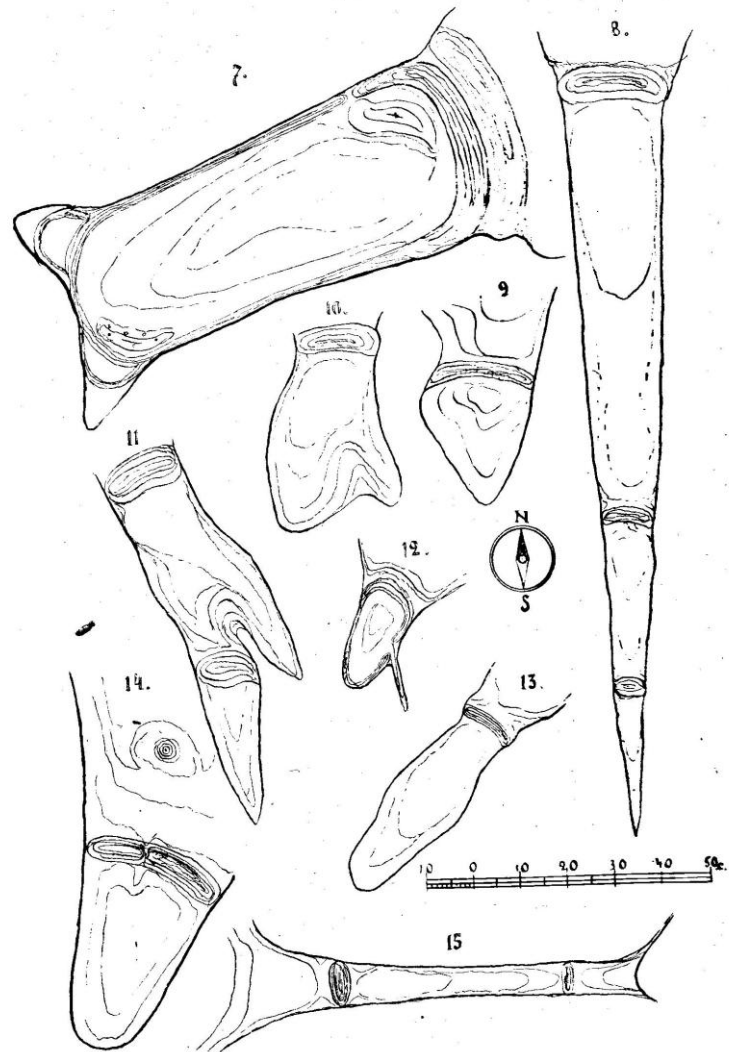
17 а.—27 а. Обратная сторона тѣхъ же номеровъ.

Городища.

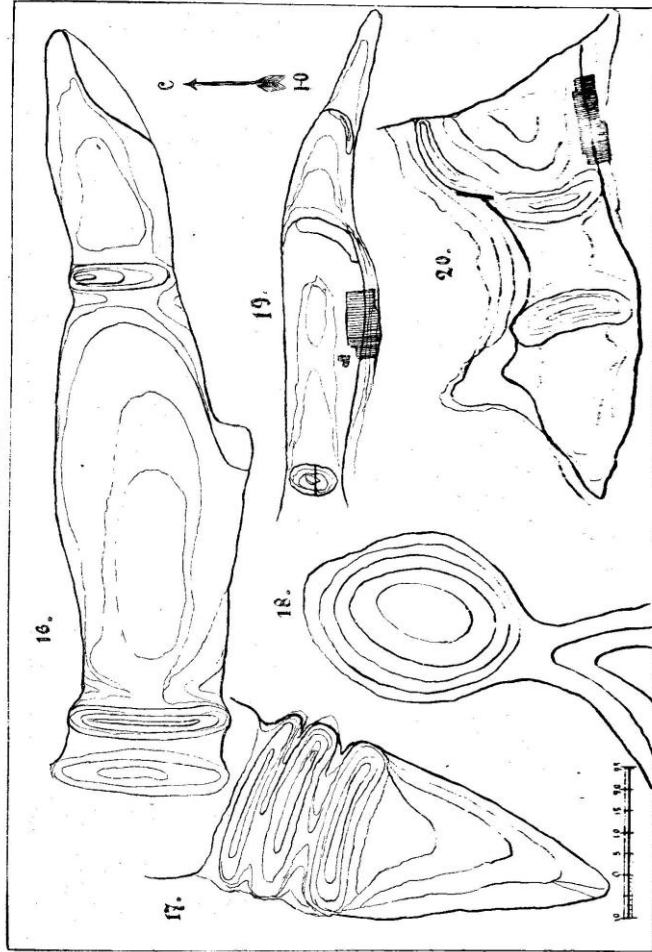
1. Первое Ключёвское.
2. Чупиха.
3. Сухаревское.
4. Яромазское.
5. Юнгинское.
6. Заборьинское.

Городища.

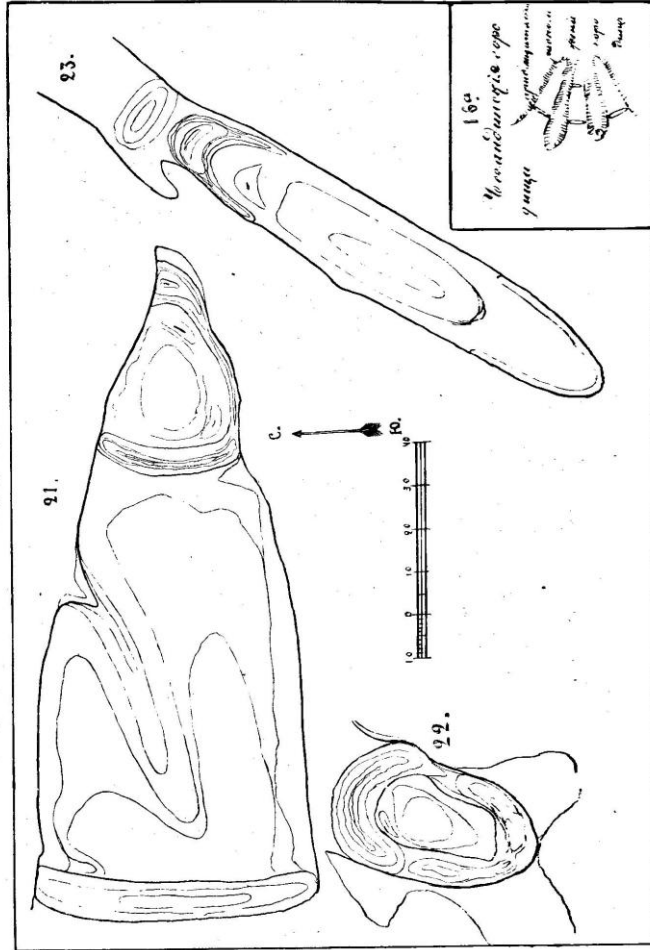
7. Ола Курукъ.
8. Второе Нырғындинское.
9. Второе Ключевское
10. Четвертое Нырғындинское.
11. Третье Нырғындинское.
12. Кладовая веретя.
13. Подъ Клименомъ, или Архіерейская релка.
14. Первое Колесниковское
15. Верхне-Каракулинское.

Городища.

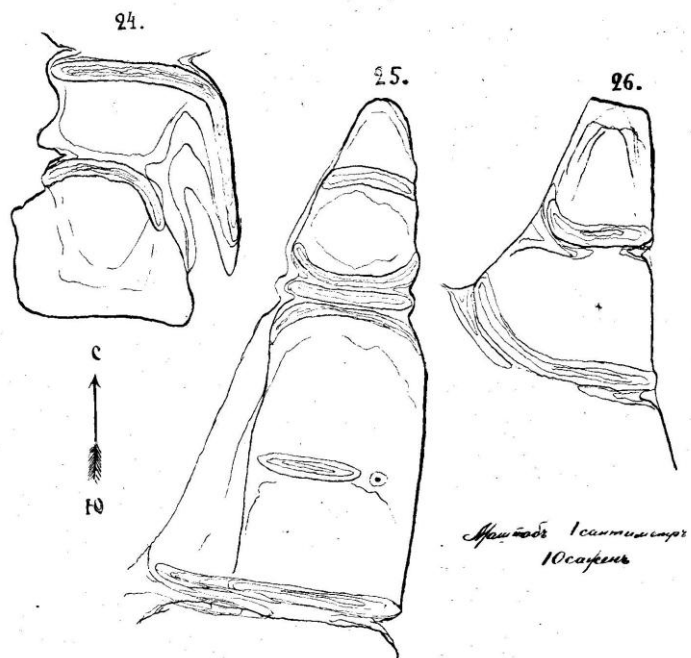

16. Чегандинское. 17. Нечкинское. 18. Коровай. 19. Юшково (заштриховано место раскопок).
20. Усть-Нечкинское (заштриховано место раскопок).

Городища.

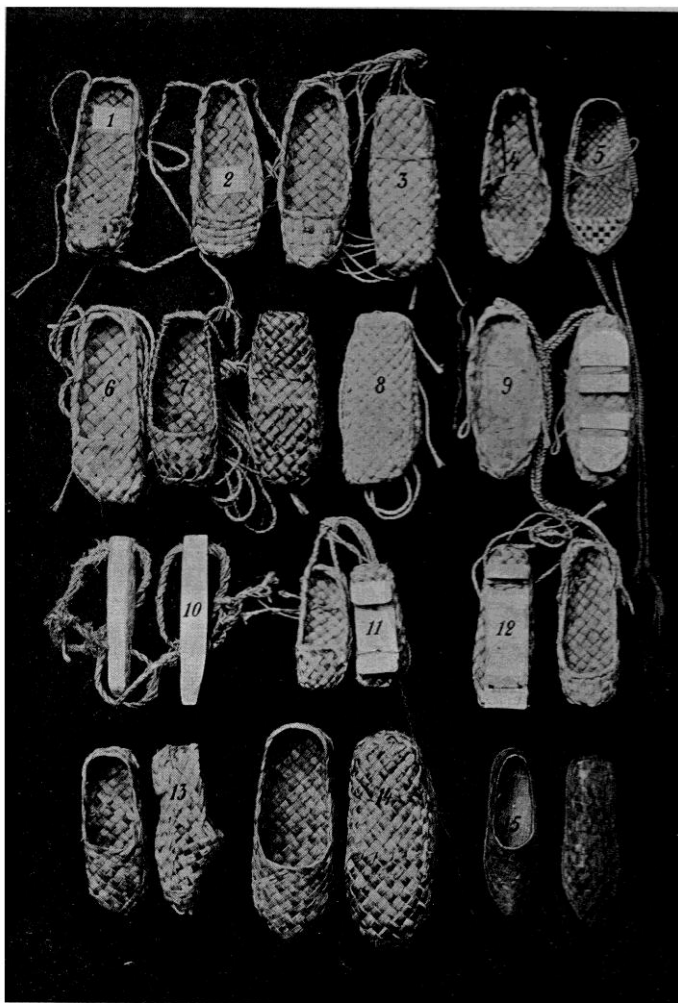
21. Первое Якимовское. 22. Второе Якимовское, «Кереметь». 23. Каменный логъ.

24. Верхне-Машкаринское.

25. Городище у Половинного лога, „Крѣпосца“.

26. Непряхинское.

1 Лапти чувашские. 2 и 3. Татарские. 4. Вотские. 5 Вотские съ клеенкой и гусиными перьями на носкъ. 6. Русские, „закрайки“. 7. Русские, „опушникъ“ 8. Русские, отличаются отъ предыдущихъ подошвой. 9. Вотские съ колодками. 10. Коньки дѣтскіе, замѣняютъ и колодки. 11. Русские дѣтскіе съ колодками. 12. Черемисские съ колодками. 13. Босовики. 14. Калоши 15. „Босики“ ременные.

как стрѣлы;

дей (божки);

ей;

изображенія, очень грубыя;

гальки;

орнаментомъ, плоское и ка-

нькіе;

величины: отъ $\frac{3}{4}$ вершка до

обладаетъ дырочный, только
толсто-веревочнымъ.

въ смѣшанный, веревочно-

е веревочный и веревочно-
ты и безъ орнамента.

ъ: черная глина съ примѣсью
желтовато-красноватой.

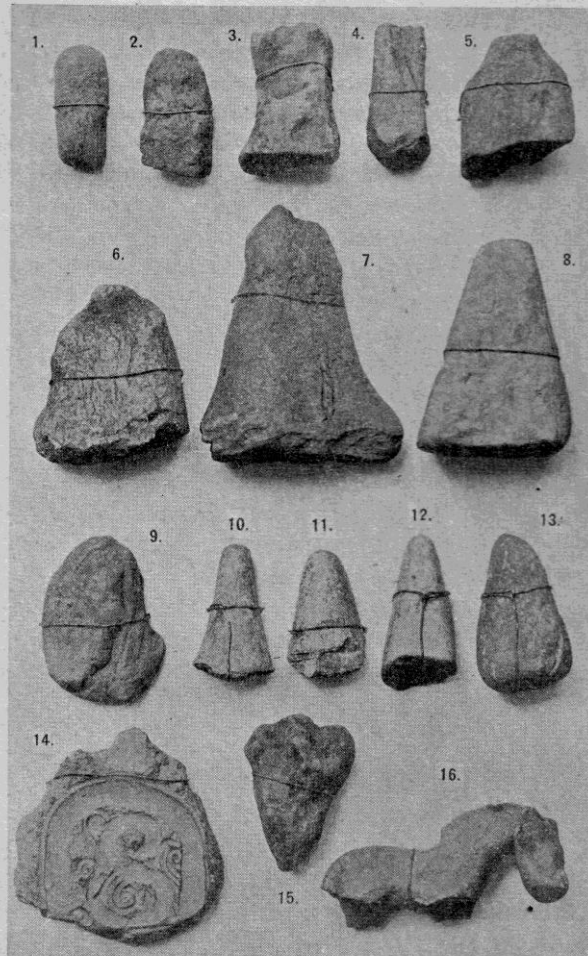
ь сосуды очень тонкой ра-
на поверхности или только
тяжковъ, сѣтки, спираловид-
ручной работы.

нметра до 0,2 сантим.

ого до сильно выходящаго

Находки съ Юшковскаго и Усть-Нечкинскаго городищъ.

($\frac{4}{5}$ натурль. велич.).

1—7, 9, 15, 16, съ Юшковскаго городища изъ раскопокъ 1913 г.

8, 10—13, съ Усть-Нечкинскаго городища изъ раскопокъ 1913 г.
(10 и 11 изъ кости, 12 и 13 изъ гальки).

14, Формочка для отливки изъ развѣдокъ 1909 г. съ Усть-Нечкин. город.

15, Голова животнаго: мѣсто прикрѣпленія шеи, на рисункѣ не воспроизведенное, вполнѣ аналогично такому же мѣсту на головѣ лошади.